

ВОСПОМИНАНІЯ
О
ЖИЗНИ И ДѢЯНІЯХЪ,
ГРАФА И. А. КАПОДИСТРИ,
ПРАВИТЕЛЯ ГРЕЦІИ.

СОЧИНЕНІЕ

А. С. Стурдзи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жизнь современника и сподвижника Александра Благословеннаго заслуживаетъ вниманіе Русскихъ. Имъ посвящаю я, имъ отдаю на судъ, воспоминанія мои о жизни и дѣяніяхъ Графа И. А. Каподистріи, бывшаго Статсъ-Секретаремъ при особѣ Августѣйшаго избавителя Европы и Правителемъ Греціи, гдѣ земное бытіе его озарилось вѣщомъ небеснымъ. Провидѣніе возвелъ сего знаменитаго страдальца, стезею немовѣрныхъ превратностей и тяжкихъ въ мірѣ испытаній, на высокую степень государственной дѣятельности, усвоилъ жизнь его Россіи и предопредѣлило кончину въ отечественной землѣ, дабы, въ эпоху невѣрія и своекорыстія, выставить образецъ самоотверженія и нравственнаго совершенства. Ни дружба многолѣтняя и ни предубѣжденія сердечныя не ослѣпляютъ разсудка дѣписателя. Нѣтъ! Глубокое познаніе всѣхъ приключеній, всѣхъ подробностей прекрасной жизни Каподистріи рождаетъ во мнѣ увѣренность ума; рассказъ мой останется вѣрнымъ отпечаткомъ внутренняго моего сознанія. Я намѣренъ умолчать о томъ, что не вполне извѣдано мною, и повѣстствую только о памятномъ мнѣ, жертвуя изыщностію и полнотою труда моего сохраненію святой истины. Большая часть жизни Каподистріи принадлежала Россіи: онъ былъ ревнитель славы и пользы ея, искренній другъ ея и почитатель характера народнаго, вѣрный совѣтникъ и слуга Царя миротворца, безстрашный противникъ всѣхъ зложелателей нашихъ, коихъ ненависть преслѣдовала его

до гроба. Болѣ нежели кому ни будь, извѣстны мнѣ обстоятельства его поприща земнаго; вотъ причины, побудившія меня представить Россіянамъ біографію, столь тѣсно сопряженную съ важнѣйшими происшествіями смутныхъ временъ нашихъ. Я не оправдываю отважности моего предпріятія; вижу предъ собою преткновенія, для историка почти не избѣжныя. Съ одной стороны, могу ли я сказать съ Тацитомъ: «*Mihi Galba, Otho, Vitellius, nec beneficio, nec injuria cogniti*»? съ другой, изобиліе предметовъ, неразрывная связь переворотовъ всемірныхъ съ жизнію друга и руководителя моего, пугаютъ мое воображеніе и вселяютъ недовѣрчивость къ моимъ силамъ. Наконецъ, если присовокупить къ симъ трудностямъ чрезмѣрную близость къ намъ происшествій, задача содѣлывается не разрѣшимою. Одна надежда на снисхожденіе благомыслящихъ согражданъ ободряетъ меня; я плачу дань потомству, подъ ручательствомъ многихъ современниковъ, кои знали и любили незабвеннаго Графа Каподистрію. Пусть обличаютъ они малѣйшее отступленіе отъ истины.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ нашъ вѣкъ, болѣе нежели когда ни будь, на бурномъ океанѣ жизни общественной, волна поглощается волною, событія изглаживаются событіями, быстро измѣняя лице земли и взаимныя отношенія племенъ человѣческихъ. Исторія и Географія едва могутъ слѣдовать за теченіемъ перемѣнъ и безпрестанно разливающимся потокомъ политическихъ превратностей. Люди знаменитые, увлекаясь движеніемъ всемірнымъ, исчезаютъ, подобно мгновеннымъ явленіямъ воздушнымъ. Дѣеніисатель не успѣваетъ очертить нравственнаго ихъ сходства, искажаемаго противорѣчіемъ мнѣній и смѣшеніемъ понятій. Счастливъ тотъ, кто могъ заглянуть въ сердце и оцѣнить жизнь людей, избранныхъ быть орудіемъ Небеснаго Промысла и поучительнымъ примѣромъ для земнородныхъ, устранивъ красивые толки и ложные слухи, въ состояніи рассказывать былое, по крайней мѣрѣ въ отрывкахъ, но съ увѣренностію самовидца. Приступая къ описанію дѣяній современныхъ съ жизнію мужа, по рожденію принадлежавшаго Греціи, растерзанной на части и порабощенной, по служенію Россіи, прославленной борьбою съ духомъ времени, и положившаго душу свою за Грецію оживающую, я долженъ предварительно рассмотреть взаимныя отношенія Россіи и Греціи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Великой. Начертанія мудрой ея политики, подвиги военачальниковъ Русскихъ на морѣ и сушѣ, представили судьбу нашихъ просвѣтителей и единовѣрцевъ; Французская революція тогда же начала противодѣйствовать намъ на Востокѣ; мы увидимъ, подъ какимъ грознымъ созвѣздіемъ родился Графъ Каподистрія, и до какой невѣроятной степени простиралось вліяніе сихъ отдаленныхъ причинъ на прекрасную его жизнь и мученическую его кончину.

Война 1768 года между Россією и Оттоманскою Портою пробудила всѣхъ Христіанъ Восточныхъ отъ тяжкаго трехсот-

лѣтняго усыпленія. Но сей сонъ, отъ изнеможенія правствен-
ныхъ силъ происшедшій, часто перерывался яркими сновидѣ-
ніями о будущемъ. Творческій умъ Петра, преобразившій Рос-
сію, простеръ свое вліяніе и на страны, покоренныя мечемъ
Мусульманскимъ. Въ сіе время Панагіотъ Мурузи, Маврокор-
дато, Патріярхи Досивей и Хрисанъ, и въ особенности Князь
Дмитрій Кантемиръ, Господарь Молдавскій, мужъ ученостію зна-
менитый, достойный любимецъ Великаго Петра, какъ бы усло-
вись, по внушенію небесному, начали просвѣщать умы, согрѣ-
вать сердца, окрылять надежды своихъ единомысленцевъ, указы-
вая на звѣзду Сѣвера. Но неудачный походъ въ Молдавію и
Ирутскій миръ, вынужденный обстоятельствами, снова погру-
зили всѣхъ Православныхъ въ уныніе и недоумѣніе. Надлежало
имъ ожидать эпохи болѣе благопріятной и съ долготерпѣніемъ
смириться предъ тайною судьбы Всевышняго. Завоеванія Миниха
при Анніѣ Івановнѣ предвѣщали имъ времена лучшія, но ленивица
на сѣверномъ небосклонѣ все еще не загаралась. Одно глубо-
кое чувство единовѣрія и духовнаго братства заставляло Гре-
ковъ уповать постоянно, радоваться успѣхамъ Россіи на пути ея
къ славѣ и могуществу, съ жадностію изыскивать всѣ пророче-
ства благочестивыхъ затворниковъ, и въ горькой чашѣ угнетеній,
растворенной утѣшеніями вѣры, предвкушать грядущее избавле-
ніе свое и счастье. Надлежало цѣлаго народа, переживающая вѣки,
не можетъ быть мечгою. Екатерина объявила войну Туркамъ:
кичливый преемникъ Калифовъ, забывъ пораженія, нанесенныя
его полчищамъ Принцемъ Евгениемъ Савойскимъ, помышлялъ о лег-
кой побѣдѣ надъ отвагою жены Порфирородной. Но Румянцевъ
и Орловъ, предводительствуя сонмами сподвижниковъ, достойныхъ
имени Русскаго, нанесли Султану сокрушительные удары за Ду-
наемъ и на водахъ Средиземныхъ. Весь Цезарюписъ возсталъ по
первому мановенію Екатерины; отъ Буга до горъ Тайгетскихъ
закинула борьба ужасная; престолъ врага Христіанъ поколебался,
предвѣщая близкое паденіе; но зависть нѣкоторыхъ Державъ опол-
чила на насъ Польшу и Швецію. Славный Байнарджіѣйскій миръ

продлилъ бытіе Турецкой Имперіи и, въ утѣшеніе безотрадныхъ Христіанъ, доставилъ имъ лучшую участь подъ жезломъ невѣрныхъ. Екатерина мужественно вступилась за угнетаемую Церковь нашу, упрочила преимущества Молдавіи и Валахіи, оградила безопасность мореплаванія и торговли между Россією и Турцією, и, уступая на время необходимости, сія великая Государыня занялась неуспынно образованіемъ бѣдствующихъ единовѣрцевъ. Постигая въ полномъ значеніи важную истину, подтверждаемую опытомъ вѣковъ, что человѣкъ въ себѣ самомъ, или въ совокупности съ подобными себѣ людьми, свободенъ, поколику онъ достоинъ свободы, она возымѣла, и осуществила творческую мысль, открыть для Грековъ, въ нѣдрахъ Россіи, разсадникъ просвѣщенія. Корпусъ иностранныхъ единовѣрцевъ принесъ Греціи, Россіи и человѣчеству обильные плоды. Имъ начало сбываться слово Петра Великаго: «Науки и искусства, вышедъ изъ колыбели своей, Греціи, обошли вселенную и, наконецъ, посѣтили землю Русскую; намъ суждено возвратить ихъ родной странѣ, и тѣмъ довершить сіе благодѣтельное кругообращеніе».

Разрывъ съ Портою въ 1789 году открылъ новое поприще воинскими доблестями Русскихъ. Суворовъ при Измаилѣ и Рымникѣ, съ горстью воиновъ, пожиналъ лавры побѣды и своими подвигами предвозвѣстилъ въ себѣ будущаго противоборца Французскихъ полководцевъ въ Италіи. Однако жъ, при столь блистательныхъ успѣхахъ, Христіане Восточные менѣе прежняго содѣйствовали нашему оружію. За исключеніемъ нѣкоторыхъ смѣлыхъ искателей счастья, наши и приверженцы оставались неподвижными; ибо вторженіе въ Морею кровожадныхъ Альбанцевъ, отведшихъ въ плѣнъ и рабство болѣе семидесяти тысячъ душъ Христіанскихъ, вопреки воспрещенію миромъ, произвело въ прочихъ Грекахъ ужасъ и оцѣпененіе. Со всѣмъ тѣмъ, надежда не угасла, духъ народный возмужалъ, и цѣлыя поколѣнія, смѣняясь, передавали одно другому вѣру въ избавленіе свое мечемъ храбрыхъ единовѣрцевъ. Каждый Грекъ, по мѣрѣ силъ и способностей служа Россіи, видѣлъ въ ней залогъ и опору будущаго на-

роднаго бытія. Россія взаимно покровительствовала всѣхъ и каждому, награждая существенностію за утрату идеала, и указывая на оный, какъ на землю обѣтованную. Замѣтить должно, что система Екатерины, при всѣхъ частныхъ неудачахъ, постоянно вела къ цѣли высокой всѣ народы, исповѣдающіе вѣру Православію. Въ сей системѣ соединеніе предприимчивости съ терпѣніемъ и великодушія съ мудростію поражаетъ мыслящаго наблюдателя. Греки, содѣлавшіеся жертвою враждебныхъ обстоятельствъ, никогда не лишались прибѣжища и поддержки. Духовные, военные, ученые, купцы, вельможи, всѣ находили себѣ въ Россіи не только второе отечество, но и званія, соотвѣтственныя ихъ способностямъ и намѣреніямъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ изъ нихъ тоска по отчизнѣ и желаніе мести, умѣряясь, подчиняемы были соображеніямъ высшимъ; отчаяніе не могло овладѣть сердцами изгнанниковъ и эпоха зрѣлости не упреждалась безвременными усиліями, какъ то произошло въ послѣдствіи. Въ сонмѣ Грековъ, питомцевъ Россіи, отличались въ то время Меліссино, Алексіано, Карбури, какъ при Петрѣ Молдавцы Дмитрій и Антіохъ Кантемиры, и множество другихъ, пріобрѣтшихъ усыновленіе блистательными заслугами. Евгенийъ Булгари и Никифоръ Θεοτοκίης, единоплеменцы Графа Каподистріи, приглашены въ Россію именемъ великой Монархини. Они оба явились свѣтильниками въ Церкви Россійской, и доказали всему свѣту, что ученость самая обширная совмѣщается съ вѣрою пламенною, смиреніемъ Христіанскимъ и святостію жизни.

Насталъ роковой 1789 годъ, и вспыхнулъ огонь Французской революціи, которому надлежало разлиться пожирющимъ пламенемъ по всему шару земному. Гнѣздо враговъ Божіихъ и враговъ человѣчества давно таилось въ нѣдрахъ изнѣженной Франціи. Подъ личиною филантропіи многорѣчивой, сіи проповѣдники разрушенія, полѣтка сряду не преставали ослаблять умы самые прозорливые и, пресмыкаясь, подрывали престолы вѣнценосцевъ, кои съ жадностію внимали ихъ пагубнымъ урокамъ. Поносъ вѣру именами суевѣрія, или изувѣрства, во власти указывая на

тиранство, и заносчивое любезнание назвавъ всевѣдѣніемъ, они умѣли искусно воспользоваться обветшалостію многихъ учреждений гражданскихъ, распространеніемъ Французскаго языка, безпечностію властителей и развратомъ народовъ Европейскихъ, дабы поколебать все существующее. Ковчегъ, вмѣщавшій судьбу рода человѣческаго, сорванъ съ якоря надежды на Бога, и съ симъ отпаденіемъ отъ вѣры, почти безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ міра, началось паденіе и разрушеніе обществъ, равно безпримѣрное. Екатерина, среди сего общаго обаянія умовъ, надѣялась извлечь полезное изъ теорій Французскихъ софистовъ, по скоро распознала дерево по ядовитымъ его плодамъ. Съ 1789 по 1793 годъ, когда свершилась казнь праведника, Людовика XVI, она взидала на ходъ происшествій съ свойственнымъ ей присутствіемъ духа. Она дорожила спокойствіемъ Россіи. Но когда и на алтаряхъ и на развалинахъ окровавленнаго трона Капетовъ воцарилось изступленное безбожіе во всей его гнусности, Екатерина съ безстрашіемъ изготавилась къ борьбѣ неизбежной и, безъ сомнѣнія, вступилась бы за погибающую Европу, если бы смерть не пресѣкла ея начинаній. Въ годину страшнаго потрясенія не стало въ Европѣ Фридриха Великаго, Іосифа II и мудрой Екатерины. Французская революція нигдѣ не встрѣчала равносильныхъ себѣ противниковъ. Заблужденія умовъ пролагали пути завоеваніямъ Якобинскихъ полчищъ. Благонамѣренныя, но недалъновидныя, мечтатели все еще радовались торжеству лжемнѣшаго разума надъ мнимыми предразсудками и устарѣлыми преданіями. Злодѣйства и ужасы революціи приписываемы были безвременному противленію державныхъ властей; защитники новизны указывали на Англійскую революцію, какъ на образецъ, оправданный своими послѣдствіями, забывая существенное различіе между сими двумя событіями. Ибо первое имѣло движущую силу изувѣрство, а послѣднее проистекало отъ безвѣрія. Нѣтъ возможности что либо созидать тому, кто отрекся единственнаго источника бытія и истины.

Какъ бы то ни было, разрушительныя начала революціи одолѣвали все священное и повсюду заражали умы до такой степени, что образованные люди стыдились казаться Христіанами. Распространеніе сей всемірной заразы и по Востоку почти ни кѣмъ до нынѣ не описано. Но тутъ представляется зрѣлище совершенно новое.

Турки и подвластные имъ Христіане, обращаясь съ Франками, привлеченными торговлею, ознакомились мало по малу съ заманчивою необузданностію мнимой свободы. Внимая дерзкимъ разглашеніямъ агентовъ Французской Республики, сія смѣсь разнородныхъ людей, попеременно гнетомыхъ безначаліемъ и тиранствомъ, начала предаваться грезамъ и мечтамъ своевольства въ сердцахъ Грековъ полуобразованныхъ. Преданность къ Россіи и надежда на ея помощь стала примѣтно ослабѣвать, вмѣстѣ съ покорностію къ вѣрѣ и преданіямъ древности священной. Тогда въ первый разъ составились въ Греціи партіи, между собою непримиримыя. Одна изъ нихъ твердо придерживалась стариннаго знамени. Другая, въ изступленіи новыхъ надеждъ, усиливалась поколебать довѣріе къ Россіи напоминаніемъ о прежнихъ бѣдствіяхъ и неудачахъ, подкапывалась подъ зданіе Церкви и хвалилась близкимъ избавленіемъ, при помощи освободителей всѣхъ народовъ. Наконецъ, и между Турками Деизмъ противниковъ Христа находилъ себѣ приверженцевъ, и нашествіе Наполеона на Египетъ произвело въ умахъ грубыхъ сильное впечатлѣніе. Предпримчивая Республика казалась имъ волшебною силою, предназначенною обновить всю Азію, по приговору самаго Рока. Кто только искалъ мести, или прибытка, кто негодовалъ на Султана и желалъ свергнуть яремъ закона и верховной власти, тотъ радовался появленію неожиданныхъ завоевателей.

Впрочемъ, нельзя не признаться, что отважное, почти баснословное, впаденіе въ древній Египетъ Французскихъ удалцевъ подъ предводительствомъ обреченнаго величію Наполеона, естественнымъ образомъ должно было произвести въ той странѣ всеобщій восторгъ и мятежное упоеніе. Англія вострепетала,

предвидя потерю Восточной Индіи. Она употребила все усилія искусной политики, чтобы Оттоманскую Порту сблизить съ Россіею. Вторженіе Французовъ въ Іоническіе острова и подвиги ихъ подъ сѣнію пирамидъ грозили Турціи неминуемымъ разрушеніемъ, Россіи и всей Европѣ опасностію, дотолѣ небывалою. Изъ совокупности всехъ сихъ побудительныхъ причинъ возникнулъ союзъ наступательный между Россійскимъ Монархомъ и преемникомъ Калифомъ. Тогда-то Адмиралъ Ушаковъ, при содѣйствіи Турковъ, овладѣлъ островомъ Корфу и вытѣснилъ оттуда передовой отрядъ революціи. Приверженцы Россіи ожили во всей Греціи; ибо установленіе отдѣльной Республики Семи Острововъ общало всемъ Грекамъ вѣрный пріютъ въ настоящемъ и зародыши будущаго народнаго бытія. Дѣйствуя согласно съ Портою, Россія не умѣла отклонить державнаго вліянія Турціи на судьбу Острововъ, издревле принадлежавшихъ Венеціи. Итакъ договоръ 1800 года, заключенный въ Константинополѣ, сдѣлалъ новую Іонію данницею Султана, приобщивъ къ составу ея четыре города приморскаго Енира, Превезу, Паргу, Войницу и Вупоринто, бывшіе дотолѣ достояніемъ Венеціи. Орудіемъ сего договора, со стороны островитянъ, былъ Графъ Антоній Каподистрія, отецъ незабвеннаго страдальца. Вскорѣ послѣ сего важнаго происшествія, положившаго на время твердую преграду успѣхамъ революціи на Востокѣ, Императоръ Александръ вступилъ на престолъ Всероссійскій. Съ появленіемъ его на тронѣ начался вѣкъ новый, и вмѣстѣ съ нимъ новыя соображенія, новыя опасности для Европы, взиравшей съ удивленіемъ на возвышеніе побѣдителя при Маренго — Наполеона. Сей любимецъ счастья (ибо онъ не встрѣтился съ Суворовымъ) воспользовался изнеможеніемъ внутри и вѣхъ Франціи, чтобы мощною рукою оковать гидру безначалія и преклонить къ землѣ стоглавый хребетъ ея. Побѣды его въ Египтѣ и Суворова въ Италіи не произвели послѣдствій постоянныхъ и только поселили вездѣ чувство утомленія и жажду покоя. Сама Англія искала мира съ счастливецемъ. А на Востокѣ и

въ Греціи господствовало одно уныніе и волненіе безъ цѣли. Снова Греки обратили на Россію умоляющій взоръ, ибо надежды приверженцевъ Франціи рушились. Въ Корфу водворилось благодѣтельное покровительство Русскихъ, предметъ утѣшенія для Восточныхъ Христіанъ и зависти для прочихъ Европейцевъ. Въ это время стремленіе Грековъ къ мореходству, торговлѣ и просвѣщенію ознаменовалось успѣхами необыкновенными. Средиземное море устѣялось судами Идріотовъ и прочихъ жителей Архипелага, кои усвоили себѣ прибыльный торгъ между Чернымъ моремъ, южною Франціею, Испаніею и Португаліею. Они осыпались Россійскимъ флагомъ и, обогащая Грецію, питали доно ея новою жизнью, не совмѣстною съ игомъ Турецкимъ. Тогда же обнаружилось соревнованіе въ устроеніи училищъ, печатаніи книгъ, образованіи и очищеніи народнаго языка. Всѣ признаки близкой, неминуемой переменѣ являлись не только въ Европейской Турціи, но и въ отдаленнѣйшихъ странахъ омраченной Азіи. И хотя въ сихъ похвальныхъ усиліяхъ всегда замѣтно было вліяніе двухъ непримиримыхъ началъ, на которыя выше сего указано, но при всемъ томъ направленіе умовъ и событіи обѣщало Россіи истинную славу, Грекамъ и племенамъ Славянскимъ лучшую участь; Церкви и всему Христіанству торжество надъ врагами; расторженіе древнихъ оковъ и обильное изліяніе благодати.

Призываніе. Въ сомнѣ Грековъ, очарованныхъ призраками Французской революціи и растѣвающимъ ся ученіемъ, отличался извѣстный Ригасъ, получившій образованіе свое во Франціи. Сей неутомимый, пылкій и отважный ревнитель отечественной свободы, къ сожалѣнію, вѣровалъ безусловно во Французскую Республику, единую и нераздѣльную. Высокія дарованія его истощались въ направленіи гибельномъ и ложномъ. Онъ издавалъ книги, составлялъ братства, сочинялъ народныя воинственныя пѣснѣ, приводившія въ восторгъ простолюдиновъ, и готовилъ общее возстаніе. Преслѣдуемъ будучи Оттоманскою Портою, Ригасъ искалъ убѣжища въ Австріи, но, по настоянію Турковъ, выданъ имъ и обезглавленъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ЖИЗНИ И ДѢЯНІЯХЪ ГРАФА Н. А. КАПОДИСТРІИ,

ПРАВИТЕЛЯ ГРЕЦІИ.

КНИГА I.

Рожденіе, воспитаніе и служеніе Каподистріи до уничтоженія Ионической Республики, на основаніи Тильзитскаго мира въ 1807 году; служеніе его въ Россіи съ 1809 по 1812 годъ. Современныя происшествія.

Іоаннъ Каподистрія, второй сынъ Графа Антонія, родился на островѣ Корфу, въ 1776 году. Современнику блаженныя памяти Императора Александра I суждено было служить сему великому Государю, постигать умомъ благотворныя его намѣренія и съ вѣрностію исполнять оныя. Ему надлежало участвовать въ славѣ Россіи, и лучами сей славы и молвою о себѣ самомъ возбудить Грековъ отъ вѣковаго усыпленія, дабы, наконецъ, содѣлаться жертвою враждебныхъ силъ политическихъ. Къ сему предѣлу труженической жизни повела его десница Вышняго, стезею испытаній, отъ острововъ Средиземнаго моря въ столицу Сѣвера и приблизла его къ Александру, вопреки вѣроятностямъ времени и разстояній. Отецъ Каподистріи, человекъ отличный по твердости духа, благоразумію и строгой нравственности, поставилъ себѣ за правило воспитать дѣтей для какого ни будь опредѣленнаго званія, по желанію каждаго изъ нихъ, но съ тѣмъ, чтобы они самымъ себѣ обязаны были личною независимостію въ обществѣ. Старшій братъ посвятилъ себя Законо-

вѣдѣнію, а И. Каподистрія изученію Словесныхъ Наукъ и Медицины при Падуанскомъ Университетѣ, въ Италіи, куда, обыкновенно, стекалось благородное юношество Ионическихъ острововъ, подвластныхъ гордой Венеціи. На зарѣ жизни, способности юноши развились въ то время, когда Французская революція простерла упоительное свое вліяніе на всю Италію. При всеобщемъ волненіи умовъ, встревоженныхъ мечтами заманчивыми, особенно для возраста неопытнаго и добролюбиваго, удивительно ли, что Каподистрія нѣкоторое время пѣлся мнимымъ усовершенствованіемъ учреждений гражданскихъ, которымъ восхищались тогда почти всѣ отличнѣйшіе его современники? Но стремленіе его къ умозрѣніямъ возрастающей свободы проистекало изъ глубины души безкорыстной. Онъ постоянно чуждался гибельной теоріи, расторгающей спасительную связь между правами и обязанностями человѣческими. И хотя въ это время философія ощущеній исходила единственно изъ устъ его преподавателей, хотя лжемудрые схоластики объясняли ему природу и человѣка, придерживаясь Локка и Кондильяка, сихъ недалеко-видныхъ мыслителей, со всѣмъ тѣмъ Каподистрія, повинаясь какому-то внутреннему гласу, невольно склонялся къ высрещнымъ умозрѣніямъ Платона и Пифагора, какъ бы къ сродной духу его стихіи. Доказательствомъ возвышенности ума его служить то обстоятельство, что онъ, углубившись въ изученіе обширной науки врачебной, не прильпился къ вещественности, но постоянно вѣровалъ въ бытіе духовныхъ силъ въ человѣкѣ, тогда какъ умы обыкновенные въ наставленіяхъ Медицины почерпаютъ непреоборимую склонность къ материализму. Едва довершилъ Каподистрія свое образованіе, какъ гласъ отчизны, исторгнутой изъ подъ власти Французовъ, отозвалъ юношу въ край родной, дабы содѣйствовать возрожденію онаго. Возмутители вселенной и тамъ вселили было ужасы своевольтства. Пользуясь закоренѣлою ненавистью народа къ иновѣрной и бдительно суровой аристократіи Венеціанъ, Французы посѣяли въ сей странѣ плевеи междоусобія, гнали любителей благоустройства, какъ приверженцевъ самовласти, и подъ симъ предлогомъ заключили въ пловучую тюрьму старца Антонія Каподистрію, съ явнымъ намѣреніемъ разстрѣлять его. Казалось, революціонеры предчувствовали въ семъ благородномъ семействѣ какую-то непреклонность, ко-

торуую хотѣли они сокрушить въ самомъ началѣ. Сыновняя ревность Графа Ивана и братьевъ его успѣла смягчить злобу властителей, мольбою и ходатайствомъ, и жизнь отца ихъ спасена сверхъ всякаго чаянія.

Императоръ Александръ I, порфиноносный другъ человечества, водворилъ въ Семи Островахъ спокойствіе, даровалъ имъ хартію и права политическія, покрылъ щитомъ Россійскимъ народное бытіе и возрастаніе Греческой Республики и не щадилъ казны своей, дабы упрочить ея благоденствіе. Графъ Мочениго назначенъ былъ полномочнымъ посланникомъ въ Корфу, и подъ надзоромъ его Іонійцы начали дѣйствовать на поприщѣ управленія собою. Молодой Графъ Каподистрія избранъ былъ Статсъ-Секретаремъ Республики, и посвятилъ себя высокимъ трудамъ съ ревностію юныхъ лѣтъ и зрѣлостію маститой старости. Привлекательная наружность, сановитость, неусыпная любовь къ трудамъ, строгая жизнь, убѣдительное краснорѣчіе, отличали сего рѣдкаго юношу. Ему надлежало бороться съ препятствіями многообразными. Съ одной стороны, закоренѣлые предрассудки Сенаторовъ, посѣдѣвшихъ подъ ярмомъ Венеціи, и взаимныя ихъ семейственныя распри, съ другой, гордыя надежды и пылкія затѣи молодыхъ людей, не умѣвшихъ цѣнить единоутробнаго кровительства, и наконецъ частыя выѣзды Мминистра Мочениго во внутреннія сношенія и дѣла края, всѣ сіи обстоятельства устилали терніемъ каждый шагъ юнаго гражданина. Доколѣ войска наши, расточая несмѣтныя суммы, оживляли острова своимъ присутствіемъ, а военачальники наши благородными поступками поддерживали усилія слабаго правительства, Республика, казалось, жила собственною жизнію, но эта жизнь была только явленіемъ искусственнымъ, условнымъ и должна была разрушиться при первой переменѣ судьбы.

И подлинно, отдаленность Россіи, злопамятство Французовъ, коварные виды Англичанъ, однимъ словомъ, зложелательство всей Европы, грозили Іоніи близкимъ паденіемъ. И если къ симъ опасностямъ присовокупить борьбу новыхъ Греческихъ учрежденій съ старыми Италіянскими правами, господство сего языка въ высшихъ сословіяхъ, навѣты душегубца Али-Паши, который всемірно старался отогнать Грековъ отъ береговъ Ал-

банин, и тѣмъ лишить Республику всякой опоры, то цѣль сомнѣнія, что Каподистрія уподобился безстрашному земледѣльцу, трудящемуся у жерла огнедышащей горы. Однако жъ, постоянное усердіе Каподистрії не происходило отъ недостатка въ предусмотрительности, но, напротивъ, онъ предвидѣлъ и въ Сенатѣ не рѣдко указывалъ на критическое положеніе отечественной страны, и желая, сколько возможно, отвратить грозящую опасность, неоднократно предлагалъ думнымъ старцамъ послать представителей къ первостепеннымъ дворамъ Европейскимъ, дабы, на случай удаленія Русскихъ войскъ, предуготовить дружескія сношенія съ Державами, гласно, или негласно, признавшими политическое бытіе Семи Острововъ. Но Сенаторы не внимали увѣщаніямъ мудраго юноши; нѣкоторые изъ нихъ страшились негодованія Графа Мочениго; другіе, притворствуя, даже укоряли Статсъ-Секретаря въ неблагодарности къ покровительствующей Державѣ, какъ будто великодушный Монархъ, основавшій бытіе Республики, могъ бы не одобрить всѣхъ мѣръ, клонившихся къ ея сохраненію. Однимъ словомъ, ложныя понятія и низкія страсти заглушили голосъ патріота, умѣвшаго соглашать долгъ преданности родной странѣ съ благодарностію къ Россіи. Послѣдствія оправдали скорбныя предчувствія души его. Не взирая на блистательные подвиги Сениавина, на приверженность къ намъ Суліотовъ и прочихъ жителей Эпира, на храбрость войскъ нашихъ, Ионическая Республика не пережила Тильзитскаго мира. Но мы не станемъ упреждать порядка происшествій.

Въ 1806 году правительство Семи Острововъ отправило въ С.-Петербургъ, своимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Дмитрія Наранци, уроженца острова Занте, умнаго, образованнаго и весьма ловкаго человѣка. Онъ умѣлъ снискать благосклонность Императора Александра. При всѣхъ случаяхъ, болѣе или менѣе торжественныхъ, Наранци, занимая послѣднее мѣсто въ блестящемъ строю дипломатовъ иностранныхъ, всегда обращалъ на себя милостивое вниманіе Государя, любившаго съ нимъ разговаривать. Острота, приличіе съ примѣсю какого-то заманчиваго простодушія, придавали особенную пріятность его рѣчамъ. Однажды, послѣ неудачнаго похода въ Австрію и Аустерлицкой битвы, Императоръ въ первый разъ принималъ чужеземныхъ

посланниковъ въ малой тронной залѣ зимняго дворца. Обойдя всѣхъ ихъ по порядку и выслушавъ привѣтствія каждаго, Государь подошелъ къ представителю Іоніи и сказалъ ему: «Наранци, мы въ этотъ разъ были несчастны.» — «Государь, возразилъ равнодушный потомокъ Улисса, не забудьте, что послѣ сраженія подѣ Нарвою грянула Полтава.» Александръ съ ласковымъ взглядомъ пожалъ у него руку и, молча, принялъ удачное предвѣстіе грядущихъ побѣдъ. Впрочемъ, замѣтить должно, что умный отвѣтъ Наранци не только выражалъ собственное его чувство, но вмѣстѣ былъ отголоскомъ цѣлой Россіи. Возможно ли Русскому не помнить, что послѣ Аустерлицкой битвы Александръ I принятъ былъ въ столицѣ съ единодушнымъ восторгомъ, тогда какъ въ 1807 году Тильзитскій миръ произвелъ въ сердцахъ какое-то неизъяснимое, мрачное уныніе? Народъ великій дорожитъ болѣе славой отечества, чѣмъ собственнымъ спокойствіемъ и мнимой безопасностію

Знаменитый соперникъ революціи и Наполеона, Питтъ, умеръ съ горя, свѣдавъ о битвѣ Аустерлицкой. Онъ предугадывалъ бѣдствія Европы и ея порабощеніе неасытому завоевателю. Съ отступленіемъ Русскихъ ему казалось, что послѣдній оплотъ рушился, и Англія не выдержитъ единоборства съ любимцемъ счастья. Съ нашей стороны открылись мирные переговоры, и П. Я. Убри заключилъ было трактатъ въ Парижѣ, по силѣ коего ограждено существованіе Іонической Республики подѣ покровительствомъ Россіи, но сей трактатъ не утвердился и былъ отринутъ Александромъ, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Надлежало еще кинуть свинцовые жребіи; Пруссія, столь долго устраненная отъ участія во всемірной борьбѣ, стала домогаться союза съ нами, и первая ополчилась противъ Наполеона. Едва успѣли мы свѣдать о роковомъ разрывѣ, какъ Наполеонъ, разгромивъ при Ауерштедтѣ и Іенѣ Прусскую рать, устремился, чрезъ Одеръ и Вислу, къ нашимъ предѣламъ, желая отомстить за отринутую нами дружбу его. Достопамятный походъ 1806 и 1807 года, мало кѣмъ оцѣненный по достоинству, уищичалъ славою Россійское оружіе. Но непріятель, окриденный безпримѣрнымъ въ исторіи изложеніемъ Пруссіи, навалъ на насъ въ располхъ. Россія противопоставила ему 80,000 коновъ,

подъ начальствомъ Каменскаго и Беннигсена. Сей искусный полководецъ былъ истиннымъ таинникомъ военачальнической науки, но не во всемъ ея пространствѣ. Онъ умѣлъ побѣждать на боевомъ полѣ, но не умѣлъ распорядительностію и строгимъ соблюденіемъ дисциплины подчинить себѣ происшествія, и по тому сраженія при Пултускѣ, Ейлауѣ, Гейлсбергѣ и Фридландѣ не отразили упорнаго врага; онъ наконецъ одержалъ верхъ надъ изумившею его Русскою храбростію. Тогда Тильзитскій миръ, вопреки выгоднымъ условіямъ, опечалилъ всю Россію, составившую, по мановенію Царя своего, земское войско. Для мужественныхъ племенъ Сѣвера, исповѣдающихъ единую вѣру, пиръ кровавый казался едва начатымъ, какъ уже прекращенъ волею Самодержца и волею Провидѣнія, готовившаго сугубую казнь Французамъ.

Тогда же изреченъ надъ Семью Островами приговоръ уничтоженія народнаго ихъ бытія. Керкира, Кефалонія, Закинѳъ, Неака, древнія обители Афродиты, Цитера или Цериги, Св. Мавра и Пакіо, сда ны Французскимъ войскамъ. Воинственные сонмы набранныхъ нами на твердой землѣ Греческихъ удалцовъ распущены и частію пристали къ трехцвѣтному знамени. Столь неожиданное разрушеніе блистательныхъ надеждъ естественно уменьшило вліяніе Россіи на Востокъ, и нечаянная участь нашего флота, захваченнаго на возвратномъ пути Англичанами, довершила бѣдственный переворотъ судьбы. Россія искренно пристала къ континентальной системѣ Наполеона, въ надеждѣ обезоружить на время его злобу и зависть, пожертвовала многими выгодами спасенію Пруссіи и сосредоточила силы свои на Дунаѣ.

Англія осталась одна на полѣ ратномъ, и, ободренная истребленіемъ Французскаго флота при Трафальгарѣ, она вѣрнѣе Россіи распознала непримиримость своего врага и рѣшилась противопоставить генію и отвагѣ его собственное свое богатство и неприступность. Вскорѣ заблужденія властолюбца доставили Англіи неожиданныхъ союзниковъ. Австрія вооружалась; Испанія и Португалія вознамѣрились отмстить за наглую оскорбленія гражданской ихъ самобытности. Въ сіе самое время, то есть, въ началѣ 1809 года, Графъ П. А. Каподистрія прибылъ въ С.-Петербургъ. Цезарь Бервье и Генералъ Данзельгъ, принявшіе

бразды правленія въ Корфу на развалинахъ Республики, долго и усиленно старались склонить его на сторону Франціи, предлагая ему, отъ имени Наполеона, почетное мѣсто въ Парижѣ, сопряженное съ большими выгодами и надеждами будущаго повышенія. Но Каподистрія, повинаясь внутреннему влеченію высокаго духа и внушеніямъ непреклоннаго родителя, отвергнулъ предложенія, лестныя для самолюбія, но не совмѣстныя съ завѣтными преданіями вѣры и любви къ отечеству. Онъ предпочелъ бездѣйствовать и въ уединеніи оплакивать паденіе отчизны, утрату лучшихъ унованій въ жизни. Старецъ не далъ ему поныкнуть подъ ударами враждебной судьбы. Онъ указалъ ему на Россію, и вскорѣ Государственный Канцлеръ, Графъ Н. П. Румянцевъ, пригласилъ бывшаго Статсъ-Секретаря Іонія въ столицу, съ изъясненіемъ благоволенія Монаршаго и знакомъ отличія за рѣдкія его заслуги. Ему пожалованъ орденъ Святой Анны 2-го класса и путевые издержки. Онъ состоялъ уже заурядъ въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника. Призывъ Александра I-го показался имъ повелительнымъ гласомъ самаго Промысла Божія, и юный, разочарованный, страдалецъ, покорствуя неизслѣдимому, разстался надолго съ роднымъ небомъ.

Зрѣлище, какое представляла Россія подъ кроткимъ правленіемъ Александра I-го, поразило удивленіемъ добровольнаго изгнанника и доставило глубокомыслию его обильную пищу, неисчерпаемый источникъ наблюденій. Каподистрія уже любилъ Россію по завѣту предковъ, по единовѣрію, вопреки обманутымъ надеждамъ. Самое путешествіе, имъ предпринятое, обличало чувствованія души его. Но онъ зналъ Россію по однимъ рассказамъ и слухамъ. Теперь открылся предъ нимъ необозримый горизонтъ странъ полуночныхъ, не только въ физическихъ, но и въ нравственныхъ, отношеніяхъ. Не одно изумляющее пространство земель, единому скипетру подвластныхъ, но еще болѣе единодушіе, мужество, перагланная простота, здравый смыслъ, благоговѣніе къ святынямъ, предпримчивость и радушіе обитателей Россіи, нѣтили воображеніе юнаго пришельца. Мы познакомились и подружались, вскорѣ послѣ прибытія его въ столицу, гдѣ пріямъ чужеземнаго ему не нравилась. Любимымъ предметомъ его разговоровъ со мною былъ народъ Русскій. Нашедъ въ немъ яв-

леніе совершенно новое, ознаменованное печатію древности священной. Каподистрія упреждалъ умомъ своимъ будущія столѣтія и съ восторгомъ тайновидца усматривалъ въ настоящемъ драгоценный залогъ величія, благотворнаго для всего человѣчества. Распрашивая съ любопытствомъ всѣхъ мыслящихъ наблюдателей, дабы восполнить недостатокъ въ знанія Русскаго языка, онъ болѣе и болѣе утверждался въ любви ко всему Русскому.

И подлинно, что можетъ быть занимательнѣе для провидательнаго ума, чуждаго жалкихъ страстей и чуждыхъ предразсудковъ, коими обыкновенно ослѣплены посѣщающіе насъ иностранцы, что можетъ быть занимательнѣе Россійской народности, во всѣхъ ея видахъ?... Отъ Архангельска до устьевъ Дуная, отъ береговъ строитивой Вислы до острововъ Курильскихъ, разлились живительнымъ потокомъ Великороссіане по девятой части шара земнаго. Крестьянина Великороссійскихъ Губерній по справедливости можно назвать образцомъ крѣпости душевной и тѣлесной: душею бодрый и смѣлый, тѣломъ здравый, мощный и ловкій, онъ обладаетъ природнымъ даромъ слова, склоненъ къ веселію и шутовости, трудолюбивъ. Быстрый, предприимчивый, умъ его ко всему способенъ; тѣло его приучено къ лишенію и труду, а духъ его не ѣдаетъ страха и пренебрегаетъ опасностію даже до безпечности. Говоря языкомъ богатымъ, гибкимъ, выразительнымъ и звучнымъ, простолюдинъ въ Россіи страстенъ къ разсказамъ, музыкѣ и стихотворству. Въ народныхъ пѣсняхъ попеременно отзываются какое-то томное уныніе и сладострастіе. Будучи подверженъ, подобно прочимъ земнороднымъ, вліянію климата, крестьянинъ Русскій, подъ суровымъ небомъ родины, преимущественно склоненъ къ употребленію хмѣльных напитковъ, в этотъ порокъ, останавливая смѣлый полетъ умышленныхъ его способностей, подавляетъ въ немъ духъ и похищаетъ плоды безпримѣрной его дѣятельности. При всей веселости нрава, крестьянинъ Русскій набоженъ и расположенъ къ духовному умиленію; онъ горячъ въ вѣрѣ, но чуждъ изуверства, легко увлекается расколами, но сохраняетъ вѣротерпимость. Однимъ словомъ, народъ Русскій подобенъ обильной, необозримой нивѣ, на которой зрелыя колосья и плевелы, волнуемые каждымъ бурнымъ дыханіемъ, кажутся зовущими къ себѣ руку жнеца. Ве-

лика жатва, но мало еще на ней дѣлателей! Въ слѣдствіе сего отличительнаго направленія народнаго духа, суевѣрныя мнѣнія простаго народа не представляютъ, какъ въ иныхъ странахъ Европы, ничего враждебнаго, необходимаго и мрачнаго. Чѣмъ болѣе наблюдатель вникаетъ въ свойства Россіянъ, тѣмъ болѣе убѣждается въ томъ, что характеръ Русскій, въ перво-бытнѣй своей чистотѣ есть счастливое сочетаніе Азіятскаго гения съ Европейскимъ. И подлинно, Азія завѣщала Славяно-Россамъ сродную ей, нравственную безвѣчность, покорность властямъ и какую-то величавую, безмятежную преданность судьбѣ, одушевленную Христіанствомъ, но съ примѣсью Восточнаго равнодушія. Напротивъ того, геній Европы обнаруживаетъ себя въ Русскомъ народѣ избыткомъ отваги и дѣятельности (*audax Japeti genus*), охотою къ подражанію, ловкостію въ обхожденіи и врожденною способностію къ торговлѣ и промышленности, съ помощію которой крестьянинъ Русскій угадываетъ высшіе расчеты просвѣщеннаго ума, прихоти и затѣи роскошной нѣги, коей онъ не причастенъ. Наконецъ, къ симъ общимъ чертамъ и признакамъ Русскаго характера надлежитъ прибавить многоразличныя оттѣнки мѣстности, порожденные историческими воспоминаніями. Житель сѣверныхъ областей Государства сановитѣе, задумчивѣе; звуки нарѣчія его жестче и повтореніе гласной буквы о суровѣе и протяжнѣе. Подлѣ него Москвитянинъ отличается вѣжливостію наружностию, гибкостію и прелестію въ рѣчахъ и обращеніи. На юго-западѣ Малороссійнинъ, съ полуобригою головою и усами, являетъ въ себѣ сліяніе Козака съ Литовцемъ. Страстный любитель музыки и наукъ, говоря Славянскимъ нарѣчіемъ совершенно особеннымъ, онъ дорожитъ воспоминаніями привольной старины, упрямятъ въ своихъ мнѣніяхъ, угрюмъ и знакомъ съ наслажденіями пріятной лѣни. Не смотря на сіе, Малороссійнинъ не отстанетъ отъ Русскаго, и даже иногда превзойдетъ его, въ ученѣмъ сословіи, на полѣ чести и на поприщѣ изящнаго, но никогда не сравнится съ нимъ въ полезныхъ подвигахъ трудолюбія, торговли и промышленности. И потому-то, обитатели 29 Великороссійскихъ Губерній, получившіе первенство надъ своими братьями, навсегда останутся племенемъ богатымъ и мощнымъ, средоточіемъ и душою прочихъ поколѣній Славянскихъ. Тѣмъ болѣе это къ удержанію за нимъ сего первенства служатъ

и то отличительное свойство, что Великороссіяне менѣ запарывы и менѣ прихотливы, нежели Малороссіяне, не столь легкомысленны, не столь затѣливы, какъ Поляки, и такимъ удачнымъ равновѣсіемъ противоположныхъ качествъ они, очевидно, опредѣлены къ постоянному величію.

На Нижегородской ярмаркѣ и въ Кяхтѣ, въ Керчи и Тамани, у подошвы горъ Карпатскихъ и на пути къ Кенигсбергу и Лейпцигу, вездѣ встрѣчаются Русскіе промышленники, неутомимо, бодро, трудящіеся для снисканія себѣ довольства и вѣрно хранящіе въ душѣ любовь къ отчеству, нравы, обычаи, одежду и преданія предковъ. Не упоминаю о пространной Сибири, стоитъ только взглянуть на Тавриду, Новороссійскій край и Бессарабію, чтобы увѣриться въ превосходствѣ Великороссіянъ надъ единоплеменными имъ народами. Отношеніе первыхъ къ туземцамъ осмѣлимся опредѣлить отношеніемъ булата къ желѣзу: вещество одно и то же, но свойства различны. И сіе превосходство, безъ коего новая Россія осталась бы вѣчною пустынею, должно почитать драгоценнымъ залогомъ государственнаго единства, магнитомъ благотворнымъ, влекущимъ всѣ жизненныя силы политическаго тѣла къ твердо основанному полюсу. Сими и подобными разсужденіями избыточествовали иѣкогда дружескія бесѣды наши съ Гр. Канодистрією. Путешествіе по Россіи прозорливаго наблюдателя, казалось ему предпріятіемъ чрезвычайно полезнымъ и важнымъ. Одно существованіе и размноженіе въ иѣдрахъ Россіи многообразныхъ расколовъ смущало добродѣтельную его душу, и онъ не рѣдко распрашивалъ меня объ ученіи и свойствахъ сектъ, отъ невѣжества и глада духовнаго происшедшихъ. Въ 1810 году извѣстный Французскій писатель, Грегуаръ, занимавшійся сочиненіемъ исторіи сектъ Христіанскихъ, чрезъ посредство знакомаго, просилъ Канодистрію доставить ему свѣдѣнія о нашихъ раскольникахъ. Я иочерпнулъ оныя изъ книгъ, разповременно издаваемыхъ Святѣйшимъ Синодомъ и, въ угодность другу, сообщилъ любозытному иностранцу. Но онъ, придерживаясь Французской бѣглои методы повѣствованія, не умѣлъ воспользоваться ими и помѣстилъ въ исторіи своей одиѣ поверхностныя черты, безъ связи и цѣли. * Часто прохаживаясь

* Это напоминаетъ безтолковаго, но славимаго, дѣисателя Мидтійскаго

по стогнамъ и торжищамъ, по садамъ и гранитнымъ набережнымъ, великаго, пышнаго, града Петрова, мы останавливались съ почтительною задумчивостію предъ изваяніемъ преобразователя Россіи. Въ семь единственномъ произведеніи искусства мы находили вѣрнѣйшее изображеніе самаго Государства; ибо герой-повелитель на ретивомъ конѣ являетъ въ себѣ гармонію изящныхъ формъ изумляющую, между тѣмъ какъ подножіемъ служилъ ему дикая скала, безъ симметріи и отбѣлки, но вѣковая, непоколебимая. Возможно ли лучше выразить рѣзкую противоположность между высшими сословіями и коренными народами въ нашемъ отечествѣ?...

Графъ Кандистрія, обласканный Государственнымъ Канцлеромъ, милостиво былъ принятъ Александромъ I-мъ. Ему пожаловали чинъ Статскаго Совѣтника, причисливъ къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ ожиданіи приличнаго мѣста. Не рѣдко Графъ Н. П. Румянцевъ предлагалъ ему политическіе вопросы, надъ рѣшеніемъ коихъ онъ ревностно трудился. Въ разновременныхъ запискахъ его изложены всѣ мысли и соображенія высокаго ума о Турціи и Востокѣ. Плоды трудовъ его награждаемы были похвалами, но безъ практической пользы для Государства. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что они не остались, однако жъ, совершенно безплодными. Въ 1810 году и въ началѣ 1811 господствовала у насъ континентальная система, залогъ мира, если не дружбы, съ Наполеономъ и Франціею. Самое завоеваніе Финляндіи сдѣлалось новымъ звеномъ тяжкаго для насъ союза. При столь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, Министерство не находило возможности дать Графу занятія, соотвѣтственныя отличнымъ его способностямъ. Тераасмый воспоминаіями, онъ томился въ бездѣйствіи, подъ вліяніемъ суроваго климата, и находилъ единственное утѣшеніе въ упражненіяхъ умственныхъ и въ общеніи съ малымъ числомъ почитателей и друзей. Какая-то грозная, насмурная, тишина царствовала у насъ въ то время и во

Ордена, Аб. Верто, которому предлагали сказанія, мало кому извѣстныя, о знаменитой Мальтійской осадѣ. Въ отвѣтъ услужливымъ пріятелямъ историкъ сказалъ съ равнодушіемъ: «Ужъ поздно: я събылъ съ рукъ свою осаду (*mon siège est prêt*).»

всѣхъ странахъ порабощенной Европы, предвѣщая ужасную бурю и землетрясеніе всемірное. Одна Испанія, вопреки истощенію силъ ея, выдерживала борьбу кровавую и пожирала полчища искусныхъ завоевателей. Мы вели утомительную войну съ Турками на берегахъ Дуная и съ Персіянами за Кавказомъ, на каждомъ шагу встрѣчая неосижаемыхъ, невидимыхъ, враговъ, въ лицѣ агентовъ Французскихъ и Англіійскихъ. Во всѣ времена лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что Россія, столь счастливая въ отраженіи явныхъ непріятелей, болѣе всего должна опасаться коварства мнимыхъ союзниковъ. Ибо въ единодушномъ чувствѣ болани и зависти, всѣ между ними различія исчезаютъ, и они согласно дѣйствуютъ ко вреду Сѣвернаго колосса, страшнаго величіемъ своимъ и юношескою бодростію. Внутри Россіи кипѣло благородное негодованіе противъ Французовъ, и Царь, предвидя разрывъ неминуемый, по мѣрѣ возрастающей кичливости Наполеона, готовилъ огромныя силы въ безмолвіи. Одинъ только Канцлеръ питалъ себя надеждою сохраненія мира и въ дружескихъ сношеніяхъ съ Франціею искалъ новыхъ средствъ къ расширенію предѣловъ Государства. Въ сіе самое время онъ предложилъ Каподистріи мѣсто Совѣтника Посольства въ Бразиліи. Долго колебался избранный мужъ, не вѣдая, принять ли предлагаемую должность, или отказаться отъ оной. Невидимая рука удержала его и не допустила удалиться въ южное полушаріе, гдѣ даровація его остались бы навсегда сокрытыми. Вскорѣ послѣ сего онъ опредѣленъ былъ Секретаремъ сверхъ штата въ Вѣнской Миссіи, и отпраздновалъ къ мѣсту своего назначенія. Мы разстались, не предчувствуя еще, подъ какимъ грознымъ созвѣдіемъ надлежало намъ снова встрѣтити другъ друга.

Насталъ обильный предзнаменованіями грядущихъ бѣдствій 1811 годъ, — и загорѣлось на сѣверномъ небосклонѣ нашемъ яркое, мечу подобное, свѣтило, вѣчно памятная комета, предвѣстница грознаго на насъ нашествія просвѣщенныхъ варваровъ. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду сіяло вѣщее свѣтило, привлекая къ себѣ взоры земныхъ странниковъ и поселяя въ сердцахъ какой-то невольный трепетъ. Оно смѣнялось заревомъ безпрестанно возобновляющихся по всей Россіи пожаровъ. Кіевъ, Воронежъ,

Казань, Уфа, Житомиръ, Бердичевъ и много другихъ городовъ Русскихъ обращены въ пепелъ. Не запомнятъ подобнаго поущенія Божія, или изступленія злобы человѣческой. Смятеніе умовъ, недовѣрчивость, ожиданіе великихъ событій, суевѣрные мечты, опасеніе измѣны, бездѣйствіе промысловъ, оскорбленное народное самолюбіе, все волновало Россію и возбуждало ее къ поднятію оружія. Во всей униженной Европѣ вѣдѣносцы и народы, равно угнетаемые ярмомъ могущаго, но золоторнаго, генія, втайнѣ искали себѣ отрады, предчувствовали приближеніе новой бури, не вѣря, впрочемъ, собственному и нашему избавленію. Въ сѣверной Германіи мщеніе за нестерпимыя обиды, въ Австріи ненадежность повелительной дружбы Наполеона, въ Италіи обманутыя надежды и сиротѣющая Церковь, * въ Испаніи и Португаліи благородное отчаяніе, подстрекаемое Англичанами, наконецъ въ самой Франціи пресыщенное тщеславіе и духъ необузданности: таковы были стихіи, изъ коихъ карающее правосудіе Божіе составило громовую тучу для пораженія властолюбца. Но всѣ сіи орудія воли всемогущей тѣмъ неизбѣжнѣ низвергнули сына побѣды, что свѣтлымъ умомъ его овладѣло какое-то сверхъ естественное, непостижимое, ослѣплѣніе. Горя желаніемъ смирить Россію, Наполеонъ основалъ предпріятіе свое на кротости и миролюбіи Александра, на всемогуществѣ собственнаго генія, на ложныхъ понятіяхъ о Русскомъ народѣ и на содѣйствіи Поляковъ, прикованныхъ къ побѣдной его колесницѣ. Всѣ сія, по видимому, вѣрные соображенія и расчеты обманули кичливаго властолюбца. Кротость великодушнаго соперника обратилась въ непреклонность, миролюбіе его облеклось всеоружіемъ доблести Христіанской, великій умъ въ роковой часъ измѣнилъ любимцу счастья, обреченному на гибель, духъ народный вспыхнулъ, какъ жерло огнедышащее изъ подъ снѣжнаго покрова, пожирая коварныхъ зложестателей, и наконецъ храброе содѣйствіе Поляковъ, безъ одушевленія и восторга, оказалось безсильнымъ. Но не будемъ предупреждать событій незабвеннаго 1812 года. Сознаемся только, что въ пе-

* Папа Пій VII насильственно отведенъ въ плѣнъ Наполеономъ, котораго онъ вѣнчалъ и помазалъ на царство. За сію услугу лишили его свободы и престола духовнаго и свѣтскаго.

чальномъ 1811 году ни какое человѣческое око не могло проникнуть въ тайну судебъ созрѣвшихъ, но все еще сокрытыхъ отъ мудрости земной. Европа и Россія дышали стenanіями и повсюду господствовало уныніе безотрадное; невидимые клеветы міродержца посягали вездѣ плевелы раздора, измѣны и злонамѣренности, тщательно вкореняя въ умахъ какое-то суевѣрное, малодушное убѣжденіе въ непреоборимости Наполеона и Франціи. Къ усугубленію всѣхъ сихъ опасностей, военныя приготовленія наши, при всѣхъ усиліяхъ Правительства, не достигли желаннаго объема и полноты. Самъ Господь Вседержитель ополчился за насъ, восполнилъ недостатки наши, ожесточилъ врага, изумилъ вселенную непосредственнымъ заступленіемъ Россіи, которая встрѣтила сгущенную мощь всего Запада не болѣе, какъ съ 200,000 усердныхъ ратоборцевъ, а Наполеонъ приближался къ предѣламъ нашимъ съ 550,000 отборныхъ воиновъ, кромѣ себя—кромѣ собственнаго счастья, славы и искусства, стоявшихъ цѣлой рати: его окружало волшебное сопровожденіе безчисленныхъ и дивныхъ побѣдъ.

Около года провелъ Каподистрія въ Вѣнѣ, при Посланникѣ нашемъ, Графѣ Стакельбергѣ, которому прибытіе сего новаго сотрудника представилось сначала неблагопріятнымъ. Предполагая, что бывшій Статсъ-Секретарь Іонической Республики не могъ оставаться въ тѣсныхъ предѣлахъ строгой подчиненности, недоувѣрчивый умъ его видѣлъ въ немъ докучливаго досмотрщика, посланнаго съ тайными порученіями. И по тому угрюмый, но прямой и благомыслящій, дипломатъ принялъ Каподистрію съ холодною суровостію и признаками неудовольствія. Что же? Предубѣжденія пылкаго характера не устояли противъ правоты, кротости и истинныхъ достоинствъ Каподистріи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Посланникъ сердечно полюбилъ немилаго гостя; всѣ подозрѣнія его исчезли и, движимый сознаніемъ прежней своей несправедливости, онъ старался загладить прошедшее полною довѣренностію къ юному Еллину и лестными о немъ отзывами Государственному Канцлеру. Не довольствуясь сими поступками, Графъ Стакельбергъ неощалялъ сотрудника своего къ подытію трудовъ общепользныхъ, и плоды занятій его доводилъ до свѣдѣнія Министерства, съ горячностію добраго на-

чалника. Тогда 1811 годъ прешель въ вѣчности; въ Вѣнскомъ Кабинетѣ и примыкающихъ къ оному кругамъ общественныхъ таилось глубокое, непримиримое чувство вражды къ побѣдоносному зятю Австрійскаго Императора, вопреки брачному и политическому ихъ союзу. Приверженцы Европейской независимости съ жадностію внимали всѣмъ слухамъ, соображали всѣ вѣроятности близкаго съ Россіею разрыва, и даже, забывъ старинное къ Туркамъ пристрастіе, радовались успѣхамъ нашимъ за Дунаемъ, на зло притѣснителю вселенной. Въ такихъ обстоятельствахъ положеніе нашего Посланника часть отъ часу становилось затруднительнѣе. Ему надлежало соблюсти благовидную паружность, не возбуждать опасеній Посла Наполеонова, и вмѣстѣ питать вожделѣнныя для насъ надежды и замыслы тайныхъ враговъ системы континентальной. Тиролецъ въ живописныхъ ущельяхъ Альпійскихъ, Венгерцы на тучныхъ равнинахъ своихъ, равно негодовали на судьбу, первые за насильственное отторженіе отъ Австріи, послѣдніе по тому что 1811 годъ не оправдалъ гордыхъ ожиданій народныхъ. Всѣ недовольные вперили любопытный взоръ на представителя Россіи, какъ на предвозвѣстника возрожденія, или конечнаго низложенія, Державъ Христіанскихъ. Графъ Каподистрія былъ внимательнымъ очевидцемъ сего страннаго, робкаго, волненія умовъ, алкавшихъ переменъ. Онъ видѣлъ во всей Германіи отличнѣйшихъ мужей, угнетаемыхъ подозрѣніями Наполеона, ненавистную Турцію, подущаемую агентами его на Востокъ, собственную родину, погруженную въ продолжительное ничтожество, Испанію, которая, подобно изнемогающему бойцу, опершись на столбы Иракловы у завѣтнаго пролива, съ отчаяннымъ упорствомъ отражала исполинскіе удары покорителя народовъ. Столь необыкновенное зрѣлище одушевляло способности Каподистрія; скоро суждено было ему дѣйствовать на обширномъ поприщѣ всемірнаго состязанія. Невѣломый ему часъ насталъ: въ послѣдній разъ бросилъ Бонапарте тяжелый мечъ свой на вѣсы небеснаго правосудія, но сей мечъ найденъ легкимъ, сокрушился, какъ ломкая трость; стало просторнѣе на шарѣ земномъ, и новый рядъ происшествій кровавыми чертами заблисталъ на мѣдныхъ скрижаляхъ XIX столѣтія.

КНИГА II.

Съ 1812 по 1821 годъ, или отъ нашествія Наполеона на Россію въ 1812 до возстанія Греціи въ 1821 году.

Шумный приливъ народовъ Западной Европы хлынулъ на Россію и наводнилъ предѣлы Царства Православнаго. Какъ пирокія волны, гонимыя дыханіемъ бурнымъ — волею Наполеона — они, племена Запада, сліянные въ одно несмѣтное ополченіе, устремились карать Россію за благородное послушаніе къ мановеніямъ міродержца. Предъ симъ рѣшительнымъ, казалось, неотвратимымъ, ударомъ судьбы, Наполеонъ сказалъ: «*Les destinées de la Russie s'accomplissent.*» Приговоръ рока надъ Россіею совершился, пророчество сбылось, но не по чаянію пророка. Многіе знаменитые испанники искали у насъ пріюта отъ гоненій Французскаго Правительства. Между ними первенствовалъ вельможа береговъ Рейна, извѣстный Баронъ Штейцъ, несправедливый Наполеономъ за то, что, пламенѣя ревностію къ народной чести, онъ явно и тайно искалъ себѣ сподвижниковъ въ великомъ дѣлѣ избавленія поращенной Германіи. Императоръ Александръ I-й милостиво принялъ сего непреклоннаго противника властолюбія, и приобрѣлъ въ немъ полезнаго, вѣрнаго, поборника праваго дѣла, коего искрення къ намъ пріязнь никогда не измѣнялась. Англичане, и въ особенности Испанцы, начали домогаться вожделѣннаго съ нами союза. Но, не смотря на сіе, еще продолжались жаркіе переговоры между Кабинетами С.-Петербургскимъ и Тюльерійскимъ, и Государственный Канцлеръ все еще ласкалъ себя надеждою примиренія съ Франціею. Но тщетно: съ одной стороны, Россія не могла довольствоваться перемиріемъ ненадежнымъ, ибо она взирала съ негодованіемъ и ужасомъ, на ежечасное, своевольное, расширеніе Французскихъ предѣловъ, поглотившихъ всю сѣверную Германію, устья Эльбы и Ольденбургскія владѣнія. Грани, начертанныя мечемъ, подвигались впередъ, подобно сыпучимъ пескамъ Ливійскимъ. Поздно было возставать противъ завоевателя остріемъ меча, располагавшаго жизнію народовъ и царствъ, если бы мы допустили покореніе Испаніи. Съ другой стороны, Наполеонъ, поздно свѣдавъ о воинскихъ

приготовленіяхъ нашихъ, вдругъ измѣрилъ грозящую опасность, поспѣшно отозвалъ свои дружины, воевавшія за Пиринейскими горами, вооружилъ сподручниковъ своихъ; безвременная уступчивость Россіи, послѣ мгновеннаго отторженія его отъ вѣрной добычи, не смягчила бы злонамятной его непріязни. Единый вѣщій слухъ о близкомъ съ нами разрывѣ исхитилъ изъ мощныхъ рукъ Наполеона опустошаемый имъ полуостровъ. Сего довольно было, чтобы разсѣять всѣ миролюбивыя мечты и ускорить первый роковой выстрѣлъ 1812 года. По симъ причинамъ, Императоръ Александръ, отложивъ надежду на примиреніе, позволилъ тянуться переговорамъ четыре мѣсяца сряду, единственно для того, чтобы не нарушить принятой оборонительной системы, безстрашнымъ долготерпѣніемъ вынудить отчаянное вторженіе въ нѣдра Отечества и, по внушенію самаго Промысла Божія, указать врагу, время, мѣсто и предѣлъ великой борьбы.

Вознамѣрившись описать жизнь и труды человека, служившаго Государю и Россіи съ неограниченною преданностію природнаго Русскаго; бывъ самовидцемъ его дѣяній, въ отдельномъ кругу незабвенныхъ событій того времени, я не стану повторять рассказовъ о 1812 годѣ другихъ дѣписателей, но представлю читателямъ собственныя воспоминанія мои, не касаясь общей, почти необъятной, связи военныхъ и политическихъ дѣйствій, въ цѣлой Россіи и въ Европѣ. И по тому, устранивъ все чуждое моему предмету, я надѣюсь, если не полностью, то, по крайней мѣрѣ, въ рѣстности картины заслужить благосмыслящихъ одобреніе, избѣгнувъ опаснѣйшаго преткновенія для современнаго историка — я разумѣю: избытка матеріаловъ, сказать, недозрѣвшихъ.

Въ совѣщаніяхъ Государственнаго Совѣта, предшествовавшихъ роковому разрыву, часто разсуждаемо было о пользѣ наступательной диверсіи, къ подкрѣпленію оборонительнымъ мѣрѣ и къ отвлеченію хотя нѣкоторой части огромныхъ силъ Наполеона. Дунайская армія наша состояла изъ 40 тысячъ отборнаго войска; миръ съ Портою казался еще сомнительнымъ, и наконецъ вынужденный союзъ Австріи съ враждебною намъ Имперією Французскою указывалъ необходимость сильнаго отпора на юго-западѣ. По симъ причинамъ и въ твердой утѣренности, что число защитниковъ отечества внутри Россіи достаточно къ

отраженію перваго нагиска Французовъ, Императоръ Александръ І-й вознамѣрился дать отдѣльное направленіе Дунайской арміи и ввѣрить главное начальство надъ оною Адмиралу Чичагову. Твердость духа, предприимчивость, политическая прозорливость замѣняли въ немъ недостатокъ опытности военачальника. Ему надлежало склонить Оттоманскую Порту къ тѣсному съ нами союзу, вооружить Молдавію и Валахію, удержать за нами Сербію, возбудить приверженность къ Россіи въ Славянскихъ племенахъ, населяющихъ верховье Дуная и Венгрію, открыть сношенія съ Иллирійцами, жителями Далмаціи и всѣми вообще доблестными народами, не терпящими Французскаго ига, и устремивъ Дунайскую армію въ средоточіе Державы противъ воли на насъ ополченной, симъ отважнымъ движеніемъ въ тылу непріятеля остановить быстрый ходъ его завоеваній. Сколь ни мечтательнымъ могло казаться съ перваго взгляда смѣлое, исполнское, предпріятіе, однако же нѣтъ причины назвать оное несбыточнымъ. Ибо успѣхъ сего наступательнаго движенія зависѣлъ единственно отъ точности вычисленій нашихъ силъ. Если бы Западная армія, подъ начальствомъ Генерала Тормасова, имѣла въ строю отъ 70 до 80 тысячъ, сообразно распоряженію Военнаго Министерства, то правое непріятельское крыло, предводимое Шварценбергомъ и Реньеромъ, не только не осмѣлилось бы дѣйствовать наступательно, угрожая Житомиру и Кіеву, но должноствовало бы бѣжать въ Галицію, будучи тѣснимо превосходными нашими силами, и тогда Дунайская армія осталась бы внѣ круга системы оборонительной. Къ несчастію, вмѣсто 70.000, оказалось въ Западной арміи не болѣе 25,600 воиновъ подъ ружьемъ, и подкрѣпленіе сдѣлалось необходимымъ, дабы предупредить гибельныя послѣдствія повсемѣстнаго вторженія въ наши области боевой линіи непріятельской. Оконечности ея отражены, опрокинуты были въ рѣшительный часъ, и Наполеонъ, какъ дерзкій наѣздникъ, вопзивъ одинокій мечъ свой въ безтрепетную грудь Россіи, увлеченъ, низринутъ собственнымъ стремленіемъ и тяжестію удара въ желѣзныя объятія увязленнаго имъ колосса.

Адмиралъ Чичаговъ, готовясь къ тайному отправленію въ Бухарестъ и чувствуя всю важность возложеннаго на него по-

рученія, искалъ себѣ надежныхъ сотрудниковъ. Онъ лично зналъ Каподистрію, читалъ политическія его записки и постоянно требовалъ, чтобы 2-й Канцлеръ вызвалъ его изъ Вѣны въ главную квартиру Дунайской арміи, не оглашая, впрочемъ, цѣли сего перемѣщенія. Желаніе его исполнилось: Графу Стакельбергу предписано было отправить Графа Каподистрію въ Валахію, съ тѣмъ, чтобы объявился Главнокомандующему, не означаемому по имени. Столь загадочное повелѣніе удивило Посланника, и онъ, принимая живѣйшее участіе въ судьбѣ своего подчиненнаго, не зналъ, побудить ли его къ принятію невѣдомой должности, при неизвѣстномъ начальникѣ. Но въ твердой, безмятежной, душѣ страдальца не было мѣста недоумѣнію. Онъ не колебался покорился волѣ призывающихъ его на новое поприще, и спѣшно отправился въ славный терновый путь, ввѣряя себя безусловно, и уже не первый въ жизни разъ, водительству Премудрости Божіей.

Переѣхавъ границу Валахіи, Каподистрія свѣдалъ о смѣнѣ Главнокомандующаго и о прибытіи Адмирала Чичагова. Вѣсть сія, разглашаемая жителями, раскрыла предъ нимъ тайну его назначенія, и онъ съ радостію поспѣшилъ явиться издавна знакомому Начальнику. Въ Бухарестѣ засталъ онъ того, который теперь вызываетъ память протекшихъ дней и, погружался въ скорбную думу, мысленно поклоняется могилѣ незабвеннаго друга. Радость моя, увеличенная внезапностію, была неописана; ибо, удаляясь въ первый разъ изъ родительскаго дома, и выступивъ одинокій на поле битвы и дѣлъ государственныхъ, я глубоко чувствовалъ нужду въ надежной подпорѣ, въ руководствѣ и утѣшеніи сердечномъ. Адмиралъ ввѣрилъ Каподистріи управленіе дипломатическими сношеніями. Хотя предварительныя статьи Бухарестскаго мира уже были подписаны, и тѣмъ прекращены утомительные переговоры, со всѣмъ тѣмъ еще довольно оставалось занятій. Ибо, съ одной стороны, мы падѣялись наздать союзъ съ Портою, па основѣ заключеннаго съ нею мира; съ другой, для исполненія обширныхъ, смѣлыхъ, предначертаній тогдашней политики пашей, мы должны были вести дѣятельную переписку съ вождемъ Сербскаго народа, съ Черногорскимъ Митрополитомъ, съ прочими приверженцами нашими въ Далмаціи, и даже съ самою Вѣною.

Кромѣ сихъ сношеній, открытыхъ для защиты отечества, предстояли Каподистрии труды и соображенія другаго рода. Надлежало воспламенить новымъ усердіемъ Духовенство и Бояръ Молдавскихъ и Валашскихъ, трудиться, подъ руководствомъ Адмирала, надъ временнымъ устройствомъ Бессарабской Области, присоединенной къ Россіи, изыскивать нравственные пособія для успѣха будущихъ военныхъ дѣйствій, коихъ объемъ и направленіе унодоблялись дотолѣ жребію, брошенному въ таинственную урну судебъ. Все сіе умѣлъ выполнить Каподистрія съ прозорливостію ума необыкновеннаго, не предаваясь обольщенію суетныхъ надеждъ и не ужасаясь при видѣ множества препятствій. Весьма много содѣйствовалъ ему Митрополитъ Игнатій, нѣкогда изгнанный изъ паствы своей, Арты, кровожаднымъ Али-Пашею и возведенный на духовный престолъ завоеванной Валахіи.

Вліяніе сего предприимчиваго мюка на Бояръ того края простиралось до того, что многіе изъ нихъ, забывъ правила робкой политики, сродной данникамъ Султана, не усомнились явно содѣйствовать народному ополченію въ Княжествахъ, вопреки постановленіямъ мирнаго договора. Главнокомандующій, въ достопамятномъ предложеніи къ Верховнымъ Диванамъ, не обинуясь, объявилъ намѣреніе вступить въ тѣсный союзъ съ Оттоманскою Портою, или, въ случаѣ уклоненія ея отъ онаго, достигнуть сей цѣли и упрочить миръ силою оружія. Столь смѣлый умыселъ, провозглашаемый всенародно, равно изумилъ друзей и зложелателей нашихъ. Первые одушевились сугубою ревностію, вѣря избытку нашихъ силъ, послѣдними овладѣлъ невольный ужасъ.

Между тѣмъ громовая туча обложила весь западный горизонтъ Россіи. Тщетными остались обоюдныя поѣздки довѣренныхъ особъ въ Вильну и въ главную квартиру похитителя престола. Наполеонъ шагнулъ чрезъ воды Немана, и въ слѣдъ за нимъ, по разнымъ точкамъ переправы, устремились его несмѣтные, густые, полки, въ чаду славы, проклинаясь человечествомъ, влача за собою множество племенъ, прикованныхъ къ колесницѣ завоевателя. Подъ знаменами Бонапарте шли Французы, Итальянцы, Саксонцы, Вестфальцы, Голландцы, Баварцы, Виртембергцы,

жители Рейнскихъ береговъ, Неаполитанцы, горсть Испанцевъ и Португальцевъ, и два 30,000 корпуса: одинъ Прусской, другой Австрійскій. Быстрое движеніе непріятеля и отступленіе нашихъ ратей, представленное общимъ чертежемъ оборонительной войны, наводненныя враждебными силами, Литовскія области, и занятіе давно укрѣпленнаго нами стана при Дрисѣ, всѣ сіи постепенныя происшествія, о коихъ вѣсти медленно доходили до Главнокомандующаго, не смущали его твердаго духа и не могли колебать его намѣренія, дѣйствовать отдѣльно по верховью Дуная. 2-го Іюля мы еще праздновали въ Бухарестѣ размытіе ратификаціи мирнаго договора, войска готовились къ наступательному походу, военная казна, попеченіями и мудрою бережливостію Адмирала, возрасла до десяти милліоновъ рублей, повсюду сообщники нашего предпріятія изъясляли готовность содѣйствовать нашимъ усиліямъ, и самая Порта, вопреки неистовымъ внушеніямъ Французскаго Посла, казалось, дорожила утвержденіемъ добраго согласія съ Россією, какъ внезапно дошла къ намъ роковая, поражающая, вѣсть о приближеніи Наполеона къ завѣтнымъ стѣнамъ Смоленска и о послѣшномъ отступленіи Западной арміи, тѣснимой превосходными силами. Императоръ Александръ звалъ Дунайскую армію на защиту отечества, судьба коего долженствовало рѣшиться въ растерзанныхъ его нѣдрахъ. Государь предписывалъ Адмиралу, быстрыми переходами, ити на помощь Западной арміи, соединясь съ оною, вытѣснить врага изъ предѣловъ Россіи, потомъ направиться крутымъ поворотомъ въ тылъ главныхъ силъ непріятеля, овладѣть протяженіемъ его сообщеній съ Европою, при содѣйствіи Графа Витгенштейна, и встрѣтить Наполеона на обратномъ шествіи на берегахъ Березины, или Днѣпра, дабы нанести ему послѣдній гибельный ударъ. Помазанныкъ Божій, положивъ въ душѣ великой отвергнуть всякое примиреніе съ Наполеономъ, на сей твердой рѣшимости основалъ весь обзоръ борьбы безпримѣрной въ дѣтописяхъ вселенной. Онъ сдержалъ данное Россіянамъ слово: «не влгати меча во влагалище, доколе не изженеть послѣдняго врага изъ земли Русской»; и Россіяне, вливъ съ доблестнымъ восторгомъ сему Царскому слову, не пощадили матери Москвы, дабы спасти, прославить и возвеличить поруганное отечество. Сіи высокіе помыслы тогда уже обнаружались въ данномъ Адмиралу Чигагову повелѣ-

ни. Чистая душа непреклонного вѣщеносца, какъ геній изъ странъ безоблачныхъ, проникала во мракъ грядущихъ дней, напередъ изрекая судь Божій надъ гордымъ противникомъ. Падлежало повиноваться — и Дунайская армія, оставивъ слабый отрядъ для охраненія Княжествъ, подъ начальствомъ Генерала Желтухина, до сдачи сего края Туркамъ, въ срокъ 2-го Октября, двинулась къ Днѣстру, по направленію къ Хотину и Каменцу Подольскому.

Вступивъ въ сію древнюю твердыню, Адмиралъ встрѣченъ былъ сонмомъ почетныхъ дворянъ благословенной Подоліи. Окруженный ими въ священный для Россіи день Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невского, онъ въ сильныхъ, повелительныхъ, выраженіяхъ напомнилъ имъ о долгѣ вѣрности Царю и Отечеству, обѣщая защитить область отъ нашествія Австро-Саксонцевъ. Изъ дома Губернаторскаго пошли мы въ соборную церковь, скрывая въ унылыхъ сердцахъ глубокое сѣтованіе о паденіи Смоленска. Тайные обѣты излились предъ Царемъ царствующимъ; иныхъ молитва обратилась въ грѣхъ предъ Сердцевѣдцемъ. Скорбныя думы волновали душу, тѣснили грудь Каподистрии; настоящее бѣдствіе напоминало бездомному все, претерѣнное имъ въ жизни; я подѣлился чувствованіями съ нимъ, оплакивая разлуку съ родными, и мысленный слезный взоръ души моеи вперился въ Невидимаго, коего божественное присутствіе наполняло весь храмъ, оглашаемый громкимъ хвалебнымъ пѣніемъ. На другой день издано Главнокомандующимъ воззваніе къ обитателямъ Подоліи. Оно выражало бодрость духа, устратило коварство нѣкоторыхъ, возбудило во многихъ благородное рвеніе, разсѣло замыслы, угрожавшіе спокойствію края, и наконецъ произвело въ самой Вѣнѣ благопріятное намъ впечатлѣніе. Адмиралъ въ подобныхъ случаяхъ познавалъ все достоинство мыслящаго сотрудника, болѣе и болѣе поощрялъ его содѣйствовать силою ума въ пользу праваго дѣла, и ливялъ къ нему ежедневно возрастающее довѣріе. Главная квартира подвинулась изъ Каменца впередъ; лсные осенніе дни предвѣщали обильную жатву на поляхъ брани; незримая сѣкира Божія ужь лежала при корнѣ древа Наполеоновои славы, вознесшейся до небесъ; колонны наши сошлись съ Западною арміею.

Генералъ Тормасовъ передалъ жезлъ главнаго начальства Адмиралу, и обѣ ради, въ совокупности 65,000 воиновъ, 9-го Сентября перешли чрезъ рѣку Стырь, на встрѣчу непріятелю, встревоженному нежданнымъ появленіемъ Дунайскихъ полковъ. Въ Дубнѣ издана Главнокомандующимъ новая прокламація къ обитателямъ Волынской Губерніи. Дѣйствию ея не мало способствовали личнымъ примѣромъ усердія, связями и пожертвованіями къ удовольствію войскъ нашихъ, умный Князь Казимиръ Любомирскій, угостившій насъ, въ Дубнинскомъ замкѣ своемъ, съ вельможескою пышностію. Не чуждался Польскаго имени, онъ, однако же, принадлежалъ къ числу не многихъ прозорливыхъ наблюдателей, разгадавшихъ своекорыстную политику Наполеона. Онъ былъ увѣренъ въ душѣ своей, что всѣ надежды на него напрасны; что властолюбіе его играло судьбою ослабленной Польши, и что рано, или поздно, онъ отброситъ ее отъ себя, какъ раздробленный щигъ, или низринетъ въ прахъ, какъ презрѣнную, нижнюю, ступень всемірнаго престола. Однимъ словомъ, Любомирскій, взявъ опытамъ минувшихъ лѣтъ, не колебался въ выборѣ между злодѣемъ и другомъ челоѣчества, между Наполеономъ и Александромъ I. Жаль, что сей благородный, отличный, челоѣкъ, ознаменовавшій свое усердіе въ годину опасности, не дожилъ до славной эпохи освобожденія Россіи; онъ умеръ, если не ошибаюсь, въ Ноябрь мѣсяцѣ, и безвременную его смерть можно назвать потерсю, не только для родныхъ и друзей, но и для всего Дворянства возвращенныхъ отъ Польши областей. Ибо должностныя лица, даже самыя достойныя, могутъ быть замѣнены легко другими, равно способными къ дѣламъ, когда о выборѣ ихъ печется благонамѣренное Правительство, по люди, умѣющіе управлять общимъ мнѣніемъ и свѣжие одаренные владычественнымъ духомъ, всегда и вездѣ рѣдки, драгоцѣнны; они оставляютъ по себѣ въ обществѣ какую-то ощутительную пустоту и вредное разномысліе.

При первыхъ стычкахъ и переналкахъ нашихъ войскъ съ передовыми отрядами непріятеля, пѣнные Саксонцы и Поляки изъявляли смѣшную увѣренность въ побѣдѣ, твердя намъ съ немовѣрною наглостію: «Вы опоздали, не спасти вамъ Россіи, Императоръ Французовъ уже довершилъ вашу гибель». Мы слушали

ихъ съ негодованіемъ, не находя доводовъ къ посрамленію ихъ самонадѣянности, уступавшей лишь копьямъ нашихъ Казаковъ. Храбрые полки наши безъ большого труда опрокинули колонны непріятеля, не задолго предъ тѣмъ мечтавшаго попрасть святыню завитыхъ стѣнъ Кіевскихъ. Фельдмаршалъ Князь Шварценбергъ съ поспѣшностію, по въ порядкѣ, отступилъ къ Бресту Литовскому. Мы не однократно настигали арріергардъ его, тѣснили со всѣхъ сторонъ, поразили нѣкоторые отряды близъ Булкова и Кобрина, прославленного побѣдою Тормасова надъ Саксонцами: однимъ словомъ, движеніе войскъ прислѣвшихъ во время изъ за Дуная, совершалось удачно; но, преслѣдуя враговъ, мы терзались болѣзненнымъ чувствомъ печальнаго сиротства; ибо Москва была во власти Наполеона и превратилась въ груды камней и пепла. Каждый изъ насъ искалъ отрады, передавая надежды и опасенія, волновалъ душу, равно огорченнымъ сподвижникамъ. Не извѣстность усугубила общее уныніе; ибо пораженная въ сердце Россія и вторженіемъ хищника раздѣленная на двое, уже не имѣла непрерывныхъ сообщеній съ отдаленными частями Государства. За нами, въ сумрачномъ отдаленіи, догоралъ первопрестольный градъ, и грозное зарево славнаго пожара тускло отражалось въ обуреваемомъ воображеніи. Тогда появилось на нашихъ бивакахъ вѣчнопамятное воззваніе Царя къ народу Русскому, по случаю паденія Москвы. Еще дымилось при Бородинѣ необозримое поле ужаснаго побоища. Легла костями за вѣру и отчизну цѣлая рать, истребивъ несмѣтные полки врага, но не преградила ему пути въ древнюю столицу. Кромѣ чести народнои, все казалось потеряннымъ, когда раздался гласъ избранника Божія, гласъ истинно пророческій. Насъ поразили дивныя слова, коими Александръ I-й изъяслялъ надежду не только отразить врага и изгнать его изъ предѣловъ Россіи, но, побѣдивъ злобу и коварство, «спасти независимость народовъ и Царей». Среди развалинъ Москвы, столь выспренной полетъ вѣры и упованія, столь смѣлый взглядъ въ глубину грядущихъ событій, не изъяснимъ, если не приписать его вдохновенію небесному. И подлинно, въ сильнѣйшемъ порывѣ человѣческаго геройства, не возможно было Александру желать и ожидать ничего болѣе, кромѣ спасенія гибнущей Россіи; одна вѣра вознесла его за предѣлы вѣроятностей разума, и скорѣй благодать Всемогущаго сподобила довер-

шить то, что въ минуту всенароднаго бѣдствія предусмотрѣть озаренный свыше духъ его. Въ главной квартирѣ нашей все возпылало новымъ рвеніемъ и новымъ упованіемъ на Бога и на его помазанника. Если обратиться къ соображеніямъ государственной опытности, нельзя здѣсь умолчать о мнѣніи Полковника Барона Тейля, который, во дни всеобщей горести, никогда не преставаъ оживлять ослабѣвшей въ насъ бодрости духа самыми утѣшительными надеждами. Ежедневно бесѣдуя съ Графомъ Каподистрією и со мною объ участи любезной намъ Россіи, онъ основательными доводами, хладнокровно, безъ всякаго витійства, убѣждалъ насъ въ несомнѣнности пораженія Наполеона, если онъ, полагаясь на мирныя предложенія, пробудетъ въ Москвѣ до наступленія зимы. Разсчеты его оправдались, хотя и въ семь стеченій великихъ происшествій пути Божіи далеко отстояли отъ путей, и совѣты его отъ совѣтовъ человѣческихъ. Едва возымѣли мы лучшія надежды, какъ онѣ начали сбываться. Не ожиданно обрадовала насъ вѣсть о Тарутинской битвѣ, отвратившей грозу военную отъ стѣнъ Троицкой Лавры. Въ святой обители затворился благочестивый Митрополитъ, Платонъ, непоколебимо уповая на дивную милость Божію къ ея святынѣ. И вѣра его не посрамилась; сбылось чудо естественнымъ, но не менѣе удивительнымъ, образомъ. Вице-Король Италіи, Принцъ Евгений Богарне, получилъ повелѣніе занять Троицкую Лавру многочисленнымъ отрядомъ, не только съ намѣреніемъ овладѣть ея драгоцѣнностями, но чтобы симъ ударомъ уничтожить въ Русскомъ народѣ суевѣрное мнѣніе о невредимости древняго оцлота Православія. Принцъ двинулся съ войскомъ по направленію къ Лаврѣ, но не успѣлъ дойти, какъ настигъ его гонецъ, свѣдно отзывавшій на помощь разбитому при Тарутинѣ корпусу Короля Неаполитанскаго. Такимъ образомъ рушился коварный умыселъ Наполеона, и мнимое суевѣріе, восторжествовавъ надъ гордостію завоевателя, уповательно переживетъ и его славу... Сіи подробности, которыми обязаны мы изустному разсказу самаго Принца Евгенія, вразумятъ многихъ и сохранятся въ памяти благороднаго потомства.

Пробывъ около двухъ недѣль въ Брестѣ Литовскомъ, Главнокомандующій устремилъ за Бугъ летучіе отряды: они распро-

странили ужасъ по Герцогству Варшавскому, грома бѣгущихъ враговъ, истребляя запасы и какъ бы разсѣвая повсюду предвѣстіе близкаго одолѣнія Русскихъ. Въ то же время обширная переписка наша съ Вѣною, съ Востокомъ, разносила по всѣмъ странамъ извѣстіе о превратностяхъ роковой борьбы, уже клонившейся въ нашу пользу. Каподистрія неутомимо трудился надъ систематическимъ разглашеніемъ затмѣваемой истины, приводившей въ оцѣненіе Турковъ и въ радостный восторгъ храбрыхъ витязей уже не одинокой Испаніи. Въ Греціи, Сербіи и вдоль береговъ Адріатическаго моря, острововъ, иѣкогда нами охраненныхъ, всѣ Православные, въ тревогѣ страха и надежды, алчно выпмали малѣйшимъ слухамъ, чая отъ главной нашей квартиры отраднаго благовѣстія. При гробѣ Господнемъ, въ Палестинскихъ ущеліяхъ, на горахъ Синайской и Аѳонской, въ Керкирѣ, передъ мощами Спиридона чудотворца, сколько теплилось лампадъ, сколько возсылалось тайныхъ къ небу молитвъ о избавленіи Царства Православнаго! Что можетъ быть сильнѣе сего единства вѣры, сего братства духовнаго, переживающаго всѣ разсчеты, пострамляющаго всѣ козни политики своекорыстной!... Графъ Каподистрія тщательно питалъ извѣстныя ему чувствованія друзей Россіи; онъ не пренебрегалъ ими, и не вѣрилъ ихъ безсилію, зная что нравственное чувство одарено могуществомъ рано, или поздно, непреодолимымъ.

Угрюмая, единственная въ то время союзница наша, зима, снѣдающая годы, по выраженію Хераскова, быстро приближалась, на зло Наполеону готова необъятный, снѣжный, саванъ свой на погребеніе святотатственныхъ полчищъ. Главная квартира Дунайская Западной арміи выступила изъ Бреста Литовскаго около половины Октября. На добрыхъ коняхъ, сопровождая Главнокомандующаго, мы проѣзжали чрезъ омертвѣвшіе, обнаженные, лѣса, между конми просіявали булатныя копы удалой нашей конницы. Природа облакалась въ печальное вретнище, и несмѣтныя стаи плотоядныхъ птицъ, какъ бы предчувствуя ужасный пиръ, носились надъ нами, чертя въ воздухѣ стезю къ роковой Березинѣ. Передовой отрядъ Генерала Чаплица попалъ въ располхъ на Слонимѣ, и взялъ въ плѣнъ цѣлый, едва сформированный, конный дворянскій полкъ подъ начальствомъ Генерала

Конопки. Поляки не успѣли сдѣлать одного выстрѣла и сдались всѣ отъ перваго до послѣдняго. Мы встрѣтили начальника и сподвижниковъ его, идущихъ подъ прикрытіемъ Павлоградскихъ гусаръ: пышность и свѣжесть одеждъ, цѣлость оружія, комплектъ щегольскихъ рядовъ, попавшихъ въ плѣнъ безъ боя, представляли зрѣлище потѣшное, и выѣстъ поучительный примѣръ превратностей своенравнаго счастья. Отъ Слонима передовой отрядъ нашъ, предводимый Генераломъ Графомъ Ламбертомъ, быстрыми переходами устремился къ Минску, и Главнокомандующій, ввѣривъ Генералу Сакену начальство надъ отдѣльнымъ 20 тысячнымъ корпусомъ, поручилъ ему противодѣйствовать Князю Шварценбергу, снова предпринявшему наступательное движеніе. Остальное войско, не болѣе 18,000 въ строю, повелъ онъ лично, чрезъ Кайданово, Минскъ къ Борисову, на встрѣчу Наполеону, уже нравственно побѣжденному твердостью Царя и народа Русскаго. Предъ выступленіемъ изъ Москвы, Наполеонъ, отраженный при Маломъ Ярославцѣ, на пути къ Калугѣ, разбитый при Тарутинѣ, оцѣпенный воинскою мудростію Кутузова и отвагою нашихъ партизановъ, гнетомый яростію и боязнію, въ изступленіи обмапутыхъ надеждъ, покусился взорвать Кремлевскую святыню, и двинулся назадъ по опустошенной имъ военной дорогѣ, гдѣ каждая развалина, каждое пепелище предвѣщали хищнику неизбежную гибель. Достойныя посмѣянія укоризны его клеветовъ мнимому варварству Русскихъ поселянъ, не внявшихъ коварнымъ внушеніямъ Французовъ, ослушаніе и разстройство славнѣйшихъ полковъ его, пресыщенныхъ постыдною и бесполезною имъ добычею, все довершало униженіе великаго генія, давно забывшаго, въ упоеніи побѣдъ, строгій удѣлъ человѣчества.

До насъ изрѣдка доходила молва чудесъ совершавшихся за Дибромъ, внутри Россіи. Лишь одинъ гонецъ достигнулъ нашихъ биваковъ, съ повелѣніемъ снѣшить на встрѣчу неприятелю, упредить его на Березинѣ, открыть сообщенія съ ратію Графа Витгенштейна, вызвать изъ Бобруйска, для подкрѣпленія нашихъ силъ, двѣнадцать баталіоновъ, и стараться остановить натискъ бѣгущихъ враговъ, до появленія преслѣдующей ихъ главной арміи. Вскорѣ мы увидимъ, какія неожиданныя пренятствія со всѣхъ сторонъ возникли, чтобы расторгнуть мудро сплетенную сѣть и

отерочить казнь властолюбца. Въ сіи вѣчнопамятные дни, болѣе нежели когда ни будь, просіялъ, во мракѣ соображеній земныхъ, дивный совѣтъ Божій, недоступный слабому уму смертныхъ и обличающій всю ничтожность взаимныхъ, неосновательныхъ, порицаній. Графъ Ламбертъ поражалъ отряды Поляковъ, преграждавшихъ намъ путь съ неимоверною быстротою. Онъ въ Кайдановѣ разбилъ и разсѣялъ дивизію Брониковскаго, преслѣдовалъ его по пятамъ въ Минскъ, овладѣлъ симъ средоточіемъ воинскихъ запасовъ врага, все изложилъ внезапною нападешію, и вдругъ явился предъ мостовымъ укрѣпленіемъ Борисова, еще не оконченнымъ. Хотя наказъ Главнокомандующаго обязывалъ доблестнаго военачальника дожидаться главной раги и безъ нея не штурмовать окоповъ, но Графъ Ламбертъ, постигнувъ всю драгоценность мгновенія и, обозрѣвъ надежный оплотъ, вскричалъ: «Впередъ!» Два часа кровопролитной схватки рѣшили судьбу Борисова—и Русскія знамена пріосѣнили воды Березинскія. Симвъ ударомъ отрѣзана была дорога Наполеону. Главная квартира наша подоспѣла на другой день. Въ Минскѣ торжествовали мы побѣду, вступивъ въ городъ скорымъ маршемъ, съ барабаннымъ боемъ и при звукахъ Русскихъ пѣсень, оглашавшихъ стогны изумленнаго города. Самый воздухъ, дотогѣ зараженный измѣною, радостно вторилъ геройскому напѣву нашихъ воиновъ. Сколь удивило тогда Графа Канодистрію нечаянное появленіе въ Минскѣ болѣе ста Испанскихъ солдатъ, находившихся въ числѣ плѣнныхъ! Онъ спѣшно роздалъ имъ печатныя прокламаціи Кортесовъ, рассказалъ имъ подробности послѣднихъ мѣсяцевъ и испросилъ для нихъ свободу. Эти несчастные страдалцы, увлеченные въ ненавистный имъ походъ, волею губителя ихъ отчизны, предались радостному восторгу, свѣдавъ, что Испанія бьетъ Французовъ и сдѣлалась союзницею Россіи. И подлинно, Великолуцкій миръ, заключенный въ Іюль 1812 года Государственнымъ Канцлеромъ и Донъ Францискомъ де Зеа Бермудецъ, пребудетъ памятникомъ всемірныхъ потрясеній нашего времени. Сей великодушный Испанецъ умѣлъ пройти всю Европу, зашивъ въ подкладкѣ дорожнаго платья вѣрную грамоту Кортесовъ, невредимый достигъ до Великихъ Лукъ, и тамъ подписалъ союзный договоръ Испаніи съ Россією, въ пылу борьбы, долженствовавшей рѣшить судьбу все-

ленной. Завоеванный Минскъ былъ свидѣтелемъ первой встрѣчи между новыми союзниками.

Подѣзжая къ Борисову, мы были поражены ужаснымъ позорищемъ, возмущавшимъ глубину души. Мостовое укрѣпленіе и берега ледяющей Березины устланы были горами обнаженныхъ труповъ, примерзшихъ къ сырой землѣ и обращенныхъ къ пасмурному небу. Говоръ алчныхъ птицъ, дымные столбы Борисовскихъ хижинъ и въ отдаленіи дремучій боръ надъ лѣнчвыми, бѣлѣющими, излучинами сѣверной рѣки, довершали мрачную, несказанно унылую, картину. Каподистрія, вопреки твердости безмятежнаго духа его, смугился сердцемъ, и благородныя, величавыя черты его лица омрачились негодованіемъ и горестію. Мы, наконецъ, медленно объѣзжая нагія тѣла, въ благоговѣніи къ отстрадавшимъ, переправились чрезъ длинный мостъ, уже обреченный пламени, и въѣхали въ запустѣлый Борисовъ. На улицахъ встрѣчались одни робкіе Евреи въ рубищахъ, нескладными восклицаніями привѣтствовавшіе побѣдителей. Они искренно усердствовали Россіянамъ; ибо ненадежность благодѣяній Наполеоновыхъ не укрылась отъ ихъ прозорливости, со времени созванія въ Парижѣ пресловутаго Израильскаго собора, которое ни мало не улучшило народнаго ихъ бытія.

Сраженіе подъ Краснымъ довершило разстройство погибающихъ Французовъ. Они въ ужасномъ безпорядкѣ, грядою труповъ человѣческихъ и конскихъ, обломками обозовъ и орудіями означая дорогу къ берегамъ Днѣпра, преслѣдуемые ангеломъ-истребителемъ, искали и чаяли спасенія за древнимъ предѣломъ Литвы. Хотя Князь Кутузовъ держался правила не доводить бѣгущихъ непріятелей до отчаянія, но они погибали цѣлыми тысячами, гнетомые враждою ополченныхъ за насъ стихій, и ложились на лоно земли Русской, все еще отрицая, въ буйствѣ своемъ, тяготѣющую надъ ними десницу Всевышняго.

Графъ Витгенштейнъ съ храбрыми полками, защищавшими Градъ Петровъ, разбившими Удино и Сепъ-Сира и завоевавшими Полоцкъ, приближался, чрезъ Десель и Чашники, къ завѣтному Борисову, гдѣ, по общему чертежу военныхъ дѣйствій, предположено было, соединенными силами, нанести Наполеону послѣдній ударъ.

Флигель-Адъютантъ Полковникъ Чернышевъ первый съ летучимъ отрядомъ открылъ сообщеніе между Дунайскою и Сѣверною арміями. Не задолго предъ тѣмъ, проникнувъ въ Варшавское Герцогство до самой Бялы, сей предприимчивый полководецъ, отдѣлившись отъ нашей главной квартиры въ Слонимѣ, съ горстію Казаковъ устремился на встрѣчу Графу Витгенштейну и на пути избавилъ изъ плѣна Генераловъ Винценгероде и Царышкина, странствовавшихъ подъ слабымъ прикрытіемъ. Черезъ посредство его мы свѣдали о приближеніи сѣверной рати, и вскорѣ начали съ оною сообщаться. Занявъ Борисовъ, Главнокомандующій выполнялъ данныя ему приказанія, и сталъ на предоставленной чертѣ, къ которой стремились всѣ непріятельскія силы. Чтобы выдержать отчаянный ихъ натискъ, надлежало имъ противопоставить сосредоточенныя войска Чичагова, Графа Витгенштейна и баталіоны Генерала Эртеля, прибытіе коихъ казалось несомнѣннымъ. Въ сію роковую минуту все измѣнилось соображеніямъ военной предусмотрительности. Рассказывая происшествія, видѣнныя мною, я не дерзну выпянуть въ стеченіе обстоятельствъ, о коихъ не могутъ судить не посвященные въ таинства высшей стратегіи. Пользуясь, однако же, неотъемлемымъ правомъ очевидца, высказать все, происходившее въ глазахъ его, я обязанъ изобразить воспоминанія мои, не искажая ихъ предъ моими читателями. Войска Графа Витгенштейна не успѣли сомкнуться съ нами; отрядъ Генерала Эртеля не выступилъ изъ Бобруйска; Адмиралъ, судя о близости врага по медленнымъ движеніямъ прочихъ корпусовъ, погрѣшилъ противъ коренныхъ правилъ военнаго искусства, помѣстивъ главную квартиру въ самомъ Борисовѣ, на лѣвомъ берегу Березины, тогда какъ предстояло намъ защищать правый берегъ, по коему расположились всѣ полки. При взятіи приступомъ мостовыхъ укрѣпленій, Графъ Ламбертъ былъ раненъ въ ногу; старшій по немъ Генералъ, Графъ Паленъ, принявъ начальство надъ изпуреннымъ авангардомъ, едва успѣлъ разбросить стрѣлковъ, протянуть передовую цѣпь за Борисовымъ, въ улицахъ коего стѣснились всѣ обозы, какъ внезапно напали на насъ Французы густыми колоннами, опрокинули стрѣлковъ и конницу, и очутились въ самомъ городѣ совершенно беззащитномъ. Одинъ только узкій, не отдѣланный и длинный, мостъ связывалъ насъ съ главными силами за рѣкою. Главнокомандующій бросился

впередъ, чтобы сколько возможно остановить напоръ изступленныхъ предтечъ бѣгущаго Наполеона. Межъ тѣмъ вагенбургъ нашъ тронулся по вѣтвѣмъ переулкамъ, повсюду съѣзжаясь къ мосту; повозки устремились по оному въ три ряда, опрокидывая одна другую. Графъ Каподистрія, заблаговременно переправившій походный дипломатическій архивъ, ему ввѣренный, уже заботился единственно о безопасности Адмирала и чести нашего оружія. Посреди смятенія, тревоги и бѣдственнаго въ обозахъ безпорядка, мы, въ слѣдъ за Главпокомандующимъ, проѣхали шагомъ чрезъ рѣку; уже смеркалось; за нами тотчасъ вспыхнула мостъ, не малая часть обоза предана въ жертву злой судьбѣ, клики стрѣлковъ, ржаніе коней, вопли Борисовскихъ жителей, раздвалились нестройнымъ гуломъ въ мерцающемъ отдаленіи, и багряное зарево мгновеннаго пожара разсѣкало надъ рѣкою темноту Поябрьской ночи. Нѣкоторыя городскія зданія запылали; на правомъ берегу, по всему мостовому укрѣпленію, превращенномъ въ окопанный лагерь, засверкали, какъ мелькающіе отблески противоположнаго пожара, огни нашихъ биваковъ. Графъ Каподистрія послалъ меня отыскать биваки Главпокомандующаго. Я засталъ его въ бойницѣхъ надъ рѣкою, окруженнаго многочисленною свитою, на которую падалъ яркій свѣтъ огромнаго костра. На лицѣ каждаго изображалось оскорбленное народное самолюбіе; ибо отступленіе въ безпорядкѣ главной квартиры, хотя съ небольшимъ урономъ, волновало сердца и заставляло опасаться будущихъ печальностей. Съ разсвѣтомъ мы усмотрѣли малочисленность непріятелей, и погрузились въ большое недоумѣніе, стараясь угадать, какое направленіе возметъ главная Французская армія.

Въ Борисовѣ соединяются двѣ большія дороги: Виленская и Минская. Идущіе на встрѣчу къ намъ непріатели, въ числѣ 70 тысячъ человекъ, нападая на насъ, могли избирать удобнѣйшія для переправы мѣста, развлекая наше вниманіе перевѣсомъ силъ и уклоняясь отъ бдительности нашей различными притворными движеніями, по всему протяженію рѣки, въ право и въ лѣво отъ средоточія Борисова. Не представлялось возможности охранить всѣ угрожаемые пункты осмнадцатью тысячами войска, при слабости нашей пѣхоты. Въ семъ затруднительномъ положеніи Адмиралъ, не получивъ подкрѣпленія изъ Гобруйска и полагаясь на

близость Сѣверной арміи къ лѣвому нашему флангу, обратилъ вниманіе на правый, и пробывъ три дня противъ самаго Борисова, рѣшился, наконецъ, произвести въ право фланговое движеніе, и мы перешли въ селеніе Шабашевичи. Графу Ланжерону и Генералу Чаплицу вѣрно было удержать прежнюю нашу позицію и наблюдать неусыпно за каждымъ шагомъ непріятеля, очевидно закрывавшаго движенія главныхъ силъ самаго Наполеона.

Мы заняли село Шабашевичи при самомъ наступленіи ночи. Сильный преждевременный морозъ устилалъ бѣлымъ ковромъ воды Березинскія. Уже не въ первый разъ, со дня прибытія нашего въ Борисовъ, стрѣлки наши по зыбкому льду переходили на лѣвый берегъ и производили съ непріятельскими стрѣлками жаркую перепалку при безпрестанныхъ кликахъ: ура! и откликахъ враговъ, передразнивавшихъ любимый воинственный возгласъ храбрыхъ Русскихъ ратоборцевъ. Пули, градомъ разсыпаясь по воздуху, часто достигали и до насъ, зрителей, стоявшихъ въ бойнищѣ укрѣпленнаго стана. Целзя было не признавать воли Божіей въ появленіи сей жестокой стужи, дотолѣ истреблявшей полки злодѣевъ, и въ настоящую роковую минуту, посредствомъ замерзанія рѣки, споспѣшествовавшей отчаянному ихъ бѣгству. Итакъ не забудемъ, что правый берегъ Березины, уже безъ помощи мостовъ, сдѣлался доступнымъ Французской пѣхотѣ, составлявшей всю силу Наполеона. Графъ Ланжеронъ, замѣтивъ приближеніе враговъ, тотчасъ послалъ гонца къ Адмиралу, и приказалъ Генералу Чаплицу наблюдать на лѣвомъ флангѣ за каждымъ покушеніемъ Французовъ къ переправѣ, стараясь при томъ обмануть ихъ разложеніемъ несмѣтныхъ огней, сею устарѣлою, но совсѣмъ тѣмъ употребительною, военною хитростію. Адъютантъ, прискакавшій въ главную квартиру съ роковою вѣстію, разсѣялъ недоумѣніе Главнокомандующаго. Намъ преллежало обратное ночное движеніе къ Борисову. Чтобы облегчить опое, Адмиралъ приказалъ оставить весь обозъ, всѣ лишнія тѣлеса и чиновниковъ, безъ которыхъ можно было обойтись, и отправить ихъ подъ прикрытіемъ къ м. Игумену. Кто только чувствовалъ себя изнуреннымъ трудами и лишеніями зимняго похода, получилъ позволеніе удалиться. Главнокомандующій, вѣроятно, желая испытать твердость Графа Каподистрии, предоставилъ ему на выборъ, слѣдо-

вать за отбывающими, или раздѣлить съ военными опасности предстоявшихъ намъ переходовъ и кровопролитныхъ сраженій. Но Каподистрія выѣхалъ сіе предложеніе въ обиду и рѣзко оцѣнчалъ, что онъ и смиренный сочинитель сихъ сказаній не согласны на удѣлъ увѣчныхъ, или одержимыхъ недугомъ. Мы сѣли на коней, и помчались на встрѣчу исполину XIX-го столѣтія. Нолбрія дня, возвратясь въ Борисовъ, мы слышали громъ пушекъ: битва кипѣла въ пространствѣ между Зембинскимъ болотомъ и рѣкою. Генераль Чаплицъ съ малочисленнымъ отрядомъ, не въ силахъ будучи воспрепятствовать наведенію моста, занялъ, въ виду переправы, крѣпкую позицію. По мосту, наскоро сооруженному, потянулись: сперва конница Французская, состоявшая изъ однихъ оберъ и унтеръ офицеровъ, истребленныхъ конныхъ полковъ; потомъ артиллерія и часть обозовъ; между тѣмъ пѣхота старой гвардіи, пробираясь по скопившимся льдинамъ, достигала праваго берега, и съ разсѣтомъ Наполеонъ, жертвуя жалкими остатками ослабленныхъ своихъ воиновъ, поспѣшилъ занять узкую дорогу, идущую между болотами непроходимыми; стрѣлки его по обѣимъ сторонамъ засѣли въ чащѣ толкихъ лѣсовъ, и любимаецъ побѣды, съ постыдною стремительностію, какъ заходящій метеоръ, скрылъ померкшіе лучи славы своей въ запанѣхъ Литовскихъ лощинъ и ущелій. Тогда подосѣла главная Дунайская рать и напала на осиротѣвшихъ, изступленныхъ Французовъ, защищавшихъ переправу. Обозы ихъ подвигались къ мосту, какъ внезапно раздался въ тылу на высотахъ громъ батарей Графа Витгенштейна: ядра съ пронзительнымъ свистомъ, разсѣкая туманный воздухъ, ударили въ скопившуюся громаду и въ мостъ. Тогда карающій ужасъ объялъ опустошителей Россіи: всѣ, въ тревогѣ неизъяснимой, опрокидывал и топтал другъ друга, бросились къ единственному проходу. Насталъ грозный воздаянія часъ: несмѣтная добыча, разломавъ тяжестію своею ледъ и самый мостъ, съ трескомъ обрушилась въ холодное лоно рѣки, межъ тѣмъ, какъ остальные обозы, на необозримомъ пространствѣ, усыпали низменный берегъ разнообразными, неисчислимыми, обломками. Пушки гремѣли, Казацкія копы сверкали среди всеобщаго разрушенія. Толпа женщинъ кинулась въ воду; многія изъ нихъ пали жертвами огнестрѣльнаго оружія. Грудные младенцы лежали съ безбечностію подлѣ тѣлъ убитыхъ мате-

рей. Сонмы израненныхъ, умирающихъ лежа межъ кучами золота, пышныхъ одеждъ, книгъ, церковной утвари и сосудовъ священныхъ, поражали наши взоры. Вся, расхищенная въ Москвѣ, святыня храмовъ нашихъ припала тутъ къ землѣ Русской, какъ безмолвный укоръ святотатства, какъ обличающій глаголъ Всевышняго, надъ погибающими сонмами преступниковъ. И возможно ли видѣвшему когда либо забыть сіе вѣчнопамятное, ни съ чѣмъ не сравненное, позорище ужасовъ!

На слѣдующій день лишь только тускло-багровое утро озарило поле битвы, Графъ Каподистрія, Генераль Графъ Мантейфель, Баронъ Тейль и я, пошли осматривать всѣ мѣста, означенные истребленіемъ славной, дотогѣ нецѣлостной, рати. Вокругъ насъ тѣснилось до 16 тысячъ военнопленныхъ, полунгихъ, одѣтыхъ въ рубища, съ почеркѣнными лицами, производившими въ насъ содроганіе и трепеть. Они скитались, подобно тѣнямъ среди полелища полуразрушенныхъ хатъ и догорающихъ биваковъ. Жалобные вопли, стenanія, проклятія, молебны о нищѣ и помощи, произносимыя на разныхъ языкахъ, пронзали слухъ и сердца наши, напоминая сверхъестественныя явленія тайновидца Іоанна. Казалось, всѣ стихіи соболѣзновали неизреченнымъ страданіемъ челоѣчества. Терзаясь скорбію, дотогѣ немыслимому душамъ нашимъ, мы перешли на противолежащій берегъ. Тамъ ожидала насъ новая картина бѣдствій. Оставленный Французами необъятный обозъ унодоблялся кочевью цѣлаго народа, внезапно погибшаго. Въ необозримыхъ рядахъ и грудахъ колесницъ, пышныхъ экипажей, нагруженныхъ повозокъ, царствовало безмолвіе гробовъ и мертвая тишина древняго кладбища. Драгоценныя вещества, переживающія челоѣка, лежали кучами посреди растерзанныхъ тѣлъ, обезображенныхъ адскими страданіями. Кое-гдѣ одинокія, безотрадныя, дѣти встрѣчались намъ и умиленіемъ растворя сжатую грудь, воскрешали въ насъ чувство дѣятельнаго состраданія. Покинувъ глѣздилище разрушенія, мы возвратились до почти къ бивакамъ. Насъ обступили воины всѣхъ племенъ Европейскихъ. Иные, обхвативъ колѣна наши, умоляли защитить ихъ отъ солдатъ, отнимавшихъ у нихъ послѣднюю одежду. Другіе, снѣдаемые жаждою, происшедшею отъ внутренняго воспаленія, нагіе, ползая по мерзлой землѣ,

слабымъ голосомъ просили у насъ воды, вопреки мертвящему морозу. Наступила роковая ночь, и бродившіе около насъ при- видѣнія, окутавъ покрывалами почернѣвшія лица и члены измож- денные, столпились близъ огней, Французъ подлѣ Полика, Гол- ландецъ подлѣ Итальянца, сѣтуя каждый звуками природнаго языка и общимъ языкомъ неизцѣлимаго, внятнаго всѣмъ земно- роднымъ, отчаянія. Одни Французы не позволяли себѣ руга- тельствъ противъ виновника ихъ злополучія. Сильнѣйшій упрекъ, исторгавшійся изъ устъ сихъ несчастныхъ, былъ слѣдующій: «Эго честолюбецъ, онъ погубилъ насъ!» Но для иноплеменныхъ очарованіе величія исчезло; они отрезвились, но предъ самою смертію. Я помню, что въ сей самый вечеръ, у нашего бивака, стеченіе злосчастныхъ жертвъ столь увеличилось, что мы, раз- давъ многимъ весь запасъ нашъ, состоявшій изъ черстваго хлѣ- ба и водки, уступили имъ полуобрушенную крестьянскую избу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огней, соглашались лучше провести ночь подъ суровымъ небомъ, нежели запереться въ отведенной намъ душной хижинѣ. Въ ней столпилось болѣе ста человѣкъ; въ продолженіи цѣлой ночи холодный вѣтеръ безпрестанно сму- щалъ перерывистый нашъ сонъ и разносилъ отголоски ихъ воп- лей, споровъ и болѣзненныхъ воздыханій. Мало по малу нестрой- ный говоръ началъ примѣльнымъ образомъ слабѣть и съ разсвѣ- томъ утихъ, поглощенный таинственнымъ безмолвіемъ. Горест- ное предчувствіе повлекло насъ къ углу пріюту нашихъ плѣн- никовъ; и что же? — вся хижина устлана была ихъ мертвыми останками! Съ послѣднею искрою согрѣвавшаго ихъ огня, угасло въ нихъ пламя истощенной жизни! Кромѣ немногихъ, можетъ быть, ночью вышедшихъ искать далѣе въ сугробахъ холодной мо- гилы, всѣ легли тутъ изсохшими костями, въ землѣ чуждой, сом- кнувъ въ послѣдній разъ свои ряды, въ страшномъ бореніи съ неизбежною смертію. Мы смотрѣли на отстрадавшихъ, все еще не вѣря существованности сего плачевнаго зрѣлища.

Сказать ли здѣсь горестную истину, къ стыду человѣчества? Посреди сихъ грозныхъ явленій Божія суда, совершавшагося безъ пощады надъ цѣлымъ поколѣніемъ, я видѣлъ людей, къ счастью, однако же, весьма не многихъ, находившихъ еще возмож- ность шутить и издѣваться надъ наружностію погибшихъ, алкать

гнуснаго прибытка, предаваться не звѣрскому, но безумному, жестокосердію. Нельзя было взирать на нихъ безъ омерзѣнія и внутренняго содраганія; ибо что можетъ быть отвратительнѣе человѣческой безпечности, когда она, ругаясь карающему правосудію, пресмыкается надъ зіяющею бездною и нагло обнажаетъ порочную грудь подъ ударами перуновъ небесныхъ? Надлежало намъ, въ сіи дни поражающаго воздаянія, тщательно скрываться отъ взора изнуренныхъ голодомъ Французовъ, чтобы подкрѣпить себя скудною пищею: завистливая жадность обреченныхъ смерти враговъ раздирала душу тѣмъ больнѣе, что не было средствъ призрѣть и спасти многочисленнаго голоднаго скопища.

Жалкіе остатки Французской рати, устилая трупами и орудіями Виленскую дорогу, устремились къ Молодечнѣ. Адмиралъ, разбивъ ихъ въ Зембинскихъ болотахъ, рѣшился, не теряя ни одной минуты, преслѣдовать бѣгущихъ. Послѣ краткаго свиданія съ Графомъ Витгенштейномъ, мы быстро пустились въ погоню, при ежечасно усиливающихся морозахъ. Зима свирѣпствовала столь сильно, что мы, борясь съ ея жестокостію, большую частію шли пѣшкомъ, на пространствахъ каждой версты встрѣчая сотни мертвыхъ тѣлъ, обезображенныхъ послѣдними судорожными движеніями. При каждомъ бугрѣ, или холмѣ, попадались намъ брошенныя пушки и подлѣ нихъ мертвые артиллеристы, съ почернѣвшими отъ морозовъ лицами, посреди падшихъ лошадей, изнемогшихъ подлѣ скользкими высотами. Бразда необъятнаго разрушенія означала слѣды низверженнаго властолюбца; селенія мгновенно превращались въ кладбища; всѣ виды смертей окружали насъ, отравляя въ преданныхъ отечеству сердцахъ самую радость побѣды. Въ Молодечнѣ и Ошмянахъ летучіе отряды наши отрѣзали арріергардъ непріятельскій, и сонмы плѣнныхъ то гнали предъ собою, какъ стада презрѣнныя, то оставляли ихъ на произволъ разъяренныхъ стихій. Ноября дня мы вступили первые въ Вильну, овладѣли запасами врага и сокрушили тѣмъ послѣдній оплотъ его беззаконнаго пашествія. Больницы наполнялись ранеными и недужными, коихъ большая часть векорѣ погибла, вопреки стараніямъ искусства. Общій признакъ болѣзни — воспаленіе въ животѣ, рѣдко уступало пособіямъ врачей, и многія тысячи уцѣлѣвшихъ на пути умирали на лонѣ отдохно-

венія. Адмиралъ, не давъ роздыха войскамъ своимъ, продолжалъ преслѣдованіе чрезъ Троки, до самыхъ завѣтныхъ береговъ Пѣмана. Въ Гезнѣ расположились мы квартирами, чтобы дожидаться дальнѣйшихъ приказаній Фельдмаршала, Князя Кутузова, и дать время прочимъ корпусамъ примкнуть къ Дунайской арміи и со-вокупно, хотя въ различныхъ направленіяхъ, двинуться съ нами за границу.

Въ сіе самое время Адмиралъ, свѣдавъ о прибытіи Государя въ Вильну, испросилъ позволеніе явиться лично Его Величеству, чтобы подвергнуть безпристрастному суду его оправданія относительно событій при Березинѣ, содѣлавшіяся необходимыми. Ибо знатоки ратнаго дѣла строго судили о распоряженіяхъ Чичагова, обвиняя его въ непростительныхъ ошибкахъ, безъ коихъ, по мнѣнію ихъ, гибель Наполеона и совершенное истребленіе Французскихъ войскъ должны были свершиться неизбежно. Одни оуждали фланговое движеніе къ Шабашевичамъ, и сіе порицаніе неоспоримо; другіе осуждали Адмирала за то, что онъ, вмѣсто защиты праваго берега рѣки, не застѣлъ въ Зембинскихъ болотахъ, какъ будто возможно было угадать, что Наполеонъ, возмунорствуетъ въ намѣреніи пробиться по Виленской дорогѣ, тогда какъ въ Борисовѣ предстоялъ ему выборъ между симъ путемъ и направленіемъ къ Минску. Но судя о стратегическихъ погрѣшностяхъ Главнокомандующаго, надлежало, по правиламъ безпристрастія, обнять совокупность всѣхъ военныхъ дѣйствій различныхъ корпусовъ, устремленныхъ къ единой цѣли, отнюдь не разрывая сей необходимой связи между движеніями, имѣвшими общее средоточіе. Какъ бы то ни было, Адмиралъ, предвидя еще на полѣ битвы разные толки, по случаю побѣга Наполеона, спустя нѣсколько часовъ послѣ сраженія, рѣшился отправить въ Петербургъ чиновника для объясненія происшествій, и, къ крайнему всѣхъ приближенныхъ его изумленію, возложилъ сіе порученіе на Генерала Сабанѣва, хотя зналъ недружественное къ себѣ расположеніе сего военачальника. Черта великая въ характерѣ Чичагова! Не зналъ*достоверно, въ чемъ состоялъ отчетъ Сабанѣва о происшествіяхъ при Березинѣ, дѣписатель можетъ только утверждать, что поѣздка его въ столицу мало послужила къ оправданію Главнокомандующаго,

которому оставалось искать случаевъ къ объясненіямъ изустнымъ, и для сего воспользоваться первою минутою отдохновенія, по изгнаниі душегубца изъ предѣловъ Государства. Адмиралъ, въ сопровожденіи своихъ Адъютантовъ и Графа Каподистріи, прибылъ въ главную Императорскую квартиру, лично являлся Его Императорскому Величеству, бесѣдовалъ наединѣ съ нимъ и получилъ повелѣніе предводительствовать и впредь храбрыми Дунайскими полками. Графъ Каподистріа * продолжалъ многотрудное служеніе свое при Адмиралѣ, со свойственнымъ ему постоянствомъ, братски раздѣляя съ военными всѣ опасности и лишенія зимнихъ переходовъ, биваковъ, осадъ и многоразличныхъ превратностей войны. Не долго Чичаговъ сохранилъ главное начальство надъ ввѣренною ему ратію. Онъ, по собственному желанію, передалъ жезлъ начальства Генералу Барклаю де Толли, извѣстному полководцу, стяжавшему истинную славу, не превосходствомъ генія, но обширными стратегическими свѣдѣніями, рѣдкимъ хладнокровіемъ на полѣ битвы и, болѣе всего, примѣрнымъ своимъ отреченіемъ отъ побужденій оскорбленнаго самолюбія. Сей добрый вождь, почти съ перваго взгляда, полюбилъ Графа Каподистрію, усвоилъ и приблизилъ его къ себѣ, какъ мужа правоты и совѣта. Походъ 1813 года ознаменованъ былъ внезапными переворотами судьбы: воззванія къ племенамъ Германіи, наступательный союзъ съ Пруссією, Калишскіе переговоры, Рейхенбахское перемиріе, однимъ словомъ, всѣ главнѣйшія дѣйствія нашей политики имѣли средоточіемъ своимъ Императорскую квартиру, и потому участіе въ оныхъ Барклай де Толли и его сотрудника ограничивалось второстепенными занятіями. Но, въ замѣнъ дѣятельности, соразмѣрной высокимъ его дарованіямъ, Каподистріа созрѣвалъ духомъ, пріобрѣталъ ежедневно драгоценную опытность въ искусствѣ познавать людей и съ ними обращаться, вникалъ въ тайну событій, привыкалъ дышать свободно посреди вихря превратностей роковой борьбы, колебавшей Европу въ основахъ ея. Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ сраженій и, въ особенности, незабвеннаго трехдневнаго Лейпцигскаго побѣдоносца,

* Около сего времени и отправился изъ Вильны въ столицу, по семейственнымъ дѣламъ, и потому не имѣлъ счастья быть очевидцемъ великихъ событий 1813 и 1814 годовъ.

сокрушившаго навсегда оковы Германіи и ненавистное Наполеоново могущество. Тщетно, хотя не безъ славы, грозный завоеватель созвать въ послѣдній разъ и ополчилъ около себя цѣлое юное поколѣніе Франціи, облекшейся въ печальное вѣстие, и пробился съ неимоверною отвагою до Бреславля и Одера; тщетно покушался онъ удержать Австрію подъ крилами кровавыхъ орловъ своихъ; геройскіе подвиги Барклая, Ермолова, Остермана-Толстаго и Блюхера сокрушили его отдаленныя силы, грозившія Берлину и Прагѣ: правосудіе Божіе разрушило всѣ начинанія исполинскаго ума, одарило Александра непреодолимою мудростію и укрѣпило скромнаго побѣдителя до такой степени, что онъ одинъ совершилъ предпріятіе, невозможное по человѣческимъ понятіямъ, скажемъ смѣло, чудесное и безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра. Мы разумѣемъ здѣсь дивное сліяніе во едино самыхъ разнородныхъ стихій и враждебныхъ межъ собою силъ, постоянное наравленіе наступательнаго союза, казавшагося до толѣ несбыточною мечтою къ общей, единственной, высокой цѣли, къ избавленію Европы отъ поноснаго ига, ежечасное бореніе великаго миротворца, Царя-Христіанина, съ ничтожными разсчетами, страстями и кознями участниковъ великаго дѣла, безсмертное его постоянство, изумляющую кротость, благородное самоотверженіе и державную надъ сердцаами власть, кою Александръ покорялъ коварство и гордость, тщеславіе и своскорыстіе, смягчалъ народныя предразсудки и недовѣрчивость дипломатовъ, прекращалъ распри военачальниковъ и велъ неуклонно, подѣляя Всевышняго, всѣ частныя усилія, вопреки неудачамъ и усиліямъ противника къ предустановленному концу, къ низложе-

* Конскрипція или система наборовъ, введенная Наполеономъ, невольно напомнитъ всѣмъ читателямъ Русскимъ неподражаемые стихи Жуковскаго, въ посланіи къ Александру I-му:

«Чудовище, склоняся на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами:
Сыны, въ дому отцовъ, минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби сѣдъ;
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!...
Все поколѣніе, для жатвы брашною зрѣло» .. и проч.

ню всемірної крамолы и беззаконнаго міродержавства. Вотъ слабый, несовершенный, очеркъ подъятыхъ Александромъ трудовъ, обнаруженныхъ имъ доблестей въ сія роковые годы, увѣнчанные взятіемъ Париза. Пѣтъ мыслящаго существа, которое могло бы оспорить сію сверхъестественную славу, столь мало подлежащую пререканію. И подлинно, всѣ предшествовавшія совокупныя ополченія Державъ Европейскихъ противъ Французской Республики и Имперіи, рушились постыднымъ образомъ, послуживъ единственно къ распространенію ихъ владычества надъ цѣлою Европою. Бѣдственные союзы сія, заключенные безъ вдохновенія свыше, по частнымъ расчетамъ боязни, или своекорыстія, громко предвѣщали и сему послѣднему сопряженію силъ Европы неминуемое расторженіе. И конечно, указанія и предчувствія опыта сбылись бы и теперь, безъ заступленія Александра I-го. Онъ одинъ, твердостію духа и смиреніемъ сердечнымъ, низвелъ на многочисленное ополченіе враждующихъ силъ благословеніе Божіе; онъ одинъ подъялъ на рамена свои бремя судьбы человѣческихъ, и содѣлался «всѣмъ для всѣхъ», по образу мудреца неземнаго, чтобы всѣхъ, извѣрившихъ себя водительство его, освободить, прославить и примирить съ Небеснымъ Законодателемъ. Настанетъ для поздняго потомства время суждений здравыхъ въ тишинѣ умственныхъ наблюденій, и тогда ликъ Александра въ лучезарномъ вѣнцѣ просіяетъ сквозь мерцаніе протекшихъ столѣтій, тогда строге историкъ по достоинству оцѣнитъ его дѣла, изумятся, вникая во всѣ подробности совершеннаго имъ подвига и невольно признають величіе духа, обнаруженное имъ въ незабвенные 1812, 1813 и 1814-годы, убѣждаясь не правдоподобіемъ нравственнымъ, но единственно достовѣрностію происшествій.

Преслѣдуя бѣгущіе Французскіе полки, союзныя Монархи вступили во Франкфуртъ на Майнѣ. Въ семъ городѣ, издревле свободномъ и цвѣтущемъ, но въ то время поработленномъ, въ семъ средоточіи мнимаго Рейнскаго Союза, созданномъ коварнымъ властолюбіемъ, издапа знаменитая Франкфуртская прокламація Ноября 30-го дня. Сіе достопамятное воззваніе заключало въ себѣ изложеніе началъ и намѣреній Союзныхъ Державъ предъ вступленіемъ сихъ войскъ въ предѣлы ослабленной Франціи.

Тогда открылось для Каподистрии поприще, достойное заслуг и способностей его и соразмѣрное обширности его помысловъ. Чтобы безопасно съ разныхъ сторонъ напасть на общаго врага, обойти грозныя твердыни и проникнуть въ нѣдра потрясенной, но все еще могущественной, Державы, надлежало склонить, въ пользу Союза, буруеваемую раздорами Швейцарію, исторгнуть ея жителей изъ подъ Наполеонова ига, водворить въ семь краѣ благоприятный намъ нейтралитетъ и, въ случаѣ необходимости, проложить для войскъ нашихъ непреграждаемый путь чрезъ ущелія и цѣпи горъ, составляющія гранитный теремъ, Альпійскую грань вѣчныхъ льдовъ между Франціею, Германіею и равнинами Италіи. Вотъ порученіе, для исполненія коего Александръ І-й избралъ Графа Каподистрію. Онъ призвалъ его къ себѣ, лично переговорилъ съ нимъ о цѣли, средствахъ и кругѣ его дѣйствій; слушалъ съ восхитительнымъ для Каподистрии вниманіемъ всѣ его сужденія и мысли о сей важной политической задачѣ, поручилъ ему же начертать себѣ наказъ и полномочіе, потомъ, утвердивъ сіи бумаги, снова ободрилъ его словомъ Царскимъ и выраженіями ласковой пріятливости, заключавшими въ себѣ неизъяснимую прелесть. На слѣдующій день, въ видѣ кушца, Каподистрія, вмѣстѣ съ Лебцентерномъ, представителемъ Австрійскимъ, отправился въ Швейцарію, колеблемую противодѣйствующими внушеніями приверженцевъ Франціи и отечественной независимости. Языкъ мятежныхъ страстей въ быту республиканскомъ былъ понятенъ мужу, выросшему въ несчастной Іоніи, гдѣ юность его протекла среди гражданскихъ смутъ въ ежечасной борьбѣ съ порывами пламеннаго воображенія жителей Юга. Каподистрія въскорѣ разгадалъ побужденія и замыслы каждой партіи, вникнулъ въ ихъ предразсудки, потребности и желанія, постигнулъ необходимость и даже возможность ихъ сближенія, указавъ Кантонамъ аристократическимъ лучшую участь въ соединеніи съ союзомъ Вѣнценосцевъ, а демократическимъ обѣщая неприкосновенность новыхъ правъ ихъ самобытности, безъ заступленія грознаго ихъ посредника, Наполеона. Въ короткое время онъ узналъ наперечетъ, лучше многихъ туземцевъ, всѣ притязанія, жалобы и умыслы малѣйшаго городка, снискалъ любовь и уваженіе людей именитыхъ и всѣхъ вообще склонилъ къ вождѣльному нейтралитету. Но соображенія военачальниковъ

требовали болѣе, нежели миролюбіе и великодушіе Александра. Товарищъ Каподистріи неожиданно получалъ отъ Князя Шварценберга приказаніе, требовать у Швейцарскаго Сейма свободного пропуска части союзныхъ войскъ, уже готовыхъ ко вступленію. Наказы прочихъ Дворовъ гласили совершенно различно. Посланнику Россійскому предстоялъ тяжкій выборъ. Ему надлежало: или отказаться отъ подписанія роковой ноты, сообразно съ данными ему наставленіями, и тѣмъ обнаружить предъ цѣлою Швейцаріею вредное усиліемъ общаго дѣла несогласіе Союзныхъ Державъ, или, вопреки положительной инструкціи, подписать требованіе своего товарища, и такимъ образомъ сдѣлаться виновнымъ въ глазахъ Государя, навлекши на себя, со стороны Сейма, справедливый укоръ въ явномъ противорѣчій. Часы были дороги, густыя колонны приближались, Императорская квартира безмолствовала. Въ подобныхъ сему трудныхъ случаяхъ видѣтъ государственныи челоувѣкъ. Каподистріа, вперивъ умъ въ будущее и взиравъ роковую важность послѣдствій, подписалъ ноту изумленнаго своего сотрудника, но чрезъ два часа сѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ главную квартиру, жертвуя собою высокой, вѣрно измѣренной, имъ, цѣли. Полки союзныя, на основаніи сей единопутной ноты, устремлялись чрезъ горы въ предѣлы Франціи; Сеймъ не дерзнулъ воспротивиться ихъ прохожденію, а Каподистріа, безусловно обвинивъ поступокъ свой предъ мудрымъ Государемъ, вмѣсто немилости и опалы, списалъ сугубую довѣренность Александра. Доколѣ длился кровопролитный, ознаменованный превратностями, походъ 1814 года, Графъ Каподистріа пребывалъ въ Швейцаріи неутомимымъ посредникомъ въ распряхъ Кантоновъ, истиннымъ труженикомъ въ устраненіи преградъ, воспрещавшихъ прочный между ними договоръ примиренія. Лишь только отпрянуло въ Европѣ: «Александръ въ Парижѣ, Наполеонъ свергнутъ», — какъ Императоръ велѣлъ пригласить туда Каподистрію. Онъ прибылъ въ столицу, уже не Европы, но одной Франціи, 19-го Мая, на другой день послѣ подписанія Парижскаго мира. Въ семъ обширномъ логовищѣ столбовой революціонной гидры, на столбахъ и торжищахъ, въ чертогахъ Царей и въ стагѣ неслѣтнаго ополченія Европейскаго, господствовало неописанное уношеніе побѣдителей и очарованіе побѣжденныхъ. Душа кроткаго миротворца,

то съ умиленіемъ склонилась на помощь поправнаго челоуѣчества, то, окриленная благодарностію, возносила къ Небесному Виновнику отрады всего міра. Вступая въ нечестивый, мятельный, градъ, пресыщенный добычею всѣхъ странъ земныхъ и собственнымъ униженіемъ, Александръ І-й явился Ангеломъ, исцѣляющимъ глубокія язвы, провозгласилъ пощаду, не только народному бытію, но и народной гордости Французовъ, и сталъ между падшею Франціею и мстящею Европою, какъ неустрашимый ходатай Христіанскаго братолюбія. Внимая рѣчамъ, взирая на примѣръ Царя Русскаго, забывающаго пожаръ Москвы, буйство и злопамятство умолкли. Но политическія ухищренія и коварныя расчеты нѣкоторыхъ Державъ не пресѣклись вмѣстѣ съ порывами негодованія народовъ и ратоборцевъ. Начались переговоры, ознаменованные печатію умышленной торопливости. При необъятномъ стеченіи правъ, притязаній, выгодъ и задачъ, возникшихъ изъ среды всеобщаго ниспроверженія, основательно рѣшены только тѣ вопросы, кои касались непосредственно Великобританіи и ея системы вселенской. Возстановлены Бурбоны на трехъ престолахъ, древле имъ принадлежавшихъ; создано Нидерландское Королевство; оставлены за Англіею колонія, завоеванныя ею въ двухъ полушаріяхъ; денежныя требованія сей Державы за убытки ея получили отдѣльное обезпеченіе; Австрія возобладала сѣверною Италіею; но участь всей твердой земли, Германіи, Польши, Швейцаріи, права Россіи, возсозданіе Пруссіи, все это предоставлено будущему Вѣнскому Конгрессу и снова брошено въ мрачную урну случайностей земныхъ, въ виду отпущеннаго на островъ Эльбу, какъ въ домовый отпускъ, грознаго похитителя престоловъ. Столь разительный недостатокъ въ предусмотрительности со стороны Державъ твердой земли, при заключеніи перваго Парижскаго трактата, въ послѣдствіи произвелъ много запутанностей, источилъ потоки крови и слезъ и навелъ новую громовую тучу на міръ, едва спасенный. Замѣтить должно, что Графъ Канодистрія, терзаясь предчувствіемъ грядущихъ бѣдствій, не скрывалъ тогда своихъ опасеній, не рѣдко мыслить вслухъ, но не имѣлъ права выходить изъ круга вѣреннаго ему Швейцарскихъ дѣлъ и подавать совѣты, уже запоздалые. Онъ ограничился ходатайствомъ предъ Государемъ за родину свою, исчезавшую въ громадѣ общихъ завоеваній, полу-

чить утѣшительный отвѣтъ, и съ новыми наставленіями обратно отирались въ Швейцарскія горы, откуда надлежало ему, по волю Императора, прибыть къ осени въ Вѣну.

Мы не отважимся описывать всенароднаго восторга въ Россіи при появленіи въ столицѣ кроткаго Избавителя Европы, нареченнаго «Благословеннымъ.» «Сіе благословеніе, по выраженію краснорѣчиваго Филарета, нареклось въ дѣлахъ его и услышалось до послѣднихъ земель»... Въ поступкахъ, рѣчахъ и сердечныхъ изліяніяхъ Александра I-го, замѣтно было спокойное величіе Избранника и Совершителя Божіихъ судьбъ. Безпримѣрная его слава, которую онъ постоянно отклонялъ отъ себя, благоговѣя предъ нею, какъ предъ святынею, свынне ему вѣренною, сія слава окрѣпила геній Жуковского, одушевила духовное краснорѣчіе и Русскую поэзію, отразилась въ превосходномъ историческомъ памятникѣ Карамзина, и возбудила тысячи отголосковъ радости по всей Россіи. Церковь, кою удѣлъ низводить небо на землю и изображать намъ вѣчность во времени, тогда же установила, въ память избавленія Россіи, молебное торжество, совпадающее съ торжествомъ всемірнаго искупленія. На немъ вѣрныя слышатъ дивныя пророчества Исаи и коленопреклонную молитву о врагахъ нашихъ, молитву любви, побѣдившей блaгимъ злое.

Однако же не долго насладились Россія присутствіемъ Царя своего. Съ наступленіемъ осени 1814 года, Императоръ отправился въ Вѣну, куда начали отсюду съѣзжаться Вѣнценосцы, владѣтельные Князья, полномочные всѣхъ Державъ, знаменитые полководцы, представители сверженныхъ династій, наблюдатели происшествій и за ними разноцвѣтный сонмъ художниковъ, ученыхъ, празднолюбцевъ, легкомысленныхъ сыновъ XIX столѣтія, искателей соблазна, или счастья. Оковы двѣнадцатилѣтнаго преобладанія Французовъ распались отъ удара Россійскаго меча, остріемъ его начертанъ, по указаніямъ Англіи, Парижскій договоръ; но въ Вѣнѣ предстоялъ гигантскій трудъ развязать, а не разсѣчь, многосложный гордіевъ узелъ неудобосогласимыхъ правъ и притязаній и примирить прошедшее съ настоящимъ, въ залогъ будущаго равновѣсія и спокойствія Европы. Съ устраненіемъ опасности, единодушіе исчезло, и все предвѣщало пенниусыя

распри. Уже полуофициальные совѣщанія и переписки нашего Кабинета съ Лордомъ Кастельри обнаружили сопротивленіе Англіи относительно будущей судьбы Великаго Герцогства Варшавскаго и сопряженной съ оною участи Пруссіи и Саксоніи. Императоръ Александръ, огорченный пристрастнымъ упорствомъ Англійскихъ Полномочныхъ, къ опроверженію ихъ уловокъ и доводовъ, употребилъ преимущественно Каподистрію. Вотъ какимъ образомъ распредѣлены были переговоры и нерѣшенные задачи между членами Вѣнскаго Конгресса. Общее собраніе Полномочныхъ, названное «Le plenum du Congrès», сзывалось довольно рѣдко. Въ семъ собраніи занимались исключительно постановленіемъ правилъ церемоніала, первенства и постепенности въ будущихъ сношеніяхъ Державъ Европейскихъ. Отдѣльная конференція, въ коей участвовали Полномочные четырехъ Державъ, заключившихъ Штаттъбюргскій союзный трактатъ противъ Наполеона, въ послѣдствіи допустили къ совѣщаніямъ Князя Таллейрана, представителя Людовика XVIII. Предметъ сихъ переговоровъ былъ сложный: надлежало возсоздать Прусскую Монархію, по точному масштабу составныхъ ея частей въ 1805 г., рѣшить судьбу Варшавскаго Герцогства и Королевской Саксоніи. Далѣе представлялся вниманію очевидца Комитетъ Германскихъ дѣлъ, ко- ему ввѣрено было сооруженіе новаго зданія политическаго въ растерзанной Германіи, по закону единства цѣли, но безъ измѣненія разнородности частей цѣлаго. Наконецъ составилъ особый Комитетъ, долженствовавшій упрочить союзъ Швейцарскихъ Кантоновъ, обезпечить оный ручательствомъ великихъ Державъ и дружелюбно привести къ концу нѣкоторые спорные между Кантонами вопросы. Въ продолженіи осьми мѣсяцевъ, трудясь неуспынно при незабвенномъ моемъ другѣ, я смотрѣлъ вблизи на ходъ переговоровъ, внималъ жаркимъ прѣніямъ, соображалъ взаимные доводы и не рѣдко съ ужасомъ, или досадою, наблюдалъ дѣйствія противныхъ страстей, игравшихъ случайностями гибельнаго для всѣхъ сторонъ разрыва.

Предложенная здѣсь анатомическая картина Конгресса явно покажетъ читателямъ истинное средоточіе всѣхъ переговоровъ, Конференцію четырехъ Державъ первостепенныхъ. Въ постановленіяхъ ея заключалась развязка исторической запутанной дра-

мы, которая бланстала множествомъ дѣйствующихъ лицъ, разнообразіемъ явленій, пышностію и нестротою причудъ и развлеченій, собственно къ дѣйствию не принадлежавшихъ. Итакъ, чтобы увѣичать разсказъ о Конгрессѣ событіемъ важнѣйшимъ, мы обозримъ предварительно успѣхи и труды прочихъ отдѣленій Конгресса. Въ общемъ собраніи вопросъ о церемоніаль и первенствѣ, о коемъ написано столько огромныхъ книгъ, сей пререкаемый вопросъ, служившій нѣкогда предлогомъ и даже истиннымъ побужденіемъ кровопролитныхъ браней въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, рѣшенъ навсегда самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Сему рѣшенію способствовали не только превратности послѣднихъ лѣтъ, отъ которыхъ столько коронъ померкло, но и непритворное смиреніе Александра I-го, пристыдившее всякую обыкновенную надменность верховнаго сана. Опытъ минувшаго и живой примѣръ сей, достойный подражанія, заставили полномочныхъ опредѣлить, чтобы въ совокупныхъ актахъ Конгресса порядокъ подписей слѣдовалъ безвредному азбучному порядку главныхъ буквъ названія всѣхъ договаривающихся сторонъ: роковое А доставило Австріи старинное ея первенство, Франція заняла второе мѣсто, Испанія третье, Великобританія четвертое, а Россія стала смиренно на предпослѣднемъ, какъ красугольный камень новаго зданія политическаго. Сверхъ сего принято было за общее и постоянное правило размѣщать впредъ Посланниковъ равной степени не по какимъ бы то ни было устарѣлымъ притязаніямъ мечтательнаго первенства, но сообразно съ временемъ ихъ прибытія ко Двору, при коемъ кто уполномоченъ, и офиціальнаго о томъ извѣщенія. * Сими приговоромъ благоразумія и нѣкоторыми примѣненіями и выводами изъ онаго прекратились ничтожные споры; теорія приличій, подведенная подъ общую формулу, уступила общественной, практической, пользѣ. Въ слѣдъ за сими совѣщаніями, собраніе, именуемое «Plenum», занялось разборомъ «Проекта о прекращеніи торга Неграми», который обратился въ законъ, обязывающій всѣ вообще народы, подъ исполнительнымъ наблюденіемъ Англіи. Извѣстный Сиръ

* Смотри въ Собраніи документовъ для Исторіи сношеній Россіи съ Западными Державами Европейскими Постановленіе о порядкѣ предсѣданія. Статъя IV.

Сидней Смитъ, въ добавокъ къ сему постановленію, предложилъ Конгрессу обуздать морскіе разбои, производимые Варварійцами, къ стыду Христіанства. Но предначертаніе славнаго моряка предоставлено было будущему разсмотрѣнію, потому что настоянія полномочныхъ Великобританскихъ клонились преимущественно къ уничтоженію безчеловѣчнаго торгова, сдѣлавшагося для нихъ бесполезнымъ. Усиліямъ ихъ противились Министры Испанскій и Португальскій, не защищая, впрочемъ, сего торгова, но требуя, по обстоятельствамъ мѣстнымъ, нѣкоторой отсрочки въ пользу отечественныхъ колоній. Желаніе ихъ исполнилось, и общее собраніе довершило тѣмъ кругъ своихъ занятій. Въ одно и то же время отдѣльный Комитетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Австріи и Пруссіи, составлялъ проектъ союзнаго договора (acte fédératif), чтобы привести раздробленную Германію въ политическое единство и оградить будущую ея безопасность. Здѣсь присутствовали знаменитый Баронъ Штейнъ, сей безстрашный, неутомимый, поборникъ свободы и чести своего народа; въ немъ, къ удивленію Европы, являлось рѣдкое сочетаніе юношескаго рвенія съ маститой опытностію старца, смѣлой независимости ума и воли съ глубокимъ чувствомъ преданности властямъ законнымъ. Сдѣлавшись душою возстанія племенъ Германскихъ и временнымъ правителемъ областей, отторженныхъ отъ Франціи силою оружія, Баронъ Штейнъ, достойный потомокъ древнихъ отечественныхъ витязей, приглашенъ былъ, по заключеніи мира, къ дѣятельному участию въ совѣщаніяхъ Конгресса. Замѣтить должно, что онъ не находился тогда въ службѣ какой либо Державы исключительно, хотя носилъ почетное званіе Прусскаго Государственнаго Министра. Итакъ призывъ его въ Вѣну относился къ особѣ его, къ представителю духа народнаго въ Германіи, къ личному противоборцу Наполеонова властолюбія, а не къ чьему либо Сопровождающему, или Царедворцу: примѣръ достопамятный, можетъ быть, единственный въ лѣтописяхъ Европы! Гражданскія доблести, просвѣщеніе и любезность Барона Штейна напоминали идеалъ истиннаго вельможи, начертанный Державинымъ:

Я князь, козь мой сідеть духъ,
Владѣецъ, козь страстьми владѣю,
Болшинъ, козь за всѣхъ болю —
Царю, закону, церкви другъ!

Подвизаясь на тернистомъ поприщѣ сооруженія прочнаго зданія политическаго въ Германіи, Комитетъ встрѣчалъ многоразличныя препятствія. Надлежало твердо основать разнородныя части сей сферы на двухъ ея полюсахъ, Пруссіи и Австріи, согласить естественный перевѣсъ сихъ Державъ съ независимостію Королевствъ и Княжествъ второстепенныхъ, возвеличенныхъ Наполеономъ, и подчинить особое ихъ бытіе свободнымъ сообщеніямъ и благополучію общаго ихъ состава, и, наконецъ, воздвигнуть изъ разнородныхъ стихій надежный оплотъ противъ наветовъ и покушеній со стороны Франціи. Для сего, введены въ союзъ Данія и Нидерландское Королевство, обѣщаны всѣмъ народамъ Германскимъ образъ правленія представительный, въ законной связи со властію, правами и вліяніемъ постояннаго Сейма. Таковы были успія членовъ Комитета къ улучшенію цѣли двоякой, и по тому недостижимой. Ожиданія Германцевъ не исполнились во всей мѣрѣ, по тому что не предстояло логической возможности рѣшить трудную задачу сосредоточенія Германіи при неприкосновенности существующаго. Обратимся теперь къ обзорѣннѣй трудовъ главной Конференціи. Возстановленіе Пруссіи, столь мужественно ополчившейся на общаго врага, тѣсно сопряжено было съ участіемъ Саксоніи и Польши. Здравая политика убѣждала всѣхъ союзниковъ сдержать данное слово, доставивъ Пруссіи пространство земель и народонаселеніе, по крайней мѣрѣ, равныя объему ея владѣній и силъ въ 1805 году. Но для сего недостаточно было присоединенія къ ней Вестфалии, Рейнскихъ провинцій и части Шведской Помераніи; ибо Пруссія уступила Баваріи Маркграфства Аншпахское и Байрейтское, а отторгнутое Наполеономъ отъ Прусскаго скипетра Великое Герцогство Варшавское, завоеванное потомъ побѣдоноснымъ оружіемъ Россіи, безъ всякаго посторонняго содѣйствія, не могло, по справедливости, войти въ составъ общихъ пріобрѣтеній Европейскаго союза. Императоръ Александръ, еще до открытія засѣданій Конференціи, изложилъ права Россіи и великодушныя свои намѣренія относительно края, въ которомъ онъ надѣялся изгладить слѣды прежнихъ бѣдствій прочнымъ благодѣніемъ. Тщетно Лордъ Кастальри, въ частной перепискѣ съ Государемъ, вставалъ противъ сего предположенія; тщетно, отложивъ характеръ Великобританскаго Министра, принималъ онъ на себя двусмысленное званіе

защитника расчетов и опасений, совершенно чуждых Сенджемскому Кабинету. Александръ I-й, употребивъ въ семь дѣлъ умъ и перо Графа Каподистрии, силою умственныхъ доводовъ, склонилъ Англійскаго витію къ молчанію. Но вскорѣ прѣнія возобновились въ самой Конференціи. Члены оной уже болѣе не оспаривали права Россіи располагать судьбою Герцогства Варшавскаго и по неволѣ сознавались въ величайшемъ безкорыстіи избавителя Европы, не расширившаго ни на пядень границъ своего Государства. Страшась безусловнаго присоединенія къ намъ Польши и равно гнушаясь народнымъ ея бытіемъ среди Галиціи и Познанскаго Воеводства, полномочные старались отнравить неизбежную сію дилемму, преувеличивая неудобства раздѣленія Саксоніи и являя, не безъ умысла, живѣйшее состраданіе къ участи плѣннаго Короля сѣ. Князь Таллейранъ, пользуясь общимъ мнѣніемъ, неблагопріятнымъ сей мѣрѣ, и опираясь на Англійскихъ полномочныхъ, долго противился очевидной необходимости и побуждалъ къ пререканію Австрійскій Кабинетъ. Князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій, при содѣйствіи Каподистрии, имѣвшаго ежедневныя сношенія съ Прусскимъ Канцлеромъ, Князъ Гарденбергомъ и Барономъ Штейномъ, съ успѣхомъ выдерживалъ политическую борьбу, которая длилась ко вреду и соблазну всѣхъ Державъ Европейскихъ. Много возникло соображеній и вымысловъ въ продолженіи сихъ переговоровъ, дабы отклонить расторженіе Саксоніи и возстановленіе Польскаго Царства. Въ сомнѣ противниковъ отличались тогда нынѣшніе притворные ходатаи мечтательной Польской самобытности, неосторожно вызывающіе память договора, вынужденнаго у нихъ въ 1815 году. Не останавливаясь долѣе на семь докучливомъ свидѣтельствѣ современной исторіи, мы упомянемъ здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, доказывающемъ строгую необходимость событія. Король Саксонскій постоянно отказывался отъ предложеннаго ему воцаренія его Дома въ Рейнскихъ провинціяхъ, и надежда соблюсти цѣлость Саксоніи подъ скипетромъ Прусскимъ уступила желанію отвратить запутанности еще труднѣйшія. И подлинно, суевѣрное уваженіе къ небывалой народности Саксонцевъ, издревле составлявшихъ подручную область Германской Имперіи, не могло перевѣсить явной пользы возстановленія Прусской Монархіи. Болѣе третьей части Саксоніи досталось въ удѣлъ мудрому, распорядительному,

правленію преемника Фридриха Великаго. По мановенію Александра, учредилось Польское Царство, коего корона провозглашена неотъемлемою принадлежностію древняго вѣнца Мономахова. Дарована свобода городу Кракову, подъ союкуинымъ покровительствомъ трѣхъ Державъ, и сіе новое зданіе народнаго бытія Поляковъ, предначертанное высокою душою побѣдителя ихъ, сдѣлалось предметомъ особаго трактата, къ счастью, постановленнаго, хотя и не подписаннаго предъ роковымъ побѣгомъ Наполеона съ острова Эльбы. Къ ускоренію сей вожделѣнной развязки продолжительныхъ рѣшій преимущественно способствовалъ Графъ Каподистрія. Впрочемъ, собственное его убѣжденіе во многомъ не согласовалось съ условіями вводимаго порядка вещей, и нѣкое мрачное предчувствіе невѣдомой, но близкой, опасности смущало его душу. Бѣдствіа разрыва между союзниками, быть можетъ, на канунѣ новыхъ навѣтовъ злобы, готовящей грозу всемірную, живо представлялись прозрительному его воображенію, и потому онъ не преставаѣтъ трудиться надъ устраненіемъ преградъ, воспыхавшихъ общее согласіе въ семь дѣлъ. Его предчувствія и догадки бдительнаго Барона Штейна вскорѣ оправдались, не только внезапнымъ появленіемъ Наполеона въ Провансѣ, но и горестнымъ открытіемъ глубокой тайны.

Въ то время, какъ мы въ совѣщаніяхъ Конференціи подвизались силою убѣжденія и доводовъ, представитель Бурбоновъ, вѣроятно, уstraшенный непреклонностію Россіи въ защищеніи своихъ правъ, возымѣлъ пагубную мысль вовлечь Англію и Австрію въ тайный союзъ противъ Россіи, названный оборонительнымъ. Ковъ удался, страсти возбуждены сямъ искусникомъ устарѣлой, ревнивой, политики XVIII-го столѣтія. Ничто не могло приостановить его дѣятельности, ни воспоминаніе о заслугахъ Россіи, безкорыстной заступницы челоуѣчества, ни близость сверженнаго міродержца, ни шаткость Людовикова трона, еще колебимаго въ основахъ своихъ крамолами, ни страхъ будущихъ превратностей, не могли разсѣять замысловъ Книзя Таалейрана. По настоянію его, трактатъ обдуманъ въ Вѣнѣ и утвержденъ въ Парижѣ, 3 Генваря, 1815 года. Но 1-го Марта Наполеонъ уже ступилъ въ Каннѣ на берегъ Франціи, обреченной новымъ бѣдствіемъ. Провидѣніе, безъ отлагательства и пощады, судило винов-

ныхъ; воздаяніе преслѣдовало ихъ по пятамъ, и Александръ увѣнчался сугубою славою. Трактатъ, о которомъ здѣсь упоминается, мало кому извѣстенъ и преданъ, кажется, умысленному забвенію. Не увѣковѣчивалъ сего безсмысленнаго покушенія минутной славы и уничтоженнаго коварства, скажемъ, однако жъ, нѣскольکو словъ о сущности сего разрушеннаго договора. Онымъ договаривающіяся Державы: Франція и Австрія, при первомъ признакъ опасности, могущей разрушить ихъ независимость, или нанести ущербъ ихъ владѣніямъ, обязывались выставить по 150,000 войска въ строю, а Англія, вмѣсто сухопутной рати, должна была содѣйствовать отраженію безыменнаго врага соразмѣрнымъ числомъ кораблей и деньгами. Нидерланды и Баварія приступили къ симъ условіямъ, обязываясь выставить въ подкрѣпленіе по 30,000 человекъ. Итакъ, 360,000 ратоборцевъ, огромныя флоты и сокровища, сливались тайно въ одну громаду, въ одинъ желѣзный оплотъ, обращенный лицомъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ сѣверовостоку. Таковы были странныя соображенія, содѣлавшіяся гласными при самомъ началѣ столѣтняго Наполеонова владычества (*les cent jours*).

Еще до побѣга Императора Французовъ съ Эльбы, прозорливые наблюдатели происшествій въ Вѣнѣ угадали тайный заговоръ противъ Россіи, и долгомъ почли довести оный до свѣдѣнія Императора Александра. Онъ отвергалъ всякое сомнѣніе въ союзникахъ своихъ, чтобы не поколебать твердости союза. Но, вскорѣ, возвращеніе Наполеона въ Парижъ сорвало завѣсу съ сей государственной тайны, хранившейся въ архивѣ Бурбоновъ. Поучительная хартія прислана Государю при своеручномъ письмѣ властолюбца. Онъ не безъ основанія льстилъ себя надеждою, открытіемъ сей тайны, отвлечь Россійскаго Императора отъ участія въ общемъ дѣлѣ, коего онъ былъ душою, и тѣмъ нанести всей Европѣ смертельный ударъ. Упованіе его не сбылось. Александръ I-й съ симъ обличительнымъ документомъ въ рукахъ объявилъ смѣтеннымъ полкомочнымъ свою рѣшимость сразиться снова съ притѣснителемъ человѣчества и не отлагать оружія, доколь низведетъ его съ престола, похищеннаго вѣроломствомъ. Въ сію минуту всѣ посрамленныя страсти побуждены душевнымъ величіемъ Русскаго Царя и покорились истинному героизму его

въ трепетномъ восторгѣ, въ изумленіи благоговѣйномъ. Итакъ мудрое его незлобіе въ другой разъ спасало Европу, исторгало Царства и народы изъ челюстей зіяющей на нихъ революціи и предопредѣляло послѣднее низложеніе Наполеона, призавшаго къ себѣ на помощь всѣхъ поборниковъ необузданнаго своевольтва, безначалія и безбожія во Франціи и во вселенной. Дотоле гроза Якобинцевъ, онъ бросился тогда въ ихъ объятія и, силою ихъ крамолы и могущественнымъ своимъ гениемъ, возмечталъ снова овладѣть утраченными престолами. Декларация 13 (25) Марта провозгласила непримиримую борьбу съ нимъ, нарекла его врагомъ челоуѣчества, и тѣмъ самымъ лишила его надежды посылать раздоръ между членами союза Европейскаго. Александръ предалъ забвенію все прошедшее: обиды, навѣты и вѣроломныя замыслы. Не прошло двухъ недѣль, и въ дополненіе Декларации, чтобы осуществить угрозу и окрилить мщеніе, подписанъ наступательный трактатъ, 25 Марта, 1815 года, Державами первостепенными. Князь Таллейранъ перомъ, начертавшимъ противъ Россіи тайную хартію, писалъ и подписывалъ новыя акты, одушевленные творческимъ ея участіемъ. Хладнокровіе и присутствіе духа и въ семъ случаѣ ему не измѣнили. Сообщники его оказались не менѣ ревностными въ окончаніи начатыхъ переговоровъ, вопреки многосложности вопросовъ, прославившихъ дотоле неразрѣшными. Камни претыканія тщательно отстраняемы были одинъ за другимъ. Тревога движущихся войскъ, назначеніе имъ сборныхъ мѣстъ, воинственныя приготовленія, ничто уже не мѣшало соображеніямъ вострепнувшей Дипломатіи, и цѣлый рядъ договоровъ, запечатлѣнный общимъ рецессомъ или постановленіемъ Конгресса 9-го Іюня, заключилъ осьмимѣсячныя прѣпія сей достопамятной эпохи. *

Въ Апрѣлѣ того же года изданъ въ Вѣнѣ Высочайшій Манифестъ, коимъ Императоръ объявлялъ своимъ подданнымъ о причинахъ, побуждавшихъ его къ поднятію оружія. Въ немъ указана необходимость вступить за угрожаемую Европу, и вы-

* Смотри документы для Исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Западными Державами Европейскими, издавныя Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ 1828 г., I томъ въ листъ.

полнить на дѣлѣ высокое предсказаніе Манифеста 1812 года, издавнаго послѣ плѣна и сожженія Москвы.

Въ Вѣнѣ все утихло; дымъ мірской суеты, какъ густое, смрадное, облако, послѣ потѣшныхъ огней, обложилъ пустыющую столицу иѣги, древле бывшую оплотомъ Христіанства противъ Турковъ, но тогда пріобыкшую преклонять выю предъ побѣдителемъ. Шумныя увеселенія, блистательныя празднества, уступили мѣсто всеобщему унынію. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ приближенія храбрыхъ нашихъ войскъ. Между тѣмъ Англичане высадились въ Голландію. Новосозданныя государства объаты были ужасомъ и, можетъ быть, въ сердцахъ многихъ глѣзилась уже измѣна, готовая на всѣ перевороты ненадежнаго счастья и покорная всѣмъ затѣямъ непроницаемой судьбы.

Въ Маѣ 1815 года Графъ Каподистрія, исполнивъ всѣ возложенныя на него порученія, отправился со мною, чрезъ Штутгартъ и Гейльбронъ, въ главную квандиру трехъ союзныхъ Государей, водрузившую на время державное знамя двухъ Императоровъ и Короля Прусскаго въ Гейдельбергъ. Этотъ старинный, учебный и живописный, городъ построенъ въ ущелии надъ рѣкою Неккеромъ, вдоль коей извиается прелестная Неккерская долина. На тѣмени навислой горы, подъ которой стелется Гейдельбергъ, между ветхими башнями, стоитъ величавый замокъ времени Карла V. Замокъ опустѣлъ, но остался невредимымъ; пышный фасадъ его гордо возвышается надъ уступами горы, превращенной въ Англійскій садъ. Съ верхней террасы взоры гуляющихъ съ услажденіемъ носятся надъ долиною, рѣкою и мостомъ прекрасной архитектуры. Въ Гейдельбергѣ пробыли мы двадцать роковыхъ дней, въ лучшее время года, тогда какъ войска, сосредоточиваясь, подвигались впередъ, и около союзныхъ Монарховъ толпились Военачальники, Царедворцы, Министры и вѣстники отдаленныхъ событій.

Наполеонъ, обратясь къ ближайшему врагу, устремился на сѣверъ, по направленію къ Брюсселю, напалъ въ располхъ на союзную рать, не чаявшую столь быстрой атаки, опрокинулъ Блюхера съ Пруссаками, преслѣдовалъ его, и вдругъ поворотилъ на встрѣчу къ поспѣшавшему на помощь Веллингтону, названному нѣкогда въ Португаліи Фабіемъ медлителемъ (*Fabius cunctator*).

Вѣсть о семъ первомъ разгромленіи союзныхъ силъ въ Нидерландахъ, принесенная къ намъ Русскимъ Офицеромъ Генеральнаго Штаба, смутила всѣхъ бывшихъ въ Гейдельбергѣ. Императоръ Александръ, съ спокойствіемъ духа, ему одному свойственнымъ, безмятежно вникалъ въ подробности происшествій и тѣмъ непреклоннѣе утверждался въ рѣшимости, выдержать всѣ превратности борьбы, долженствовавшей, въ случаѣ первой неудачи, содѣлаться продолжительною и упорною. Державные сподвижники Александра взирали на него съ удивленіемъ, довѣренностію и любовію; тѣ же чувства господствовали и во Франціи, не задолго предъ тѣмъ очарованной привѣтливымъ и благотворнымъ присутствіемъ Русскаго Царя. Однако же опасенія, возбужденныя первою побѣдою Наполеона, скоро исчезли. Іюня 8 (20) дня 1815 года, въ маломъ разстояніи отъ Брюсселя, раздался громъ Ватерлооской битвы; Герцогъ Веллингтонъ съ Англичанами и Шотландцами, Голландскими и Ганноверскими полками, желѣзною стѣною сталъ надъ оврагомъ и цѣлый день съ хладнокровнымъ мужествомъ выдерживалъ и отражалъ отчаянныя нападенія Французовъ, оспаривая побѣду у стараго ея повелителя. Предъ вечернею зарею подошли Прусскія колонны, въ конѣ Наполеонъ упорно мечталъ видѣть полки Маршала Груши. Терзаясь внутренно при появленіи неожиданныхъ непріятелей, любимецъ счастья хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать его пріязнь къ себѣ. Онъ приказалъ старой гвардіи своей ринуться на Веллингтона, въ надеждѣ пробить центръ Англичанъ. Въ сей самый мигъ зоркій соперникъ его, дотошъ защищавшій свою позицію, подалъ знакъ къ наступательному движенію. Это было вдохновеніе генія войны! Храбрые островитяне, сомкнувъ ряды и наклонивъ штыки, бросились съ холмовъ на встрѣчу Наполеоновымъ тѣлохранителямъ: они смѣшались, и вождь Французовъ, взглянувъ на грозную стѣчу, повернулъ коня и самъ надъ собою изрекъ приговоръ надеждъ. Онъ бѣжалъ, и Пруссакъ, сражаясь съ остервенѣніемъ, довершили конечное истребленіе Наполеоновой рати. Вотъ краткій, но вѣрный, очеркъ вѣчнопамятнаго дня; съ нимъ закатилась звѣзда славы испанискаго завоевателя, оставивъ ему въ удѣлъ безотраднѣйшій пятнадцатый плѣнь и уединенную на едва примѣтномъ утесѣ могилу!

Вѣстникъ побѣды, одержанной при Ватерлоо, засталъ Союзныхъ Государей въ Гейдельбергѣ. Въ тотъ самый вечеръ озяблись всѣ окрестности отъ огней роскошнаго освѣщенія зданій, садовъ, улицъ; древній нагорный замокъ издали сіялъ, какъ въ вѣщицѣ побѣдиомъ, Готическій фасадъ его въ яркихъ, разноцвѣтныхъ, узорахъ, посреди темной синевы небесъ, казался волшебною обителію какого ни будь чародѣя среднихъ вѣковъ. Общепародный восторгъ былъ столь великъ, что жители Гейдельберга, и въ особенности студенты, не смотря на проливной дождь, бѣгали по улицамъ съ фонарями и площадями, оглашая воздухъ «пестройными восклицаніями»: «Да здравствуетъ Веллингтонъ! Да здравствуютъ Союзные Монархи!» Спустя нѣсколько дней послѣ сего торжества, главная квартира двинулась впередъ; ей предшествовала прокламація Главнокомандующаго, Барклая де Толли, написанная Графомъ Каподистрією, по указаніямъ Государя, уже не въ первый разъ смягчавшаго буйныя страсти Французовъ гласомъ человеколюбія и мудрости. Надлежало предупредить всѣ частныя возстанія изступленныхъ Якобинцевъ, возмечтавшихъ получить власть надъ самымъ Наполеономъ, усноконть большинство гражданъ, встревоженныхъ призраками безначалія и самовластиа, и обѣщать націи благоустроенную свободу, подъ скиннетромъ Короля-изгнанника, Людовика XVIII. Все сіе провозглашено было нашими военачальниками именемъ Державнаго Союза, предводимаго Россійскимъ Самодержцемъ. Проходя Эльзасъ, Лотарингію и Шампанью, мы имѣли много случаевъ убѣдиться въ безусловной довѣренности, повсемѣстно вселяемой именемъ Александра и появленіемъ Русскихъ. Отиравленные Временнымъ Правительствомъ почетные сановники встрѣтили насъ не въ большомъ разстояніи отъ Парижа и подписали конвенцію о сдачѣ столицы, уже пріобыкшей угощать иноземныхъ. Императоръ въѣхалъ въ городъ, занявъ скромный дворецъ, Елизе-Бурбонскій, принадлежавшій младенцу, послѣднику разрушенной Имперіи, названному Царемъ Римскимъ. Начались переговоры, сварливые и бурные, между тѣмъ сверженный Наполеонъ, скитаясь по берегамъ Дуайры, достигнулъ Рошфора и оттуда, какъ слѣпое орудіе воли Всевышняго, произвольно бросился въ объятія суровыхъ враговъ своихъ, Англичанъ, безъ пользы сравнивъ себя, въ письмѣ своемъ къ Принцу-Регенту, съ Омеистокломъ, возсѣвшимъ на пепелищѣ

врага великодушнаго. Фрегатъ Беллерофонтъ увезъ повезителя-плѣнника Европы къ берегамъ Англіи, на которыя не суждено было ему ступить ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ. Оттуда скоро умчалъ его линейный корабль къ острову Св. Елены, за предѣлы Экватора, въ Южное полушаріе. Особая конвенція между Великобританією и прочими Союзными Державами, заключенная 21 Іюля (2 Августа) того же года, опредѣлила безсрочное содержаніе въ плѣну П. Бонапарте, не признаваемого болѣе Вѣнценосцемъ. О, если бы Исторія на скрижаляхъ своихъ не представляла потомству сихъ длинныхъ поученій, начертанныхъ перстомъ Вседержителя; если бы непреступная слава лица его не отражалась въ шумномъ потокѣ превратностей земныхъ, въ отраду пловцамъ всѣхъ вѣковъ, увлекаемымъ въ бездонную пучину грядущаго, то для чего бы трудиться надъ описаніемъ миновавшихъ заблужденій и скорбей человѣческаго рода; къ чему рачительно воздымать давно развѣянный прахъ суетъ и ничтожества? Подвигъ дѣяателя былъ бы бесполезенъ, ибо опытность предковъ почти всегда потеряна для потомковъ. Преемственные поколѣнія подобны однообразнымъ зыбямъ океана, разбивающимся отъ созданія міра о тѣ же подводные камни. Тщетно свѣтитъ высокій маякъ Исторіи надъ громадою скалъ вѣковыхъ!

Совѣщанія дипломатовъ въ Парижѣ остановлены въ самомъ началѣ многообразностію разностороннихъ требованій. Чтобы придать имъ болѣе благовидности, всѣ Полномочные утверждались на необходимости оградить навсегда общее спокойствіе отъ навлѣтовъ Франціи мятежной. Но гдѣ, въ какихъ политическихъ соображеніяхъ, должныствовали Союзники искать сего вожделѣннаго, сего надежнаго, обезпеченія? Пруссія, Австрія и даже Кабинетъ Сенджемскій мечтали достигнуть сей цѣли доведеніемъ Франціи до крайняго изнеможенія и отторженіемъ отъ ней многихъ провинцій. Назначенный Россійскимъ Полномочнымъ, Графъ Каполистрія, не отрицая права и не теряясь въ отвлеченностяхъ, умѣлъ, однако же, обезоружить силою убѣжденія сіе единодушное стремленіе ко вреду и униженію Державы ненавистной. Онъ, при всѣхъ переговорахъ, предлагалъ товарищамъ своимъ дилемму неотразимую. Если Европѣйскій Союзъ, говорилъ онъ, признастъ владычество Бурбоновъ условіемъ маловажныхъ для общаго бла-

га, тогда Франція пусть подвергнется справедливому воздаянію за нарушенныя ею обѣты; если жь, напротивъ, поддержаніе на тронѣ сей древней, злополучной, династіи заключаетъ въ себѣ главное ручательство мира, что несомнѣнно, то возможно ли предписать Французамъ условія столь враждебныя и поносныя для нихъ, что Правительство, подписавшее оныя, должно неизбежно пасть подъ тяжестью негодованія и проклятія цѣлой націи? Допустивъ сей гибельный приговоръ, мы насильственно обратимъ Роялиста съ Якобинцемъ, виновъ сверженнаго Наполеона съ царедворцами Людовика XVIII. Всѣ, забывъ прошедшее, одушевятся однимъ чувствомъ презрѣнія и мести къ Бурбонамъ, какъ виновникамъ упадка отечественной страны. Бурбоны погибнутъ, и новая всемірная война возгорится. Сужденія столь здравыя, столь чуждыя всякаго пристрастія, колебали непріязненное къ Франціи расположеніе Европейскихъ Дворовъ. Но въ опредѣленіи мѣры пожертвованій все еще являлось крайнее разногласіе. Частныя притязанія, упреки и надежды съ трудомъ уступали благородному и пользѣ всеобщимъ. Недоумѣніе Конференціи, отчаяніе Французскаго Полномочнаго, почтеннаго Дюка де Ришелье, принявшаго въ руки кормило Государства противъ воли, ибо онъ любилъ усыновившую его Россію, страхъ новыхъ смутъ и сугубыхъ запутанностей, всѣ сіи преграды не изумили Каподистрію. Въ свѣтломъ умѣ его возникла счастливая мысль побудить Вѣнценоснаго старца, Людовика, къ начертанію своеручнаго письма къ Императору Александру. Дрожащимъ перомъ, но съ душевною твердостью, Король изложилъ чувства, внушенныя ему вріязнію, доводы, поборавшіе за цѣлость Франціи, зло, могущее произойти отъ непомѣрныхъ, вынужденныхъ, уступокъ, и въ заключеніе, рѣшимость свою, скорѣе отречься отъ престола, нежели согласиться на гибельныя и постыдныя условія. Получивъ письмо, Государь велѣлъ Графу сообщить оное въ подлинникъ собранному въ Конференціи Полномочнымъ. Сказанная во время истина сильно подѣйствовала на всѣхъ присутствовавшихъ, преклонила ихъ къ снисхожденію и мудрой умѣренности, и съ того часа мирныя переговоры шли гораздо успѣшнѣе. Но въ слѣдъ за главными, непреодолимыми, затрудненіями, появилось неожиданное. Римъ, Флоренція, Миланъ, Венеція, Берлинъ и многіе другіе города Европейскіе, утратившіе, по мановенію Наполеона, всѣ

издревле хранившіеся въ нихъ безсмертныя произведенія изящныхъ искусствъ, коими гордились ихъ жители, стали тогда требовать неотступно возвращенія имъ памятниковъ отечественной ихъ славы. Министерство Людовика долго и упорно защищало сіи трофеи ненавистныхъ побѣдъ, желая, въ угодность народному самолюбію, спасти неприкосновенность Наполеонова Музея, испещреннаго и, можно сказать, набитаго картинами и изваяніями всѣхъ странъ Европы. Однако же, не взирая на доводы и домогательства, возвращеніе каждому городу собственнаго достоянія предковъ признано справедливымъ, и, по приговору Конференціи, знаменитый ваятель, Канова, тотчасъ приступилъ съ горячію, свойственною генію и патріотизму, къ распредѣленію, сятію и укладкѣ памятниковъ, принадлежащихъ Италіи. Тогда Аполлонъ Бельведерскій и Медичейская Венера, Лаокоонъ, Гераклъ Фарнезскій, умирающій гладіаторъ и несмѣтное число статуй меньшаго достоинства, вывезены изъ плѣна обратно подъ родное роскошное небо, древле воссламенявшее воображеніе великихъ художниковъ. Рафаэлево Преображеніе и за нимъ сонмъ дивныхъ произведеній живописи скрылись отъ взора оскорбленныхъ Французовъ, и даже тѣхъ, которые никогда въ Музеи не заглядывали. Я обозрѣлъ, въ послѣдній разъ, эту сокровищницу изящнаго, внутренне радуясь ея опустошенію. Пруссакъ, Фламандцы также увезли похищенные у нихъ драгоценности. Около того же времени, на равнинахъ при Вертю, былъ общій смотръ Россійскимъ войскамъ, собравшимся, по волѣ Императора, въ числѣ ста пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Всѣ сподвижники наши, отъ Вѣнценосца до Адъютанта, присутствовали на семъ торжествѣ славы и могущества народнаго: одни любовались дивнымъ зрѣлищемъ, какое представляли ихъ взорамъ воинственные сыны Россіи, въ стройныхъ тысячахъ развивавшіеся по равнинамъ необозримымъ; другіе съ смущеніемъ зависти взирали на сію мужественную рать, вѣрно выполнявшую всѣ эволюціи, по мановенію потомка Петра Великаго. Еще не прошло ста лѣтъ отъ посѣщенія Петромъ Парижа, и питомцы исполинскаго сего Генія уже повелѣвали странною, нѣкогда ослѣпленную роскошнымъ величіемъ Людовика XIV. Сближая между собою эпохи, чтобы измѣрить быстроту нашихъ успѣховъ, кто,

любя Россію, не изумился бы, и кто, неавидя ее, не содрогнулся бы внутренно? Привѣтствія и похвалы замирали на блѣдныхъ устахъ многихъ знатоковъ ратнаго дѣла. По сужденіямъ ихъ, конница и артиллерія превзошли всякое ожиданіе; и сіи огромныя силы служили единственно къ водворенію правды и мира въ разтерзанной Европѣ. Не было мѣста малѣйшему упреку; но умамъ, зараженнымъ завистію, грезились будущія завоеванія и притѣсненія. Давно извѣдано, что противъ сей лэвы нравственной нѣтъ врачевства.

Во время смотра Императоръ Александръ, помня заслуги Графа Каподистріи, и желая приблизить его къ себѣ, изволилъ пожаловать его въ Статсъ-Секретари, объявивъ ему при томъ изустно, что, по окончанія вѣреннхъ ему вселенскихъ переговоровъ, онъ долженъ прибыть въ Санктъ-Петербургъ. Долго мудрая его скромность отклоняла столь великую честь, долго Каподистріа старался убѣдить Царя и благодѣтеля своего въ томъ, что иноземцу, не знающему языка и нравовъ Россіи, приличнѣе служить внѣ средоточія Государственныхъ дѣлъ и содѣйствовать общему благу, не отнимая мѣста у коренныхъ Русскихъ. Все это высказалъ онъ съ чувствомъ пламенной увѣренности, умолялъ Государя, но напрасно. Александръ I-й тѣмъ непреклоннѣе настаивалъ, чѣмъ краснорѣчивѣе Каподистріа указывалъ на преткновенія возвышеннаго сана: наконецъ вѣрный слуга Царевъ долженъ былъ покориться волѣ того, который возвелъ его и отличилъ предъ многими. Въ прекрасной душѣ его благодарность восторжествовала надъ недоувѣрчивостію къ самому себѣ, — и участь его рѣшилась! Я помню, что въ сіе самое время, когда призывъ Каподистріи въ столицу былъ еще предметомъ догадокъ и пронирыливыхъ соображеній, хотя званіе Статсъ-Секретаря уже сдѣлалось гласнымъ, нѣкоторые дипломаты, и въ особенности Австрійскій чиновникъ, Кавалеръ Флоретъ, неоднократно, въ дружескихъ бесѣдахъ, внушали ему, что Вѣнскій Дворъ весьма дорожитъ назначеніемъ его Посланникомъ въ сію столицу, гдѣ общество, благорастворенный климатъ и близость къ родной странѣ доставили бы Графу всѣ выгоды и пріятности, какихъ только могъ онъ желать при важнѣйшихъ, но умѣренныхъ, занятіяхъ. Даже изъявляема была готовность доставить ему сіе почетное

мѣсто, которое, по мнѣнію господъ дипломатовъ иностранныхъ, должноствовало несравненно болѣе пѣхнать Каподистрію, нежели тяжкіе, непрерывные, труды подъ суровымъ Петербургскимъ небомъ и при ежечастной зависимости отъ особы Самодержца. Однимъ словомъ, казалось, что Кавалеръ Флоретъ, являя столь неимовѣрное участіе въ будущей судьбѣ Россійскаго Министра, говорилъ и дѣйствовалъ по руководству людей, предпочитающихъ все возможное постоянному пребыванію знаменитаго Еллина въ столицѣ Сѣвера. Впрочемъ, устранивъ разборъ причинъ побудительныхъ, мы скажемъ только, что Каподистрія, поблагодаривъ за доброе расположеніе къ себѣ, прекратилъ сіи заботливыя внушенія и совѣты изъявленіемъ безусловной покорности волѣ своего Монарха.

По окончаніи блистательнаго смотра, Императоръ Александръ исключительно занялся постановленіемъ трактата Священнаго Союза, сего акта, произведнаго въ послѣдствіи столь много несправедливыхъ подозрѣній и превратныхъ толковъ. Я предложу здѣсь чигателямъ простое историческое сказаніе. Избавитель Европы болѣе, нежели кто либо другой изъ современниковъ его, углубляясь въ созерцаніе тайны судебъ Божіихъ, смиряясь сердцемъ предъ всемогуществомъ, и приобщая умомъ Источнику мудрости, убѣдился въ высокой истинѣ, что человѣчество, воюя съ Франціею, борется не съ Державою осязаемою, но съ невидимою силою, сосредоточенною въ ея нѣдрахъ, и что сія сила, по сущности своей, враждебна святому Христіанству. Потомъ, перешедъ отъ умозрѣнія къ событіямъ, помазанныкъ Божій испыталъ, что неудачи прежнихъ лѣтъ и дивныя побѣды новѣйшихъ временъ надлежало приписать не превосходству силъ и искусства въ противоборствѣ, но единственно лучшему направленію общихъ усилій, устремленныхъ не къ разрушенію вѣщественной Франціи, какъ бывало прежде, но къ искорененію въ ней богопротивнаго начала тьмы. Далѣе Государь, благоговѣя предъ цѣлебною и животворною мощію Христіанской вѣры, видѣлъ во внутреннемъ ея возстановленіи единственный залогъ мира, возрожденія и благополучія всѣхъ племенъ земныхъ. Таковы были любимыя созерцанія высокаго его духа. Зная, чьею силою онъ спасъ Европу отъ конечной гибели, онъ алкалъ упрочить и увѣковѣчить ново-

созданное бытіе народовъ, которые безъ вѣры рано, или поздно, увлекаются къ самоубійству. Удивительно ли, что, при безпрерывной работѣ ума, искавшаго сей вождѣлѣншой пристани отъ бурь политическихъ, мысли Порфироснаго друга человечества отражались въ другяхъ благонамѣренныхъ ревнителяхъ общаго блага? Изъ нихъ не всѣ были озарены равною мудростію; иныхъ я назову даже мечтателями, не отрицая, впрочемъ, чистоты ихъ намѣреній. Къ симъ послѣднимъ принадлежала извѣстная Баронесса Криденеръ — рѣдкое явленіе въ нравственномъ мірѣ; ибо въ сердцѣ ея горѣла истинная любовь къ ближнему. Въ бесѣдахъ сей знаменитой женщины съ Императоромъ, еще на берегахъ Неккера и по томъ въ Парижѣ, разговоръ невольнымъ образомъ склонялся къ священной цѣли всѣхъ благочестивыхъ желаній — къ славѣ имени Христова и къ освященію союза народовъ его ученіемъ и духомъ. Такимъ образомъ возникъ проектъ братскаго и Христіанскаго союза. Императоръ изволилъ собственноручно начертать его вчеркъ, и печально, утромъ, призвавъ къ себѣ Графа Каподистрію, жившаго со мною въ верхнемъ этажѣ Елизе-Бурбонскаго Дворца, вручилъ ему черновую бумагу и велѣлъ ему просмотрѣть оную, присовокупивъ: «Я не мастеръ вашихъ дипломатическихъ формъ и обрядовъ; прибавьте необходимое, введите лучший порядокъ мыслей, но сущности ихъ отнюдь не измѣняйте! Это мое дѣло; я началъ и, съ Божіею помощію, довершу.» Каподистрія, вышедъ изъ кабинета Государя, зашелъ ко мнѣ; мы вмѣстѣ читали съ благоговѣйнымъ вниманіемъ сіи строки, сей драгоценный и вѣрный отпечатокъ души Александра. Хотя трудно было опредѣлить переходъ отъ сей священной теории къ дѣйствительнымъ примѣненіямъ, и хотя вся возможность успѣха заключалась въ искренности прочихъ договаривающихся сторонъ, со всѣмъ тѣмъ нами овладѣло сердечное умиленіе. На меня возложили перениску и отдѣлку выраженій сего акта. По трудясь надъ нимъ, я, не помню по чему, раздѣлилъ его, вмѣсто трехъ, на четыре статьи. Графъ Каподистрія въ тотъ же день представилъ обработанный Проектъ Императору. Всѣ, помѣщенныя въ немъ, отѣски и мелочныя перемѣны удостоились полнаго одобренія, кромѣ одного раздѣленія на четыре статьи. Посему проектъ снова былъ переписанъ, сообразно первоначальной троичности, и Его Величество изволило оставить у себя сей по-

слѣдній списокъ. На слѣдующій день зиждитель счастья Европы имѣлъ личныя свиданія съ Державными Союзниками своими, Императоромъ Францомъ I и Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, и склонилъ ихъ къ принятію участія въ Трактатѣ; актъ переписанъ рукою Царя Русскаго, подписанъ высокими Союзниками, и въ заключеніе скрѣпленъ своеручно Александромъ I. Событіе безпримѣрное въ дѣлописяхъ политическихъ!

Симъ необыкновеннымъ ходомъ непосредственныхъ переговоровъ между Монархами Государь желалъ, и надѣялся, утвердить на неизблемомъ основаніи союзъ искренняго братства, который достигъ уже видимой цѣли своей, но которому надлежало простерти вліяніе свое за предѣлы всеобщей войны, чтобы упрочить безопасность вселенной. Въ семъ единодушномъ, торжественномъ, признаніи единой вѣры въ Царя Царствующихъ, и единого Божественнаго закона его, поставляемаго выше всѣхъ уставовъ земныхъ, въ семъ взаимномъ обѣтѣ блюсти и вкоренять вездѣ священные заповѣди Небеснаго Законодателя, Христа, и водворять между народами Христіанское братолюбіе, заключалось немало-важное ручательство мира, и если не вѣчное, то, по крайней мѣрѣ, измѣряемое жизнію благонамѣренныхъ Вѣнценосцевъ. Что же касается до раннихъ и позднихъ плодовъ сего договора, большею частію не дозрѣвшихъ, мы увидимъ въ послѣдствіи различныя превратности и противодѣйствія, коимъ подвергся союзъ, столь чистый и безвредный въ своемъ началѣ. Со дня подписанія враждебно ополчились на него дипломатическое коварство, церковная мнительность и демагогическое своеволие.

Вскорѣ послѣ сего пререксимаго событія Императоръ отіравился обратно въ Россію. Переговоры еще длились нѣкоторое время, но увѣнчались наконецъ блистательнымъ успѣхомъ. Графъ Каподистрія подписалъ знаменитый Парижскій Трактатъ 8 (20 Ноября), 1815 года, со всѣми дополнительными актами. Здѣсь незамѣтны были гибельныя упущенія перваго Парижскаго мира; всѣ статьи ознаменованы были печатію мудрой предусмотрительности прозорливаго ума. Конечно, опытъ минувшихъ бѣдствій много способствовалъ избѣжанію прежнихъ преткновеній, и устраненная отъ совѣщанія торопливость уже не мѣшала доводить каждый предметъ до необходимой степени созрѣнія. Франція со-

хранила цѣлость своихъ границъ съ самыми ничтожными перемѣнами со стороны Швейцаріи и Италіи. Но, въ залогъ еще колеблемаго ея покоя, оставлено 150,000 союзнаго войска въ предѣлахъ Королевства, заняты нѣкоторыя крѣпости, наложена военная контрибуція въ 700 милліоновъ франковъ за издержки, вынужденныя войною. Сверхъ того Франція обязалась платить ежегодно 150 милліоновъ франковъ на содержаніе охранительнаго корпуса и учредить комиссію для разбора денежныхъ требованій различныхъ Державъ Европейскихъ, искавшихъ вознагражденія убытковъ, причиненныхъ ихъ подданнымъ. Срокъ вооруженнаго пребыванія побѣдителей во Франціи опредѣленъ дволѣтій, т. е., три года, или пять лѣтъ, смотря по признакамъ тишины и благоустройства, коими Правительству предоставлялось доказать безполезность присутствія иноземной силы. Главное начальство надъ опою и надзоръ за устроеніемъ твердынь Нидерландскихъ возложены были на побѣдителя при Саламанкѣ, Витторіи и Ватерлоо, Герцога Веллингтона, Россійскимъ корпусомъ предводительствовалъ просвѣщенный вельможа и храбрый военачальникъ нашъ, Графъ М. С. Воронцовъ. Оскорбленное сими условіями Французское самолюбіе покорилось, однако жъ, съ глухимъ, почти невнятнымъ, ропотомъ приговору неотвратимой судьбы.

Генераль Поццо ди Борго, оказавшій Россіи важныя услуги, человѣкъ, всегда отличавшійся предъ прочими дипломатами обширностію свѣдѣній, ума, искусствомъ обращаться съ людьми и съ блистательнымъ краснорѣчіемъ, остался Посланникомъ въ Парижѣ. Ему вѣрноподлежно крѣпко четверовластною Конференціи, долженствовавшей наблюдать за ходомъ Французскихъ дѣлъ и упреждать всѣ поводы къ несогласіямъ и разрывамъ. Изъ рукъ Статсъ-Секретаря, Графа Каподистрини, принялъ онъ всѣ дѣла, а сей послѣдній, довершивъ подвигъ достохвальнѣйшій, но многотруднѣйшій, отправился, чрезъ Вѣну, въ С.-Петербургъ, гдѣ ожидали его признательность Монарха и новое, необъятное, поприще Государственнаго служенія. Я сопутствовалъ ему, не предвидя, что, спустя пятнадцать лѣтъ, внезапный жестокой ударъ безвременно преторгнетъ жизнь доблестнаго мужа и ускоритъ для него часъ отдохновенія и безсмертія.

Приближаясь къ С -Петербургу, 16 Генваря, 1816 г., я опредѣлъ своего начальника, и въ домѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ нашелъ приготовленные для него покои въ томъ самомъ этажѣ, гдѣ нѣкогда помѣщался Государственный Канцлеръ. Императоръ въ тотъ же день изволилъ позвать къ себѣ Графа Каподистрію, выслушалъ его отчетъ о доверенныхъ переговорахъ и о положеніи унипротворенной Европы, и повелѣлъ ему, какъ Статсъ-Секретарю, впредь входить къ себѣ съ докладомъ два раза въ недѣлю вмѣстѣ съ Старшимъ Статсъ-Секретаремъ, Графомъ Нессельродомъ, которому въ особенности поручено было управленіе Коллегією. Кромѣ дѣятельнаго, постояннаго, занятія Каподистріи сношеніями и дѣлами собственно политическими, Императору угодно было ввѣрить ему же докладъ по дѣламъ Бессарабской Области, еще не вступившей въ составъ общаго управленія Государственнаго. Въ семъ отношеніи предлежалъ докладчику важный трудъ устроить внутренний порядокъ въ семъ краѣ, столь щедро надѣленномъ природою и, придерживаясь первоначально дарованныхъ оному преимуществъ, оградить и увеличить раждающееся въ немъ благосостояніе и богатство. Таково было обширное поприще разнородныхъ занятій, въ которое введенъ былъ Каподистрія волею познававшего душу его и оцѣнивавшего его способности. Предметы соображеній высшихъ, такъ сказать, тѣснились въ уединенномъ святилищѣ размышленія, въ которомъ преждевременный старецъ, въ лучшіе годы своей жизни, проводилъ цѣлыя дни въ трудахъ, не щадя самаго себя, илѣняясь и дорожа исключительно славою Россіи. Въ теченіе 1816 года Франція безпрерывно раздираема была крамолами и буйствомъ мстительныхъ страстей. Съ одной стороны, приверженцы Бурбоновъ, овладѣвъ тогдашними выборами, успѣли составить Палату депутатовъ изъ людей, искренно, или съ умысломъ, пылавшихъ ревностію къ Королевской власти и къ пресловутой законности (*légitimité*), но ревностію не по разуму. Отъ сего возникли шумныя распри въ Палатахъ и кровавыя схватки почти во всѣхъ городахъ южной Франціи, гдѣ Католики и Реформаты подущаемы были другъ противъ друга. Сии нелѣпыя явленія изувѣрста прикрывали политическіе виды зачинщиковъ смятеній. Съ другой стороны, либералы или переодѣтые Якобинцы создали строптивную оппозицію, явную, для ежедневныхъ преній съ Министерствомъ, и тайную, сокро-

венно дѣйствовавшую, не только въ Парижѣ, но и во всей Европѣ, дабы умножить число недовольныхъ, привить имъ собственную злопамѣренность и, такимъ образомъ, все приготовить къ ниспроверженію настоящаго порядка дѣлъ. Ненавидя Россію и желая, чего бы то ни стоило, поколебать Дюка де Рещилье, возвращеннаго Франціи дружелюбіемъ Александра, либералы, тогда въ первый разъ, подали примѣръ соединенія съ неистовыми Роялистами, для того только, чтобы свергнуть Министерство безпристрастное и благоразумное; и ослѣпленные Роялисты, увлекаясь надеждою схватить кормило правленія, не гишались союзомъ съ старыми своими злодѣями. Людовикъ XVIII и Министръ его тщетно искали подпоры въ общемъ мнѣніи: его не было; вездѣ пламенѣли безумныя страсти; даже Царственнаго семейство принадлежало къ безусловной оппозиціи. Столь жалкое и грозное позорище представляло Императора Александра сомнѣваться въ долговѣчности настоящаго порядка вещей и требовало бдительнаго надзора. Въ Италіи еще господствовалъ хаосъ, оставленный въ сей странѣ исполнскими слѣдами Наполеона. Германія кипѣла въ чадѣ несбывшихся высокопарныхъ надеждъ, и юношество не преставало мечтать о политическомъ единствѣ. Испанія, теряясь въ распряхъ между старою и новыми идеями, съ негодованіемъ взирала на отпаденіе Американскихъ областей, споспѣшествоемое Англичанами. Наконецъ Швеція умышленно затруднилась въ исполненіи Кильскаго Трактата, и тѣмъ нарушая права Даніи, уже мстившейся Норвегіи, нарушала вмѣстѣ согласіе Державъ и святость договоровъ. Чѣмъ пасмурнѣ казался горизонтъ Европы, тѣмъ ревностнѣе Императоръ старался дать рѣшительный перевѣсъ мирнымъ связямъ, приглашая всѣ Государства къ принятію участія въ Священномъ Союзѣ. Всѣ приступили къ оному, кромѣ Англіи и Папы Римскаго. Сенджемскій Кабинетъ отклонилъ сей союзъ, какъ обязательство необыкновенное, котораго онъ не находилъ средствъ оправдать предъ Парламентомъ. Но Принцъ - Регентъ частнымъ образомъ, по личному, будто бы, убѣжденію, изъяснилъ готовность вступить въ Христіанское братство. Что жъ касается до Римскаго Двора, Кардиналъ Консальви, именемъ Пія VII, отвергнувъ сей актъ, основываясь на побужденіяхъ духовныхъ. Въ немъ Римскій Первосвященникъ видѣлъ соединеніе Христіанскихъ властей внѣ лона Церкви, и по тому, не одобряя на-

чала, хотя произносили намѣренія, отрекся всякаго соучастія въ союзѣ. Тщетно Посланникъ нашъ, по волѣ Государя, внушалъ умному Кардиналу и самому Папѣ, что если не въ качествѣ главы Церкви Западной, то, по крайней мѣрѣ, какъ свѣтскій властелинъ, онъ долженствовалъ приступить къ союзу, и могъ сдѣлать сіе безъ зазрѣнія совѣсти. Таковое предложеніе весьма не понравилось Ватиканскому собору: отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, даже въ области отвѣченія, казалось Кардиналамъ опасною уступкою; ибо осязаемое наслѣдіе кичливаго Григорія VII и Иннокентія III, въ глазахъ ихъ, не менѣе преемства Петрова, драгоценно. Ближайшія выгоды Россіи заключались въ разрѣшеніи вопросовъ, оставшихся спорными между нею и Турціею, со времени подписанія Бухарестскаго мира.

Въ 1812 году, Дунайская армія, посильно выступивъ изъ предѣловъ Княжествъ, оставила оныя на произволъ Турковъ. Тогда Оттоманская Порта, предавшись злобнымъ внушеніямъ и совѣтамъ Французскаго Посла, — поколику его внушенія могли согласоваться со страхомъ Россійскаго оружія, глубоко врѣзавшимся въ ея память, — рѣшилась казнить виновниковъ мира, знаменитаго Князя Димитрія Мурузи и меньшаго его брата. Это была избранная жертва, заключеніемъ коей Наполеонъ мечталъ навсегда ужаснуть всѣхъ благородныхъ противниковъ преобладанія его въ Европѣ. Посолъ его неистово требовалъ крови Князей Мурузи, и Султанъ, забывъ, что собственная его тайная переписка съ Княземъ Мурузи оправдывала участіе его въ переговорахъ, повелѣлъ заманить его въ Шумлу къ Верховному Визирю, и тамъ, выходящаго съ почестію изъ Визирской палатки, изрубилъ вѣроломные въ Октябрь 1812 года. Спустя нѣсколько дней, меньшей братъ, Панагіотъ Мурузи, захваченъ и безъ суда казненъ въ Константинополѣ. Онъ, свѣдавъ о убіеніи любимаго брата, не искалъ спасенія въ бѣгствѣ, по тому что не хотѣлъ его пережить. Пролитая имъ гнуснымъ образомъ, по домогательствамъ Франціи, невинная кровь пала на гибнущихъ въ сѣтяхъ Французовъ. Въ слѣдъ за симъ безплоднымъ злодѣяніемъ, Турки, замѣтивъ въ народѣ Сербскомъ недовѣрчивость къ условіямъ Трактата и благоразумную медленность въ отложеніи оружія, и не боясь Россіи, ворвались, кровожадными толпами, въ Сербію, въ 1814 году, произвели въ

ней страшныя опустошенія и посадили на колья нѣсколько сотъ взятыхъ въ плѣнъ Князей и воиновъ. Безчеловѣчному торжеству ихъ оружія благопріятствовала мнительная робость Вождя, Георгія Чернаго. Онъ не дерзнулъ сразиться съ врагами, помышлялъ только о спасеніи своихъ сокровищъ, бѣжалъ въ Австрію, и оттуда въ Россію, но нигдѣ звѣрскій мужъ не могъ скрыться отъ гнетущаго его сугубаго проклятія отцеубійства и братоубійства! *

Среди сихъ плачевныхъ неустройствъ, Бухаретскій Трактатъ оставался во многихъ статьяхъ своихъ неисполненнымъ. Спорными считались острова, испещряющіе устье Дуная и крѣпости Азіатскихъ береговъ Чернаго моря. Россія, въ отдѣльныхъ секретныхъ статьяхъ, обязалась возвратить сіи крѣпости Оттоманской Портѣ, но наглость ея и нарушеніе ею и клеветами оной преимуществъ и льготъ, дарованныхъ Молдавіи-и Валахіи, побуждали наше Правительство медлить сдачею твердынь приморскихъ. Черезъ нихъ производился гнусный торгъ невольниками обоюго пола для наполненія Стамбульскихъ гаремовъ, и чрезъ сіи же мѣста безсильная злоба Турковъ снабжала Горцевъ порохомъ и оружіемъ. Доколѣ длилась славная, всемірная, борьба, расторгнувшая наконецъ узы цѣлой Европы, Императоръ долготерпѣлъ, довольствуясь повтореніемъ внушеній чрезъ посланника, А. Я. Игалинскаго, переведеннаго потомъ изъ новаго Рима въ древній. Но при наступленіи весны 1816 года, Государю угодно было, посольствомъ новымъ и выборомъ истиннаго Государственнаго человѣка, достигнуть прочнаго примиренія съ Турціею. Вельможа, одаренный рѣдкимъ умомъ, высокою душою, равнявшеюся его высокому сану, твердостію духа неколебимою, наружностію, вселяющею почтеніе, и щедростію, могущею изумить Мусульманъ, Баронъ, нынѣ Графъ, Григорій Александровичъ Строгановъ, назначенъ былъ Чрезвычайнымъ Посланикомъ и Полномочнымъ Министромъ въ

И долго почиталъ сіи происшествія выдумками зависти, но Преосвященный Леонтій, Митрополитъ Сербскій, умершій отъ холеры въ Кишиневѣ въ 1831 году, разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія; разсказавъ мнѣ подробно сіи два чудовищныя преступленія Георгія Чернаго. Соч.

Однако, Леонтій былъ Грекъ, принадлежавшій къ сторонѣ, постоянно интриговавшей въ Сербіи противъ Сербовъ, и по тому на показанія его нельзя вполне положиться. О. Б.

Царьградъ. Все ручалось за успѣхъ вѣряемаго ему посольства: прежнія заслуги въ Швеціи и преимущественно въ Испаніи, гдѣ, среди смутъ и опасностей, стяжалъ онъ неотъемлемую славу себѣ и Русскому имени. Собственныя его достоинства, опытность и величіе Царя, избавителя Европы, казалось, общали близкую, вѣрную, развязку переговоровъ. Важность оныхъ въ полной мѣрѣ постигнулъ Графъ Каподистрія. Трудясь неусыпно надъ составленіемъ инструкцій, онъ, однако жъ, увѣренъ былъ, что сила убѣжденія не подѣйствуетъ на Турковъ, и что надлежало подкрѣпить доводы повелительными угрозами, и, не вдаваясь въ безконечное разбирательство взаимныхъ упрековъ, предначертать Султану условія выгоднаго мира. Къ сожалѣнію, мнѣніе Каподистрии, утверждавшееся на глубокомъ познаніи характера и невѣжества Турецкаго, не было принято. Кроткія, миролюбивыя, намѣренія Александра I-го несовмѣстны были съ угрозами и суровостію. Сии намѣренія и великодушный страхъ нарушить едва возстановленное спокойствіе, одержали верхъ надъ совѣтами прозорливой преданности Каподистрии. Барону Строганову даны приказъ и полномочіи, обозначающія предѣлы его справедливыхъ настояній, съ устраненіемъ всякой угрозы. Ему надлежало исполнить сей недостатокъ личною смѣлостію и собственнымъ вѣсомъ; и если бы онъ назначенъ былъ Посланникомъ къ какому либо Двору Европейскому, умѣвшему цѣнить могущество и происхожденіе Россіи, то онъ достигъ бы своей цѣли самымъ блистательнымъ образомъ. Но ему надлежало убѣдить логикою и ласками Правительство Турецкое 1816 года. Оно, не вѣря побужденіямъ и превратно толкуя умѣренность Императора, присылало оную истощенію силъ Россіи и сопротивленію Державъ Европейскихъ. Строгановъ, въ сопровожденіи отличнѣйшихъ чиновниковъ, отправился въ Константинополь, поддержалъ среди варваровъ Государственное достоинство, затмилъ всѣхъ завистниковъ Россіи, преодолѣлъ умомъ и постоянствомъ безчисленныя запутанности; годъ за годомъ протекалъ, а Трактатъ не исполнялся, и предчувствія Графа Каподистрии, руководителя сей тернистой негоціи, сбылись. Давъ направленіе сей важной отрасли вышшихъ сношеній, Императоръ Александръ отправился въ первопрестольный градъ, Москву, коего жители приняли его съ упое-

ніемъ пелищемърной, умилизельной, радостн, вовсе не похолнвшей на шумные восторгн, коими народы Европейскіе прнвыклн обманыватъ себя н своихъ властнтелей.* Изъ Москвы Императоръ поѣхалъ въ Варшаву, великодушнѣмъ его спасенную н возсозданную. Во время его пребыванія въ Польшѣ все предуготовлено было къ открытію народнаго Сейма, воспослѣдовавшему въ Февралѣ 1817 года. На немъ Императоръ н Царь Польскій произнесъ рѣчь, которая произвела въ Кабинетахъ Австрійскомъ н Прусскомъ сильное впечатлѣніе, отнюдь неблагопріятное нашей политикѣ. Союзные Дворы начали опасатъся вредныхъ послѣдствій сей рѣчи, относительно тишины ихъ владѣній, возникли объясненія, кои заранѣе предусмотрѣны были Каподистріею, но коихъ онъ не въ силахъ былъ предотвратнть. Любя человѣчество, онъ искренно желалъ блага Полякамъ, но желалъ онаго безъ ущерба выгодъ Россіи н не довѣрялъ зрѣлости чувствъ н понятій въ странѣ, гдѣ столь долго гнѣздились вражда протнвъ Россіи, вліяніе Франціи н духъ мятежнаго непостоянства.

Между тѣмъ во всей Европѣ, вопреки разногласію партій, уваженіе къ высокимъ доблестямъ Александра I-го выказывалось неложными признаками н превозмогало самую зависть. Малѣйшія рѣшенія между Державами второстепенными рѣшались не иначе, какъ по безпрнстрастному приговору Царя-миротворца. Великій Гергоцъ Баденскій угрожаемъ былъ потерей части своихъ владѣній въ пользу Баваріи, н по согласію на то Австрін, превратно нстолковавшихъ Трактатъ Франкфуртскій. Въ семъ случаѣ мудрая непреклонность Каподистріи упредила мѣры самоуправныя н доставила Герцогу заступленіе Россіи. Швеція, лаская себя неограниченною благосклонностію Александра, уклонялась отъ распредѣленія Норвежскаго долга во вредъ Даніи. Дабы выиграть время, Стокгольмскій Кабинетъ ссылался на мнимое протнвленіе Нор-

* По случаю сего происшествія нельзя не вспомннть здѣсь вдохновенныхъ стиховъ Князя Вяземскаго, сочиненныхъ для бюста Александра I-го въ Дворянской залѣ:

«Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ н скромный побѣднтель,
 Какой вѣнецъ ему, алтарь?...
 Вселенная, пади предъ нимъ, онъ твой спаснтель!
 Россія, имъ горднсь, онъ сынъ твой, онъ твой Царь!»

вежскаго Стортинга или Сейма. Но пріязнь Россіи, противъ чаянія Швеціи, явилась чуждою всякаго пристрастія, и Кильскій Трактатъ, не взирая на увертки и вымыслы политическіе, постепенно приведенъ въ исполненіе. Давнія несогласія между Великобританією и Сѣвѣрною Америкою еще длились и затрудняли дѣйствія Гентскаго Договора. Обоюдное желаніе сихъ Державъ избрало посредникомъ Царя Русскаго, да изречетъ онъ судъ правый, и тѣмъ положить конецъ продолжительному состязанію. Испанія, терзаемая внутри и извнѣ безразсудностію крамоль и друзьями коварными, постоянно искала дружбы Россіи и охотно внимала совѣтамъ безкорыстнымъ, хотя и не всегда умѣла ими воспользоваться. Однимъ словомъ, избавитель Европы, блюститель Христіанскаго и братскаго союза, долготерпѣливый сосѣдъ ослабленной Турціи, жертвуя частными выгодами всемірной тишинѣ, господствовалъ силою добродѣтели въ умахъ и сердцахъ многихъ, пренебрегалъ завистію нѣкоторыхъ Державъ и, опершись на вѣрную Россію, мирно управлялъ человѣчествомъ до 1819 года, т. е., до заключенія Аахенскаго Конгресса. Цѣня ежедневно болѣе заслуги Графа Каподистрии, Императоръ Александръ осыпалъ его знаками чести и въ совѣтахъ его почерпалъ мысли благотворныя, равнявшіяся высокому полету собственныхъ намѣреній и чувствъ.

Возникло жаркое прѣніе о частныхъ денежныхъ требованіяхъ съ Французскаго Правительства, разборъ коихъ, по силѣ Трактата 8 (20) Ноября, 1815 года, подлежалъ сложной Коммиссіи. Члены оной, увлеченные зложелательствомъ къ Франціи, признали на ней долгу болѣе тысячи милліоновъ франковъ: долгъ, по истинѣ не оплатный, послѣ военной контрибуціи и налога для содержанія охранительныхъ войскъ союзныхъ. Они безъ строгаго изслѣдованія утверждали законность преувеличенныхъ до неслѣпости притязаній различныхъ Европейскихъ общинъ, городовъ и частныхъ людей. Споры, жалобы, Французскаго Министерства, взаимныя колкія возраженія и настоянія, все предвѣщало гибельный разрывъ. Тогда великодушное и мудрое посредничество Россіи спасло Францію и прекратило соблазны самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ умѣ Графа Каподистрии родилась счастливая мысль ввѣрить дружелолюбное рѣшеніе сихъ несогласій преимущественно Герцогу Веллингтону. Знаменитый вождь, про-

славившій Великобританское оружіе на твердой землѣ, могъ дѣйствовать свободно и безпристрастно, во первыхъ, по тому, что отечество его было чуждо сихъ притязаній, оградивъ свои выгоды особою предварительною Конвенціею; во вторыхъ, благородный характеръ побѣдителя при Ватерлоо ручался за то, что онъ не иначе приметъ званіе посредника, какъ съ миролюбивыми намѣреніями. Дабы склонить его къ участию въ семъ дѣлѣ, Императоръ изволилъ написать къ нему кабинетное письмо въ выраженіяхъ лестныхъ и убѣдительныхъ. Веллингтонъ, получивъ оное и посовѣтовавшись съ Посломъ Россійскимъ, приступилъ къ трудному подвигу: расторгнулъ множество сѣтей, смягчилъ упорство членовъ Комиссіи и, опираясь на мнѣнія Кабинетовъ С.-Петербургскаго и Седжмесскаго, успѣлъ, наконецъ, заключить мирный договоръ, по силѣ коего Франція, вмѣсто 1200, обязалась уплатить около 370 милліоновъ франковъ окончательнаго воздаянія за всѣ частныя убытки. Симъ способомъ задача рѣшена; разореніе монархической Франціи упреждено и несогласія прекратились. И въ настоящемъ случаѣ быть, а не казаться (*esse, non videri*) осталось любимымъ правиломъ Царя Русскаго. Творить добро, не ждать благодарности, устранивъ тщеславіе, дабы вѣрнѣе стяжать истинную славу: такова была система Александра I-го и надежнаго его совѣтника. При всѣхъ Дворахъ Посланники наши, по волѣ Государя, занимали послѣднее мѣсто, не споря ни съ кѣмъ о первенствѣ и не требуя онаго нигдѣ, кромѣ Исторіи. 1-го Октября, 1818 года, Императоръ прибылъ въ Москву, и прожилъ въ сей столицѣ около шести мѣсяцевъ. Графъ Каподистрія находился при немъ. Пребываніе въ Москвѣ ознаменовалось заложеніемъ храма во имя Христа Спасителя, въ исполненіе Царскаго обѣта во дни нашествія просвѣщенныхъ варваровъ на Россію, и воздвиженіемъ прекраснаго памятника Минину и Пожарскому. Сближеніе между собою элохъ, равно обильныхъ бѣдствіями и славою придавало глубокое величіе симъ торжествамъ народнымъ. Наконецъ пребываніе Императорскаго Дома въ первопрестольномъ градѣ останется вѣчно памятнымъ для Россіянъ; иоелику въ Апрѣлѣ 1818 года, среди священныхъ Кремлевскихъ стѣнъ, родился Великій Князь Александръ Николаевичъ, сынъ и наследникъ благополучно цар-

ствующаго въ наши дни Государя Императора, Николая I-го, сія благословенная, много общающаяся, отрасль избранника Божія.

Среди упражненій мирныхъ и благословенныхъ трудовъ по внутреннему управленію, политика предвѣщала новыя соображенія въ Европѣ. Переговоры съ Турціею казались искушеніемъ умѣренности Россіи и живымъ упрекомъ для постороннихъ искусителей. Въ то же время Франція, волнуемая либералами и Роялистами, приписывала ихъ строитивость и ропоты продолжительному пребыванію иностранныхъ ратей въ ея предѣлахъ. Къ нравственному униженію ея присовокуплялось еще истощеніе финансовъ, и Дюкъ де Ришелье смѣло настаивалъ, требуя отозванія охранительнаго корпуса. Его представленія, благосклонно пріемлемыя Россійскимъ Правительствомъ, подвергались рѣзкому противорѣчію и даже производили разномысліе въ другихъ Союзныхъ Кабинетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ искренно противились снятію сторожевой рати; другіе притворно затруднялись въ изъясненіи согласія на то, желая вынудить созваніе Конгресса, благопріятнаго ихъ видамъ. Послѣ долгихъ сношеній и переписокъ, постановлено было съѣхаться Монархамъ союзнымъ въ Аахенѣ, для совѣщанія по сему предмету и для рѣшенія иныхъ, сопряженныхъ съ нимъ, вопросовъ, естественно проистекавшихъ отъ освобожденія Французскихъ владѣній. Со времени почти баснословныхъ Карла Великаго, древній Аахенъ, въ коемъ все обветшало, кромѣ вѣчно юныхъ цѣлебныхъ водъ его, не видывалъ столь пышнаго съѣзда Державныхъ гостей, царедворцевъ, министровъ, остроумцевъ и странствующихъ рыцарей, впрочемъ, не похожихъ на удалцовъ IX-го столѣтія.

Хотя главная причина созванія Конгресса заключалась въ опредѣленіи будущихъ отношеній Франціи къ союзной Европѣ и въ рѣшеніи задачи: долженствуетъ ли сохраниться четверовластный союзъ, составившійся въ Шатильонѣ, противъ Франціи, или упраздниться, вмѣстѣ съ прекращеніемъ вооруженнаго надзора за нею, но, кромѣ сего, стеклось множество дѣлъ второстепенныхъ, какъ обыкновенно число тяжбебъ увеличивается съ открытіемъ верховнаго судилища. Испанія, оскорбленная тайнымъ потворствомъ Англичанъ въ пользу возмутившихся ея колоній, искала въ Конгрессѣ подиоры и всемѣрно старалась не допустить

къ оному самозванцевъ представителей Южной Америки, дерзнувшихъ, подъ щитомъ самодержицы морей, явиться въ окрестностяхъ Аахена. По всей Германіи кипѣлъ духъ мятежа и ропота, возбуждаемый киченіемъ учености во всѣхъ высшихъ наукахъ. Университеты со всѣмъ вспомогательнымъ войскомъ журналистовъ, профессоровъ и студентовъ, сдѣлались разсадниками не только образованія юношества, но и преобразованія политическаго. Сіе стремленіе усиливалось воспоминаніями подвиговъ 1813 года и какою-то неуютностію всѣхъ состояній; ибо приливъ и отливъ Наполеонова владычества, разстроивъ старое общезитіе и не утвердивъ новаго, оставили за собою въ умахъ волненіе мечтательныхъ надеждъ, чего-то искавшихъ сквозь туманъ сумрачной Нѣмецкой философіи. Итакъ надлежало провозгласить совершеннолѣтіе Монархической Франціи, успокоить владѣтелей и народы Германіи, снова подчинить частныя виды Державъ общей цѣли союза Европейскаго, и дать пищу избыточной дѣятельности силъ и умовъ, сохранивъ въ цѣломъ составѣ возжелѣнную тишину и гармонию. Теперь мы станемъ описывать ходъ совѣщаній, обращая вниманіе читателей преимущественно на развязку сего критическаго арбітража, на коемъ состязались страсти и люди необыкновенные, и на коемъ рѣзко выказалась эпоха первыхъ отступленій отъ спасительной системы равновѣсія взаимныхъ обязанностей и выгодъ.

Приступомъ къ занятіямъ Полномочныхъ послужило убѣдительное требованіе Дюка де Ришелье вывести изъ предѣловъ Франціи разноплеменное охранительное войско. Не долго удавалось противникамъ сей мѣры оспаривать справедливость предложенія съ нѣкоторою благовидностію. Трехлѣтній искусъ миновалъ, продлить оный еще на два года, по смыслу Парижскаго Трактата, значило бы, какъ утверждали Французскіе Министры, подпирать тронъ Бурбоновъ, потрясти самое основаніе его. Къ сему мнѣнію пристали Графъ Каподистрія, Герцогъ Веллингтонъ и Графъ Поццо ди Борго, и свидѣтельство сихъ послѣднихъ доставило перевѣсъ совѣтамъ благоразумія. По сему постановлено было вывести изъ Франціи чужія войска и признать состояніе ея благонадежнымъ, представляющимъ достаточныя ручательства въ неприкосновенности существующаго въ Европѣ порядка вещей.

Но непосредственно за снѣмъ приговоромъ Державнаго союза возникъ новый, по видимому, теоретическій, праздный, по въ сущности своей практическій, многозначительный, вопросъ: «быть, или не быть впредь четверовластному союзу Австріи, Англіи, Пруссіи и Россіи, возобновленному въ Вѣнѣ при второмъ появленіи Наполеона Бонапарте?»

Графъ Каподистрія, пріемля въ уваженіе, что Россія, какъ Держава первостепенная, не пуждалась въ союзѣ съ равносильными Державами, но, напротивъ, по независимости и неприступности своей, долженствовала быть заступницею и опорю народовъ менѣе самостоятельныхъ, и вникая въ сущность братскаго и Христіанскаго союза, какъ печати общаго Правительствъ единенія, основаннаго на равенствѣ правъ и взаимномъ дружескомъ, усматривалъ пользу Россіи и благо человѣчества въ расторженіи всякой исключительной связи Державъ перваго разряда. Желая поддержать свое мнѣніе доводами Логикѣ здравой и непреоборимой, онъ, со сроднымъ ему краснорѣчіемъ, утверждалъ, предъ Государемъ и въ засѣданіяхъ Полномочныхъ, что четверовластный союзъ (*la quadruple Alliance*), составившійся противъ Наполеона и Франціи, утратилъ свое значеніе, со дня освобожденія ея отъ вооруженнаго надзора; что этотъ союзъ, достигнувъ своей цѣли, самъ собою упразднился, и что возобновить его, безъ гласной, опредѣленной, меты, значило бы ослаблять узы общаго Европейскаго соединенія, возбудить справедливыя опасенія народовъ безсильныхъ; однимъ словомъ, вводить въ политическую систему какую-то пагубную, самовластную, и по тому ненавистную всѣмъ, Олигархію. Пруссія, Австрія и даже Великобританія не безъ причины настаивали на семъ опровергаемомъ соображеніи; онѣ находили свои выгоды въ томъ, чтобы опираться на Россійское могущество и, опутавъ оное золотою цѣпью, безъ всякой взаимности, отдѣлить насъ отъ всего міра и обезпечить себя противъ нашего превосходства. Таковы были гласные доводы и тайныя разсужденія, коими вѣрный совѣтникъ и слуга Царскій старался отклонить небезкорыстныя домогательства нашихъ союзниковъ. Противоборцы его, Князь Меттернихъ, Бернсторфъ, Кастльри и вся Дипломатическая братія, покушались опровергнуть его мысли, внушая безпрестанно, что еще рано полагаться на Французское Правитель-

ство, что духъ возмущенія еще обнаруживался въ Германіи, и наконецъ, что вездѣ, въ Европѣ и Америкѣ, одно страшнѣе четверовластнаго союза можетъ оградить общую тишину и укротить волнующіяся стихіи революціи. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ сихъ не искреннихъ возраженіяхъ заключалось много благовидности. Но рѣшеніе длилось не о томъ, какъ безопасноѣ обуздать революцію; нѣтъ, Полномочные, не сознаваясь въ тайныя помыслахъ, спорили о возможности связать, или развязать, Россію относительно къ будущимъ ея предпріятіямъ. Наконецъ большинство голосовъ, ободренное великодушнымъ безстрашіемъ Александра I, превозмогло: положено было возобновить союзъ четырехъ Державъ, и мнѣніе Каподистрії уступило не убѣжденію разсудка, но одной необходимости. Едва успѣли согласиться въ семь, какъ несообразность рѣшенія съ цѣлію вполне обнаружилась. Ибо Франція, примиренная съ Европою, тогда же начала требовать себѣ мѣста и участія въ союзѣ: искательство справедливое, какъ выводъ первой деклараціи, но выѣстъ и неаппетитное, если допустимъ, что союзъ сохранялъ первоначальную цѣль свою, т. е., надзоръ за Франціею и общую противъ ней оборону. Впрочемъ, сіе разительное противорѣчіе ни мало не остановило поборниковъ четверовластнаго союза. Всѣ изъявили согласіе на предложеніе Министровъ Людовика: квадратъ сдѣлался пятисторонникомъ, и Шатильонскій Трактатъ увѣковѣченъ, въ видѣ совершенно новымъ. Надлежало обнародовать оный приличнымъ образомъ. Знаменитый политикъ Генцъ сочинилъ декларацію, въ которой, между прочимъ, сказано, что всѣ безъ различія Державы Европейскія составляютъ единый союзъ, основанный на законахъ правоты и Вѣры Христіанской; но дабы соблюсти въ сопряженіи ихъ порядокъ историческій, и дабы объему сего союза дать надежное средоточіе, Великобританія, Австрія, Пруссія и Россія признали за благо возобновить коренной Шатильонскій Договоръ, послужившій нѣкогда оплотомъ противъ наветовъ Наполеонова властолюбія. Раскрасивъ такимъ образомъ и отгѣнивъ искусно чертѣжъ новой политической системы, принятой въ Аахенѣ, Конференція, вопреки внушеніямъ Англійскихъ агентовъ, рѣшила не допускать къ Конгрессу представителей Южной Америки, мимоходомъ занялась разборомъ безплодныхъ Лондонскихъ

совѣщаній о торгѣ неграми, обузданіи Варварійцевъ, * и снѣбно обратилась къ разсмотрѣнію Германскихъ дѣлъ.

Выше сего показаны главныя причины безпокойства и броженія умовъ въ ученыхъ сословіяхъ Германскаго Союза. Доколѣ существовала Германо-Римская Имперія, все еще сохранилась надежда постепеннаго приведенія племенъ Германскихъ въ единство, или, по крайней мѣрѣ, двойственнаго ихъ раздѣленія, подъ скипетрами Австрійскимъ и Прусскимъ. Но Французская революція разрушила ветхое зданіе многосложной Имперіи, и Наполеонъ, для обуздація Австріи и Пруссіи, создалъ Рейнскій Союзъ, подручный его мечу, и ввелъ въ оный слабыхъ владѣтельныхъ Князей приманкою жалуемаго имъ Королевскаго сана. Страсть Германцевъ къ отвлеченностямъ и мечтательнымъ теоріямъ обманула практическій умъ Наполеона. Онъ забылъ, или не замѣтилъ, что высшія училища, находившіяся въ рѣзкомъ противорѣчій съ бытомъ гражданскимъ, готовили ему противниковъ, и что мелкопомѣстные Князья, выведенные волею его въ Вѣнценосцы, болѣе прежняго тяготѣютъ надъ своими подданными, и по тому, рано, или поздно, будутъ ненавидимы. На каждомъ шагѣ обзаведены пышныя дворцы, увеличены налоги, набраны войска для служенія міродержцу, вовсе несоразмѣрныя съ способностями каждаго владѣнія, и, наконецъ, по образцу Наполеоновой системы, число орудій внутренняго управленія возросло въ каждомъ городкѣ и подавило общее благосостояніе. Пренебреженная Наполеономъ, Нѣмецкая народность воспрянула при первой превратности судьбы. Всѣ Германцы, отъ мала до велика, бросились на кичливаго покровителя и довершили его паденіе

* Цельзія было сдружиться понятіями въ сей важной задачѣ. Императоръ Александръ неоднократно предлагалъ Англіи составить общее ополченіе противъ морскихъ разбойниковъ, и для чести Христіанъ и блага человѣчества, нанести Африканскимъ хищникамъ сокрушительный ударъ, опладѣвъ навсегда гнѣздомъ разбоевъ. Англія упорно отвергала сію спасительную мысль, домогалась единственно составленія постоянной крейсировки на Средиземномъ морѣ, подъ главнымъ ея начальствомъ. Это невольно напоминаетъ безпристрастному наблюдателю Турецкихъ переищечковъ, буйно востающихъ противъ Правительства, лишь только умники, любимцы Султана, заговорятъ о введеніи книгопечатанія.

подъ знаменами Россійскими и Прусскими. Вѣискій Конгрессъ не могъ удовлетворить ожиданіямъ упоенныхъ своими успѣхами Германцевъ. Союзъ владѣтелей все еще состоялъ изъ 37 Королевскихъ и Княжескихъ домовъ, отъ Императора до Князей Рейсъ, получившихъ право политической независимости. Столь чрезвычайное раздробленіе, стѣснявшее внутреннія сношенія торговли и промышленности, не нравилось простому народу, и духъ либерализма, пробудившійся во Франціи съ паденіемъ Наполеона, въ то же время овладѣлъ Университетами Германіи, утвердивъ тайное сообщество съ недовольными всѣхъ странъ Европы. Наставники и писатели внушали молодымъ людямъ, возвратившимся изъ похода, что они напрасно проливали кровь драгоцѣнную, заслуги ихъ не уважены и отечество утратило случай къ возрожденію. Далѣе, простирая ядовитые уроки, они поселяли въ умахъ увѣренность въ томъ, что «всѣ средства, даже самыя преступныя, позволительны для благой цѣли, что выспренные замыслы оправдываютъ всѣ роды беззаконій, и даже вѣроломное убійство». Сия гнуснымъ ученіемъ ожесточивъ сердца и изостривъ книжалы юныхъ безумцевъ, лжемудрые наставники, подобные Фолленіусу, Деветту, Лудену и ихъ единомышленникамъ, готовили вездѣ сильное потрясеніе, изъ коего долженствовало возникнуть ихъ первенство въ обществѣ. На пути изъ Россіи въ Аахенъ, я имѣлъ много случаевъ усмотрѣть и извѣдать направленіе умовъ въ странахъ, коихъ словесность и политическія связи мнѣ были извѣстны. Исполняя долгъ присяги и службы, я представилъ Государю замѣчанія о внутреннемъ положеніи Германіи. Его Величеству угодно было повелѣть, чтобы изъ сихъ замѣчаній составила подробная записка, для сообщенія Полномочнымъ Дворовъ Германскихъ. Начальники мои, затрудняясь огромностію разнородныхъ переписокъ, приказали напечатать эту записку въ числѣ 50 экземпляровъ, чтобы скорѣе передать мысли нашего Кабинета прочимъ Министрамъ. Они были приняты почти безъ возраженія Дворами Австрійскимъ и Прусскимъ. Нельзя было оспаривать истины замѣчаній, внушенныхъ благонамѣренностію и желаніемъ общаго спокойствія. Тогда же постановлены были предварительныя мѣры къ обузданію своевольства высшихъ училищъ и къ ограниченію наглой свободы періодическаго изданія

журналовъ. Но часть записки, въ коей вѣрными чертами обличались злоупотребленія и тягости системы Наполеона, пережившей въ Германіи своего основателя, сія часть не менѣе важная, оставлена безъ должнаго вниманія и разбора. Какъ бы то ни было, бдительность властей была возбуждена и малодушіе нѣкоторыхъ ободрилось. Начались совѣщанія о возможномъ предотвращеніи опасностей, грозившихъ настоящему порядку вещей. Всѣ уразумѣли, что скорѣе землетрясеніе и буря низлагаютъ твердыя зданія, нежели сильнѣйшіе удары грубаго вещества, и что нѣтъ плотины, могущей устоять противъ порывовъ воздымающагося потока, если не заградится источникъ его. Между тѣмъ печатная записка, отъ неосторожности нѣкоторыхъ подчиненныхъ, начала ходить по рукамъ, зашла въ Лондонъ, сдѣлалась добычею издателя Таймса и спѣшно перепечатана была вторымъ поддѣльнымъ изданіемъ въ Брюсселѣ, съ именемъ писателя, по ничтожнымъ денежнымъ расчетамъ одного Прусскаго чиновника, промышлявшаго повостями политическими. Сія безвременная огласка тотчасъ вооружила противъ сочинителя весь брызгливый рой журналистовъ Германскихъ. Тайно страшась вліянія Россіи, но не дерзая коснуться Главы, вѣчанной славою и могуществомъ, всѣ они зажужжали въ одинъ ладъ на писателя. Клеветы, ругательства, превратные толки, неумѣстныя личности, пѣсыпались градомъ на Русскаго чиновника, исполнившаго долгъ свой. Корифеи ученой секты не безъ умысла нападали на частное лице; ибо имъ хотѣлось разсѣять испугъ миролюбивой публики и умалить въ глазахъ ихъ важность записки, будто бы заключавшей не мнѣніе Александра I-го, но образъ мыслей частнаго безсильнаго порицателя Германскаго имени.

Засѣданія Конгресса закрылись; Монархи и Полномочные разъѣхались; Императоръ Александръ, посѣтивъ Людовика XVIII въ Парижѣ, оттуда изволилъ отправиться, чрезъ Вѣну, въ Россію. Но волненіе умовъ въ Сѣверной Германіи, произведенное Аахенскою запискою (*Mémoire sur l'état présent de l'Allemagne*), все еще не прекращалось. Вышелъ въ свѣтъ Нѣмецкій переводъ ссей записки, и вопли раздраженныхъ демагоговъ оглашали высшія училища и частныя бесѣды. Извѣстный остроуміемъ своимъ и драматическими сочиненіями, плодовитый, сатирическій, писатель,

Коцебу, принадлежавшій Россіи по подданству и чину своему, осмѣлился помѣстить въ издаваемомъ имъ литературномъ журналѣ не болѣе четырехъ строкъ, коими онъ обличалъ цѣльность выходокъ и нападеній на сочинителя такой записки, которая составлена по волѣ Державы первостепенной. Едва Коцебу успѣлъ издать сіе основательное опроверженіе всѣхъ, съ умысломъ разсѣваемыхъ, ложныхъ толковъ, какъ смерть его рѣшена была въ совѣтѣ буйныхъ крамольниковъ. Давно ученая братія мѣтила на него, какъ на опаснаго противника. Давно мятежные журналисты искали случая погубить его по тому только, что онъ удачнѣе всѣхъ ихъ умѣлъ поражать насмѣшками своихъ соперниковъ и принудить ихъ къ безмолвію, оскорбительному для самолюбія. Нашелся студентъ, по имени Зандъ, безсмысленный ревнитель впушенныхъ ему преступныхъ ученій. Въ Іенѣ тайное скопище развратителей юношества раздало три книжала, съ наказомъ умертвить ими старца Коцебу, профессора Шмальца и меня. Два ученика того же разсадника просвѣщенія, въ то самое время письменно вызывали меня на поединокъ; вызовъ ихъ не засталъ меня въ Веймарѣ; я уѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы въ семь послѣднемъ городѣ ввѣрить пользованіе крайне ослабѣвшаго зрѣнія моего знаменитому врачу глазныхъ болѣзней. Настали весенніи вакансіи; молодежь разбѣжалась по окрестнымъ городамъ, домогаясь славы презрѣнныхъ убійцъ и вводя, по наказу мудрыхъ наставниковъ, совершенно новую систему книжальной цензуры. Одинъ только Зандъ выполнилъ данное ему порученіе. Онъ является къ Коцебу, доживавшему вѣкъ свой въ Магсбургѣ, велитъ доложить о себѣ, что онъ прибылъ съ письмомъ къ нему изъ Веймара, и желаетъ подать оное въ собственныя его руки. Коцебу, съ довѣренностію души незлобной, выходитъ на встрѣчу къ незнакомцу; злодѣй вручаетъ ему роковой листъ, и въ тотъ же мигъ вонзаетъ въ грудь читающаго острый, длинный, ножъ.

Гнусное злодѣяніе свершилось; обреченная жертва испустила послѣдній вздохъ; убійца обратился въ бѣгство, но увидѣвъ, что шумная толпа обступила его, онъ ранилъ себя завитымъ книжаломъ и упалъ безъ чувствъ въ руки земнаго правосудія. Не упоминая здѣсь подробно о покушеніяхъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми для спасенія Занда, и объ изданныхъ статьяхъ въ оправ-

даніе его злодѣйства, я заключу повѣствованіе о неуройствахъ Германіи, сказавъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ. Нѣкто Лѣппигъ, подражатель Занда, посягнулъ на жизнь Нассавскаго Президента, Ибеля, но убійство не удалось. Безумецъ корвался въ кабинетъ Президента, не мѣтко ударилъ его ножомъ, и Г. Ибель, человекъ въ полнотѣ силъ и присутствія духа, обезоружилъ клеветна безбожныхъ возмутителей.

Убѣдись сими горестными признаками обширнаго заговора въ необходимости положить, хотя на время, предѣлъ изступленію своеволюства, Правительства Германскія единодушно приняли строгія мѣры къ обузданію навітниківъ общественной безопасности. Всѣ промышленники по части наукъ и періодическаго изданія журналовъ, вмѣстѣ съ студентами, подчинены были надзору, цензурѣ и полицейскимъ постановленіямъ, коія введены были по всѣмъ Університетамъ.

Статсъ-Секретарь Графъ Каподистрія, пробывъ нѣсколько въ Минхенѣ, для устраненія препятствій, замедлявшихъ окончаніе Баденскихъ дѣлъ, пріѣхалъ въ Вѣну, и тамъ испросилъ позволеніе отлучиться въ отпускъ для послѣдняго свиданія съ престарѣлымъ отцемъ и родными подъ отечественнымъ небомъ Іоніи. Императоръ, давно обѣщавъ ему сію милость, внялъ просьбѣ его и отпустилъ на время вѣрнаго совѣтника съ изъясненіемъ мѣстнаго сожалѣнія и живѣйшаго въ немъ участія. Не возможно было не почтить сыновней любви, которая влекла человека Государственнаго далеко отъ наслажденій честолюбія и высокаго сана въ уединенный островъ, подъ кровъ дряхлаго родителя, гдѣ ожидали его душевныя скорби, въ замѣнъ минутной, ничѣмъ не отравленной, радости. И подлинно, Каподистрія зналъ, что онъ подвергнется тяжкому искушенію, жалобамъ и даже укоризнамъ болѣе части своихъ единоплеменниковъ. Всѣ, кромѣ малочисленныхъ приверженцевъ Англійскаго колоніальнаго правленія, взирали съ негодованіемъ на суровую власть Англичанъ, проклинали ихъ покровительство и винили Каподистрію за то, что онъ подписалъ въ Парижѣ Трактатъ, коимъ Семь Острововъ усвоены были Великобританіи. Трудно было разувѣрить и успокоить раздраженныхъ жителей Іоническихъ острововъ, и еще труднѣе оправдать участіе знаменитаго ихъ соотечественника въ политическомъ соображе-

нии, уничтожившемъ не только народную самобытность, но и всѣ питавшія ихъ дотолѣ надежды. Дабы обнаружить несправедливость обвиненій, тяготѣвшихъ на сердцѣ Каподистрии, надобно было обвинить другихъ, раскрыть предъ ними весь ходъ происшествій, кои сдѣлали развязку сію неизбежною. Въ продолженіе Вѣнскаго Конгресса неоднократно возникалъ вопросъ: какимъ образомъ устроить участь Семи Острововъ Адріатическаго моря? Изъ оныхъ шесть острововъ завоеваны были Англичанами, во время всемірной борьбы. Въ одной крѣпости Корфійской, славной своею неприступностію, держался Французскій гарнизонъ, и наконецъ сдалъ оную Европейскому Союзу, пріобрѣтшему право располагать однимъ островомъ Корфу. Россія, утверждаясь на опытѣ минувшихъ превратностей, отказывалась отъ покровительства, затрудняемаго презмѣрнымъ разстояніемъ мѣстъ. Не было причины покорить сію страну Австріи потому только, что владычество ея простерлось на древнюю, гордую, Венецію. Среди сего мучительнаго недоумѣнія, нѣкоторые предложили водворить въ Семи Островахъ рыцарскій, древле воинственный, орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ замѣнъ Мальтійской скалы, не менѣе драгоценной для Сенджемскаго Кабинета, какъ и самый Гибралтаръ. Каподистрія всемірно старался осуществить сію мысль, и дабы вѣрнѣе отклонять всѣ неудобства, предлагалъ попеременно, очередное, избраніе въ Магистры Ордена кандидата Православнаго и Римско-Католическаго, надѣясь тѣмъ уравнивать вліяніе Церквей и оградить духовную свободу коренныхъ жителей, исповѣдующихъ Православную вѣру. Вождедѣльное равенство сіе не было одобрено; прогнѣвъ онаго ополчилась Западная надменность, которую еще въ пятомъ столѣтіи обличилъ Василій Великій. Оставалось одно возможное соображеніе, по тому что близость Турціи и злокозненное сосѣдство мощнаго Али-Паши угрожали независимости безсильной Республики. Стеченіе обстоятельствъ указывало на самодержицу морей, какъ на природную, ближайшую, покровительницу Острововъ, коихъ большая часть занята была ея войсками.

Графъ Каподистрія, среди кораблекрушенія всѣхъ надеждъ, коими долго ласкалось сердце, пылавшее любовью къ отечеству, ухватился за послѣдній обломокъ. Положась на высокое просвѣ-

щеніе и челоѣколюбивыя правила членовъ Англійскаго Министерства, онъ приступилъ, по волѣ Императора, къ переговорамъ и заключилъ трактатъ, условіями коего, сколько возможно, ограждалъ народное бытіе, права и благосостояніе роднаго края подъ щитомъ Великобританіи. Договоръ подписанъ былъ въ Парижѣ 1815 года. Съ того времени протекло три года, и хотя наружное благоустройство возстановилось на Семи Островахъ, но выборъ Лорда Верховнаго Коммиссара, и общее направленіе распоряженій Правительства доказали, что Англія дѣйствуетъ самовластно, стѣсняетъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ благодарности къ Россіи; однимъ словомъ, повая Іонія, сверхъ всякаго чаянія, подпадала подъ ярмо системы колоніальной. Появленіе въ Корфу Графа Каподистрії возбудило въ единоземцахъ его чувствованія досады и горести, а во властителяхъ ипоземныхъ — сугубыя опасенія и подозрѣнія несправедливыя. Все напоминало первымъ объ утраченныхъ надеждахъ, а послѣднимъ — о возможности будущихъ частныхъ сопротивленій. Управленіе Сиръ Томаса Майтланда, пренебрегавшаго ненавистію туземцевъ, погрузило Каподистрію въ глубокое, безотрадное, уныніе; ибо онъ зналъ, сколь бесполезно утѣшать недужнаго изложеніемъ истинныхъ причинъ его болѣзни, когда нѣтъ средствъ къ будущему исцѣленію. Мудрое безпристрастіе убѣждало его въ томъ, что ропотъ и жалобы Іонійцевъ нѣсколько преувеличены пылкостью воображенія полуденнаго; но онъ читалъ нѣмой упрекъ во взорахъ отца, братьевъ и родныхъ; онъ не могъ надѣяться смягчить непреклонность и вразумить превратную политику Англійскаго Министерства: и пребываніе его въ отеческомъ домѣ возмущалось скорбною думою. Время улетало; насталъ день разлуки съ осьмидесятилѣтнимъ родителемъ; сердце добраго сына, мужественнаго страдальца, сокрушилось подъ тяжестію болѣзненныхъ ощущеній, какія только смертный въ состояніи перенести. Онъ смирилъ себя подъ руку Всевышняго, получилъ отцовское благословеніе и, съ теплою молитвою поклонясь дивнымъ мощамъ Спиридона Чудотворца, сѣлъ на корабль и отплылъ къ берегамъ мятежной Европы. Нынѣ тѣло его почіетъ возлѣ могилы родительской; останки великаго труженика нашли въ родной землѣ тихое пристанище. Обѣхавъ часть Италіи, Францію, Англію и Данію, Графъ Каподистрія высаженъ былъ Россійскимъ фрегатомъ въ Данцигъ, откуда поспѣшилъ

явиться къ Императору въ Варшаву. Императоръ принялъ его съ изъясненіемъ неизмѣнной благосклонности и выслушалъ всѣ подробности путешествія его по Европѣ, которое было предпринято и довершено не безъ пользы для Государства. Лишь въ одномъ успѣли смягчить суровую политику Лондонскаго Двора относительно къ своей родинѣ Каподистрія не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Онъ изложилъ предъ Александромъ I-мъ чувствованія сердечной горести, молилъ его о державномъ ходатайствѣ за Іонію, изобразилъ живыми красками волненіе умовъ, день отъ дня возрастающее въ Греціи, и критическія, зловѣщія, сношенія Оттоманской Порты съ коварнымъ Али-Пашею Албанскимъ, и не скрылъ отъ Государя необходимости положить конецъ переговорамъ съ Портою и улучшить участь подвластныхъ ей Христіанъ, не дожидаясь новыхъ смутъ въ Западной Европѣ, кои становились болѣе и болѣе правдоподобными.

И подлинно, все предвѣщало гибельныя, многоразличныя, нарушенія общаго спокойствія въ Европѣ, для сохраненія коего мудрый Государь не преставаъ жертвовать частными своими выгодами. Тщетно безкорыстная политика стремилась къ примиренію противныхъ партій; безъ пользы старались Посланники наши вразумить ослѣпленныя Правительства и отвлечь либераловъ отъ постоянного злоумышленія. Главныя Кабинеты, превратно толкуя Священный Союзъ, искали въ немъ подпоры для самовласти, отвергая высокую, Христіанскую, цѣль онаго. А противники Монархической власти гнушались симъ Союзомъ, какъ грознымъ страшилищемъ, нагло порицали намѣренія основателей онаго, и въ имени Христа находили, по внутреннему побужденію, не краеугольный камень зданія политическаго, но камень преткновенія и соблазна. Сіи-то обстоятельства Каподистрія сближалъ съ критическимъ положеніемъ Востока. Онъ и въ Варшавѣ, а послѣ того въ С.-Петербургѣ, часто излагалъ предъ Царемъ-мироотворцемъ мысли, внушенныя зоркимъ наблюденіемъ и искреннимъ желаніемъ добра. Медленный ходъ переговоровъ Константинопольскихъ тревожилъ его дальновидность. Ибо возвратясь изъ Корфу, онъ съ увѣренностію очевидца описалъ презмѣрное безпокойство Христіанъ, отчаяніе многихъ и близость ужаснаго разраженія. Всѣ надѣялись на разрывъ между Россією и Портою,

по тому что, не постигая долготерпѣнія Царя Русскаго, принисывали отлагательства тайному намѣренію Россіи увѣковѣчить пресытствіа къ заключенію твердаго мира. Къ сему догадкамъ присовокупились и другіе случаи, кои народное мнѣніе на Востокъ превратно изъясняло, въ подкрѣпленіе обманчивыхъ надеждъ. Англійское Правительство, желая угодить Али-Пашѣ, рѣшилось уступить ему приморскій городъ Паргу, оставшійся въ распоряженіи Ионической Республики. Забывъ долгъ братолюбія къ Христіанамъ и не внемля справедливому нареканію всего человѣчества, Сиръ Томасъ Майтландъ заключилъ съ Турками постыдную конвенцію, по силѣ коей жители Парги обязывались, къ условленному сроку, разстаться съ своими жилищами, храмами и могилами предковъ и отбыть въ вѣчное изгнаніе. Турки взаимно обѣщали заплатить по оцѣнкѣ, совершенно произвольной, опредѣленную сумму денегъ, принявъ ключи безлюднаго города изъ рукъ Англійскаго полководца: какъ будто возможно дать что-либо въ замѣнъ святой родины безсильному народу, отторгаемому отъ ней по прихоти, какъ вѣтвистое дерево отдѣляется отъ своего древняго корня! Упреждая сію горестную крайность, многіе Паргіоты и, почти въ одно время, множество Славянъ-Черногорцевъ съ семействами своими просили убѣжища въ южной Россіи. Нѣсколько сотъ Черногорцевъ, не дождавшись отвѣта, съѣли на суда съ женами и дѣтьми и прибыли въ проливъ Константинопольскій. Императоръ Александръ не призналъ удобнымъ внять просьбѣ сихъ несчастныхъ, дабы врагамъ Россіи не подать повода къ новымъ обвиненіямъ въ умысленномъ возмущеніи народовъ Восточныхъ, и дабы таковымъ примѣромъ не умножить до безконечности числа выходцевъ. Сія, по видимому, строгая неумолимость много стоила сострадательной душѣ Александра. Странники, щедро одаренные Посломъ Россійскимъ, принуждены были отплыть обратно къ берегамъ отчизны, а Паргіоты, лишенные послѣдней надежды, тѣмъ непреклоннѣе устояли въ единодушнѣйшей рѣшимости, не покориться дугегибу, Али-Пашѣ, но покинуть навсегда родной край, вырывъ изъ земли кости предковъ, кровныхъ и дѣтей своихъ, и съ сими останками разсѣяться по лицу земному. Политическое святотатство свершилось; Англійскія войска хладнокровно сдали Епирскому властелину голыя, опустѣвшія, безмольныя, стѣны Парги: жители высажены были

на ближайшіе острова; видъ безпріютныхъ произвелъ всеобщее омерзѣніе къ виновникамъ ихъ злополучія. Но бѣдствія Христіянъ тѣмъ еще не кончились. Полки храбрыхъ Румелиотовъ, набранные въ 1800 году Русскимъ Генераломъ Попандопудо, * послѣ Тильзитскаго мира, отчасти перешли во Французскую службу и наконецъ поступили въ ряды набранныхъ Англією войскъ иностранныхъ. Ихъ размѣстили въ Мальтѣ и на Семи Островахъ. Около сего времени Лордъ Верховный Коммиссаръ вздумалъ распустить сонмы примельцевъ бездомныхъ и предать ихъ въ жертву праздности, нищетѣ и отчаянію. Столь жестокіе удары, нанесенные бытію, правамъ и навыкамъ цѣлаго поколѣнія людей, горимыхъ судьбою и Турками, истощили терпѣніе простыхъ Грековъ, лишили ихъ всякой отрады и естественнымъ образомъ принудили искать спасенія въ безвременномъ возстаніи всенародномъ. Въ Россіи не было для нихъ пристанища, какъ во время Екатерины Великой; Англичане отталкивали отъ себя изгнанниковъ съ презрѣніемъ; воинственные удалцы, свидѣтели паденія Парги, съ остервенѣніемъ въ душѣ, разбрелись по всей Греціи, начальники ихъ передали свои чувства мирнымъ жителямъ, и плѣнили умы ихъ ложными, но вѣроятными, слухами. Тогда запылились искры мятежа въ каждомъ селеніи, въ каждомъ ущельѣ. Не доставало только бурнаго порыва съ Западной стороны, чтобы раздуть пламя необъятнаго пожара въ Европѣ и Азій. Каподистрія, не обинуясь, указалъ на сіи происшествія и на неизбежную послѣдовательность cadaго звена неразрывной цѣпи. Желая, сколько возможно, облегчить горестную участь внезапно распущенныхъ Румелиотскихъ воиновъ, Императоръ поручилъ ему открыть сношенія съ Неаполитанскимъ Дворомъ и всемірно склонить оный къ возстановленію Македонскихъ баталіоновъ, издревле существовавшихъ въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Сіе домогательство имѣло цѣлію доставить храбрымъ, безпокойнымъ, изгнанникамъ способы къ сродному имъ образу жизни, и тѣмъ самымъ отвлечь ихъ отъ предпріятій отчаянныхъ. Со всѣмъ тѣмъ переговоры оставались безуспѣшными; вниманіе Монарха обратилось на мрачныя предзнаменованія близкихъ потрясеній въ Европѣ; Оттоманская Порта придерживалась системы закоснѣнія и

* Онъ былъ убитъ въ 1810 году на Рушущкомъ пристунѣ.

упорства; зловѣщія предчувствія и благородныя усилія Графа Каподистрія не въ состояннн были отвратить искушеній и напастей, предоставленныхъ въ совѣтахъ неизслѣдимаго Промысла Божія. Насталъ обильный крамолами 1820 годъ. Первый ударъ поколебалъ Испанію. Всѣ приверженцы конституціи 1809 года, члены Кортесовъ, ополчившихся противъ Наполеона, во время плѣна Короля Фердинанда VII, составили обширный заговоръ, клонившійся къ ограниченію Монархической власти. Надѣясь на шайку зажигателей, водворенную въ Парижѣ и Лондонѣ, и злобясь на слабое Правительство за то, что оно нѣкоторыхъ сослало, а прочихъ не допускало къ должностямъ, Испанскіе либералы предначертали въ столицѣ внезапный бунтъ, коему должныствовали способствовать военачальники Квироса и Ріего съ горстію обольщенныхъ воиновъ. Извѣдавъ единодушное отвращеніе Испанскаго народа къ нововведеніямъ, зачинщики мятежа вознамѣрились изумить Короля и мирную толпу гражданъ быстрою отважностію нападеній. И смѣлыя соображенія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Они осадили дворецъ, овладѣли особою Фердинанда и вынудили у него согласіе на провозглашеніе конституціи Кадикской. Неудивительно, что малодушіе Монарха обезоружило защитниковъ Престола. Все смолкло въ Испаніи, поработаемой именемъ свободы; и Фердинандъ VII, избравъ Министровъ, угодныхъ господствующей партіи, поспѣшилъ увѣдомить прочія Державы Европейскія о совершившейся въ его Государствѣ перемѣнѣ коренныхъ законовъ и образа правленія, приглашая союзниковъ своихъ къ одобрителному признанію сего неожиданнаго переворота.

Какъ въ семъ случаѣ не оплакивать гибельнаго отступленія отъ стези здоровой политики, коему предались почти всѣ первостепенныя Державы, кромѣ одной Россіи? Потомство съ трудомъ повѣритъ, что Австрія, Франція и Пруссія услышали сей трубный гласъ съ притворною холодностію и съ неизяснимымъ равнодушіемъ. Онѣ отвѣтствовали поздравленіями Державному узнику и изъявили согласіе и удовольствіе, какъ бы не постигая, что съ симъ происшествіемъ ожила Французская революція, вызывающая на послѣднее единоборство наслѣдственную власть всѣхъ Царей земныхъ. Прикѣръ робости, или ослѣдленія, данный

первыми Дворами Европейскими, одушевилъ вездѣ наглую предпримчивость возмутителей. Ибо Испанская конституція, начертанная людьми, не внимавшими наставленіямъ исторіи и опытности, носила отпечатокъ необузданности; въ сравненіи съ нею Англійскіе уставы и Французская хатрія казались твореніемъ самовластиа. Кортесы лишили Королевскую власть всѣхъ неотъемлемыхъ ея преимуществъ. По ихъ конституціи проекты новыхъ учреждений получили законную силу безъ Королевскаго утвержденія, по настоянію Государственныхъ Чиновъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ. Безсмѣнная депутація, во время отсутствія Кортесовъ, долженствовала наблюдать за всѣми дѣйствіями Правительства. Союзные и торговые договоры съ иностранными народами, заключенные безъ созволенія Кортесовъ, признаваемы были ничтожными. Наконецъ воспитаніе и бракосочетаніе наслѣдника престола зависѣли отъ ихъ воли. Всѣ подробности вполне соответствовали симъ кореннымъ уставамъ и вели Испанію къ многоначалію и безначалію посредствомъ ниспроверженія всякаго равновѣсія между стихіями политическаго состава. Изуродовавъ такимъ образомъ Монархическую систему, послѣдователи Французскихъ крамольниковъ намѣревались далѣе простерть свои враждебные замыслы. Они съ посмѣяніемъ превозносили снисхожденіе, оказанное имъ древними Монархіями. Одна Россія, отложивъ страхъ, недоумѣніе и притворство, изумила Южныхъ мятежниковъ искреннимъ отвѣтомъ, обличавшимъ беззаконное ихъ начинаніе. Графъ Каподистрія, по волѣ Александра, возразилъ, на общительную ноту Испанскаго Посланника, что «Государь, пріемля нелицемѣрное, дружественное, участіе во всемъ, касающемся до благосостоянія союзной Державы, не можетъ и не обязанъ признать законнымъ порядка вещей, введеннаго насильственными и преступными средствами, что Его Величество не дозволяетъ себѣ судить о достоинствѣ и пользѣ возвѣщаемаго ему преобразованія, по съ всѣмъ тѣмъ не признаетъ и не одобритъ снаго, доколѣ виновники постыднаго бунта не подвергнутся взысканію по дѣламъ и заслуженному ими позору.» Тщетно посланникъ, Г. Зеа Бермудецъ, старался, по долгу званія своего, если не по собственному убѣжденію, доказать нашему Кабинету, что Великолуцкій Договоръ, заключенный въ 1812 году, связывалъ Россію, признавшую тогда законное существованіе Кортесовъ и ихъ кон-

ституціи; Александръ 1-й пребылъ непоколебимымъ въ благородной рѣшимости отринуть всѣ домогательства вооруженныхъ самозванцевъ, лишившихъ свободы Короля Фердинанда. Если бы единогласіе Державъ первостепенныхъ поддержало въ семъ случаѣ голосъ Россіи, то нѣтъ сомнѣнія, что Испанская революція, уstraшенная мощными преградами, не потрясла бы спокойствія Италіи и, вѣроятно, остановилась бы при самомъ своемъ источникѣ. Благоразумные ревнители общаго блага совѣтовали тогда употребить миролюбивыя усилія къ тому, чтобы, не оскорбляя горделивой Испанской независимости, склонить Короля и Кортесовъ къ необходимымъ измѣненіямъ превозглашенной ими демокгической конституціи. Убѣжденія и внушенія, устремленные къ сей спасительной цѣли со стороны всѣхъ союзныхъ Державъ, представлялись умѣстными и благовидными по тому болѣе, что хартія Кортесовъ явно нарушала святость и благонадежность договоровъ между Испанією и остальною Европою. Основываясь на правахъ народныхъ и на примѣрѣ другихъ Государствъ, не трудно было доказать, что и въ самыхъ ограниченныхъ Монархіяхъ право вести переговоры и заключать трактаты всегда и вездѣ принадлежало исключительно Вѣщеносцамъ; что Кортесы, подчинивъ въ семъ отношеніи, Короля Испанскаго волѣ народнаго собранія, испровергли взаимное довѣріе народовъ и единственное ручательство данныхъ ими обязательствъ, и по тому Европа настоятельно требуетъ отмѣненія всѣхъ статей конституціи, несомнѣстныхъ съ народнымъ правомъ, или, въ противномъ случаѣ, объявивъ недѣйствительными прежніе договоры, заключенные въ пользу Испаніи, прекращаетъ всѣ сношенія съ оною. Столь благонамѣренное и законное посредничество, конечно, послужило бы опорою для Короля и благомыслящей части народа; и если бы Кортесы, избѣгая разрыва съ цѣлою Европою, однажды допустили пересмотръ хартіи, съ намѣреніемъ устранить ея несообразности съ народнымъ правомъ, то можно было бы ожидать и другихъ перемѣнъ въ сущности и направленіи составныхъ частей сего Государственнаго кореннаго учрежденія. Исаполитанскіе мечтатели, безъ сомнѣнія, не посмѣли бы начать мятежа подъ отверженною хоругвію. Къ несчастію, главные Кабинеты, кромѣ С.-Петербургскаго, предались безечности, по тому ли, что безначаліе въ Испаніи показалось имъ явленіемъ отдѣльнымъ и лишнимъ зара-

зительной силы, или, вѣроятнѣе, по тому, что нѣкоторые изъ союзниковъ тайно желали возмущенія на другомъ Южномъ полуостровѣ, дабы благовиднѣе подвергнуть Италію продолжительному военному присмотру. Какъ бы то ни было, безпечность и коварство равно слѣпотствовали, извиваясь надъ зіяющею бездною, въ которую едва не обрушилось все новое политическое зданіе Европы! Замѣчательно, что Лондонскіе радикалы и Парижскіе Якобинцы, допустивъ въ Испаніи всѣхъ противниковъ Королевской власти, предали ихъ по томъ беззащитныхъ въ жертву злополучію, не оправдавъ ни одной изъ надеждъ, произведшихъ гибельное обольщеніе. И подлинно, Испанскіе мятежники, повинаясь указаніямъ главныхъ зачинщиковъ всемірной крамолы, рѣшились свергнуть Правительство, въ двоякой твердой увѣренности, что наставники ихъ не позволятъ царствующему во Франціи Дому Бурбоновъ вступить за потомка Филиппа V и Людика XV, и что воцареніе конституціи Кортесовъ сильно подѣйствуетъ на отпадшія колоніи Южной Америки и снова привлечетъ ихъ къ первоначальному ихъ средоточію. Но заманчивые обѣты не сбылись; справедливое опасеніе, болѣе нежели родственная связь, вооружило Бурбоновъ противъ независимаго имъ сосѣдства буйныхъ преобразователей, а Южная Америка, въ чадѣ рождающихся замысловъ и надеждъ, внимала единственно внушеніемъ Англійскихъ торгашей, алкавшихъ богатства роскошной природы и рѣшившихся навсегда отторгнуть необъятныя страны сіи отъ подданства Испаніи. Впрочемъ, кто знаетъ, не погрѣшили ли противъ истинныхъ своихъ выгодъ и тѣ хитрые умствователи, коихъ двусмысленная политика довершила разрывъ между Испанією и ея испанскими владѣніями Новаго Свѣта?

Не долго Испанская революція оставалась въ естественныхъ своихъ предѣлахъ. Огонь, вспыхнувшій въ Мадридѣ, стелясь неугасимымъ пламенемъ по морю Средиземному, въ короткое время достигнулъ прелестныхъ береговъ Неаполитанскаго залива, или лучше сказать, революціи, подобно вулканамъ, соприкасаются невидимыми, подземными, проводами. Но не упреждая стремительнаго хода происшествій, обратимся снова къ намѣреніямъ и дѣйствіямъ Россіи.

Еще до взрыва Неаполитанской революціи первостепенныя Державы постановили общій сѣздъ Монарховъ въ Троппау, го-

родкѣ Австрійской Силезіи, для совѣщанія о безопасности Европы, угрожаемой со всѣхъ сторонъ воскресшимъ буйствомъ крамоль и духомъ злоумышленія. Хотя частое возобновленіе Конгрессовъ, отвлекавшее Императора Александра отъ благотворныхъ попеченій и занятій внутри Государства, не представляло Россіи ни какихъ прямыхъ выгодъ; ибо отечество наше, во всѣхъ отношеніяхъ самобытное, не нуждалось въ чужой помощи; но возстановитель мира и порядка въ Европѣ, заботясь о сохраненіи всеобщаго спокойствія, купленного цѣною крови, согласился и на сей разъ имѣть свиданіе въ Троппау съ разномыслящими своими союзниками. Прибывъ въ Варшаву, въ сопровожденіи Графа Каподистрії, Императоръ опровергалъ доводы, предлагаемые вѣрнымъ слугою къ отклоненію Конгресса, и между прочимъ указалъ ему возможность примѣнить къ существенности актъ Священнаго Союза, который доселѣ оставался нѣмымъ памятникомъ, мертвымъ письменемъ въ области умозрѣнія. Сколь ни слаба была надежда склонить къ таковому предпріятію Министровъ союзныхъ Державъ, однако Графъ Каподистрія съ жадностію усвоилъ себѣ возвышенную мысль Друга человечества и вознамѣрился, еще до открытія Конгресса, изложить предъ Государемъ главнѣйшіе выводы Священнаго Союза, приспособленнаго къ взаимнымъ сношеніямъ народовъ Христіанскихъ. Часть важнаго труда досталась въ удѣлъ автору сихъ историческихъ сказаній. Надлежало доказать основательнымъ примѣненіемъ къ народному праву, что благочестивыя правила и высокіе обѣты договорившихся сторонъ не ограничивались призраками мечтательнаго совершенства, недоступнаго въ быту Государственномъ, но что, напротивъ того, довольно было одного единодушнаго изволенія членовъ Союза, чтобы отвлеченныя начала онаго сдѣлались плодотворными. Сверхъ сего надлежало указать на быточные улучшения, избѣгая крайностей и не стѣсняя независимости Державъ, и обнаружить возможность успѣховъ по стезѣ, проложенной Трактатомъ 14 Сентября, 1815 года. Во первыхъ, Христіанское братство между Вѣнценосцами и народами требовало отмѣненія многихъ непріязненныхъ и безчеловѣчныхъ обычаевъ, узаконенныхъ давностію, каковы, на примѣръ: право вычета съ имущества умершихъ иностранцевъ, право хищнаго присвоенія пожитковъ тѣхъ, которые претерпѣваютъ кораблекрушеніе у чужаго берега, право

раздавать въ военное время патенты морскимъ удалцамъ, для преслѣдованія купеческихъ судовъ воюющей Державы, безъ различія между вооруженными и беззащитными судами, между государственнымъ и частнымъ имуществомъ. И подлинно, справедливо ли допускать гнусное, варварское, своевольство на моряхъ, когда народное право войны установило на твердой землѣ спасительныя правила, ограждающія частную собственность и безопасность мирныхъ гражданъ? Справедливо ли стѣснять права морскаго неутраитета, признавъ ненарушимость онаго на сушѣ? Какъ Христiанскимъ союзникамъ не уничтожить пагубнаго преимущества, по коему сухопутный разбойникъ, обреченный плахѣ, на морѣ уже болѣе не повиненъ суду и прiемлетъ почетное названiе корсара и арматора? Далѣе, сообразно съ Христiанскимъ ученiемъ, поколику оно совмѣстно съ естественнымъ состоянiемъ Державъ независимыхъ, предлагаемо было постановить, съ общаго согласiя, чтобы впредь объявленiю войны всегда предшествовалъ посредническiй судъ, не для прекращенiя возможности воевать, (это была бы несбыточная мечта), но, по крайней мѣрѣ, для уличенiя стороны неправой. Наконецъ, всѣ Державы приглашаемы были къ взаимному обязательству, не предпринимать путешествiя около свѣта, или въ отдаленныя, невѣдомыя, страны шара земнаго, не прiобщивъ къ расчетамъ торговли, или, къ попыткамъ любознанiя, благовѣстiя святой Христiанской истины. Вотъ главныя предложенiя заниски, которую Графъ Каподистрiя представилъ на благоусмотрѣнiе Императора. Она, конечно, не обнимала предмета во всей его обширности, за то здравыя сiи разсужденiя очевидно доказывали возможность осуществить братскiй и Христiанскiй союзъ. Не вдаваясь въ поэтическiе вымыслы, не извлекая изъ онаго послѣдствiя, благотворныя для всего человѣческаго рода, не вызывая здѣсь золотаго вѣка, все клонилось къ распространенiю на земли царства Христова, съ медленною постепенностiю, свойственною прочному преуспѣянiю добра въ дольнемъ нашемъ мiрѣ:

Содержанiе сей записки удостоилось одобренiя Монаршаго; но засѣданiя Троппавскаго Конгресса (онѣ начались 8 (20) Октября, 1820 г.), получили направлениe, совершенно противное помысламъ, обнимавшимъ благо Христiанства, безъ всякой примѣси свос-

корыстія. Нелицемерный ужасъ, произведенный повсемѣстными возстаніями, и притворная пріязнь къ намъ, вынужденная обстоятельствами, таковы были главныя пружины политической дѣятельности иностранныхъ Полномочныхъ, и въ особенности Австрійскаго Кабинета. Прѣшія были продолжительны. Разразившаяся въ Неаполѣ гроза, 9-го Іюля, 1820 года, кровавыя явленія въ Сициліи и провозглашеніе въ Италіи Испанской конституціи, претворили прежнее равнодушіе Австріи къ Испанскимъ переворотамъ въ дѣятельное негодованіе. По настояніямъ Князя Меттерниха, въ семь случаевъ общепользнымъ, предложенія Короля и Парламента Неаполитанскаго были отринуты. Въ отвѣтъ на оныя, именемъ Союзныхъ Государей, объявлено было имъ, что, не признавая дѣйствій Правительства, находящагося подъ насильственнымъ вліяніемъ общества Карбопаровъ, Державные Союзники приглашаютъ Короля Неаполитанскаго въ городъ Лайбахъ (Люблину) * для свиданія и разсужденія о мѣрахъ къ возстановленію въ его владѣніяхъ тишины и законнаго устройства.

Между тѣмъ разногласіе Полномочныхъ обнаружилось въ опредѣленіи дѣятельнаго участія, какое Россія долженствовала принять въ прекращеніи Италійскаго возмущенія. Графъ Каподистрія утверждалъ, что посредничество Папы, какъ Монарха и Главы Западной Церкви, могло способствовать умиротворенію Италіи, и что если бы оно оказалось безуспѣшнымъ, тогда только необходимость, смирить возмутителей общаго спокойствія вооруженною силою, была бы законна, но и въ семь послѣднемъ случаѣ Каподистрія считалъ достаточнымъ возложить военныя дѣйствія на одну Австрію, по праву сосѣдства, не связывая Россію общаніемъ выслать, въ подкрѣпленіе ея, вспомогательное войско. Противники сего мнѣнія указывали на немовѣрно быстрые успѣхи революціи, и утверждали, что одинъ наступательный союзъ съ Россіею могъ разрушить дерзкіе замыслы мятежниковъ, ободряемыхъ отреченіемъ Лондонскаго Кабинета отъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла независимыхъ народовъ. Что жъ касалось до благоразумнаго предложенія, избрать предварительно посредникомъ въ сей распрѣ Римскаго Первосвященника, угро-

* Такъ туземцы Славянскаго племени называютъ этотъ городъ.

жаемого близкимъ возмущеніемъ, Князь Меттернихъ не опровергнулъ онаго умственными доводами и возраженіями, но предпочелъ упредить сіе примиреніе въ самомъ Римѣ. Гонецъ его обогналъ нашего фельдъегеря и привезъ Австрійскому Посланнику новыя наставленія не безплодныя. Г. Лебцельтернъ умѣлъ склонить Римскій Дворъ на свою сторону, и Папа рѣшительно отказался отъ предложеннаго ему посредничества. Можетъ быть, спокойствіе Италія требовало сей развязки. Австрійская рать двинулась впередъ, и Союзныя Монархи прибыли въ Лайбахъ 3-го Генваря, 1821 года. Туда же пріѣхалъ престарѣлый Король Неаполитанскій, чтобы отречься отъ обѣтовъ, данныхъ имъ Парламенту при выѣздѣ изъ своей столицы. Событія изглаживались событіями: въ Піемонтѣ вспыхнуло возмущеніе посреди войскъ. Австрійскій военачальникъ, Графъ Бубна, мудрою рѣшительностію и быстротою движеній сокрушилъ бунтъ въ самомъ его началѣ. Но все свидѣтельствовало о крайней опасности и гибельномъ распространеніи по Италіи однихъ и тѣхъ же навѣтовъ противъ узаконенныхъ властей. Желаніе воздвигнуть надежный оплотъ, могущій остановить разлитіе бурнаго потока, склонило Императора Александра къ тѣснѣйшему соединенію съ Австріею. Генералу Ермолову ввѣрилъ онъ начальство надъ вспомогательнымъ корпусомъ, уже выступившимъ за границу.

Слава громкихъ, несмѣтныхъ, побѣдъ, всегда благотворныхъ челоуѣчеству, предшествовала нашимъ полкамъ. Вѣнскій Дворъ, настоятельно требовавшій ихъ содѣйствія, замѣтивъ въ народѣ незлѣпый страхъ при появленіи Русскихъ, поспѣшилъ отклонить дальнѣйшее шествіе вспомогательнаго воинства, содѣлавшагося бесполезнымъ; ибо поборники Неаполитанской свободы, не дождавшись нападенія Австрійцевъ, разсѣялись, какъ бѣглыя, лѣтнія, облака на небѣ полуденномъ. Главныя зачинщики скрылись; Парламентскіе ораторы онѣмѣли; все покорилось. Но многочисленныя охранительныя полки оставлены были въ Королевствѣ на нѣсколько лѣтъ, въ залогъ спокойствія. Испанскую хартію, какъ талисманъ надежный, вывезли обратно въ Испанію, и посрамленная партія либераловъ, проклиная малодушіе Неаполитанцевъ, отказалась на время отъ всякаго посягательства въ странѣ, еще не довольно обработанной обществами Карбонаровъ.

Эпоха Лайбахскаго Конгресса ознаменовалась и третьимъ неожиданнымъ потрясеніемъ на Востокѣ, оросившемъ кровію обветшалую колыбель древняго міра. Но, не приступая къ описанію происшествій, столь близкихъ къ Россіи, мы должны обозрѣть въ послѣдній разъ положеніе Европы и постепенно измѣнившуюся политическую систему ея съ 1815 года до роковаго 1821, вѣчно памятнаго кончиною Наполеона и началомъ губительной борьбы между Турками и Греками.

Всеобщій восторгъ, овладѣвшій народами Европейскими въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, по законамъ нравственной природы человѣческой, не могъ простерть своего вліянія за предѣлы великаго подвига. Съ паденіемъ общаго врага, единодушіе, порожденное опасностію и сохраненное Христіанскою мудростію Александра I-го, исчезло. Частные виды, козны, соображенія, страсти Правительствъ и народовъ, появились снова на опустѣломъ поприщѣ, гдѣ грозный исполнѣе все сосредоточивалъ своимъ присутствіемъ. Не стало властолюбиваго міродержца, и всѣ клеветы, ланники его могущества, запымали властолюбіемъ. Народы, отслуживъ крестовой походъ, чаяли въ награду получить мечтательное благоденствіе. Въ сію годину обновленія Вѣнценосцы, низложивъ сына побѣды, забыли взлелѣвавшую его революцію, а народы о ней вспомнили. Люди Государственные, мужи совѣта, почли революцію низведенною въ могилу завоевателя, а она воскресла, торжествовала казнь и павшій опаснѣйшаго для нея противника. Таковы были главные примѣты общаго заблужденія умовъ, при заключеніи въ 1815 году втораго Парижскаго мира. Трудно было начертать и проложить средній путь между сими гибельными крайностями. Императоръ Александръ, покрывъ щитомъ Россіи владыкъ земныхъ, по врожденному великодушію, благопріятствовалъ огражденію народныхъ правъ и всемѣрно старался, сліяніемъ прошедшаго съ настоящимъ, упрочить будущее благоденствіе всей Европы. Не обрѣтая искреннихъ, единомыслящихъ, сотрудниковъ въ семъ важномъ предпріятіи, Александръ I-й искалъ краеугольнаго камня для новаго зданія внѣ круга тѣсныхъ выгодъ и зыбкаго равновѣсія въ ученіи вѣры Христіанской. Всомірный переворотъ, начавшійся нечестіемъ, онъ желалъ прекратить возвращеніемъ народовъ къ благочестію, къ

сей зиждительной силѣ общежитія. Отъ сего высценнаго стремленія ума его возникъ Священный Союзъ, упраздненный суетою человѣческою, но пребывающій въ исторіи памятникомъ прозорливости Александра. Самое покушеніе основать Христіанское братство Царей и народовъ доказываетъ, что онъ проникалъ мыслию въ тайну грядущаго, видѣлъ пропасть подлѣ каждого трофея, измѣрялъ опасности непадежнаго мира и не почиталъ онаго твердымъ, докопѣ взаимныя обязанности и права властителей и подданныхъ не освятятся печатью примиренія съ Небеснымъ Законодателемъ.

На основаніи и по точному смыслу сего договора, заключеннаго въ самомъ городѣ, гдѣ за двадцать лѣтъ предъ симъ, въ народномъ собраніи, безумцы отрицали бытіе Божіе, утвердился всеобщій союзъ между Державами Христіанскими, обеспечивавшій неприкосновенность правъ cadaго Правительства и народа, столь долго стѣсняемыхъ мятежнымъ духомъ революціи, или самовластіемъ ненавистнаго завоевателя. Съ 1815 по 1819 годъ благотѣльная система всеобщаго союза, вопреки случайнымъ отступленіямъ отъ оной, доставила Европѣ всѣ выгоды мира, согласія и животворнаго, но не враждебнаго, соревнованія между народами. Частныя распри не раждали пагубнаго раздора; первенство главныхъ Державъ, по примѣру Россіи, ознаменовывалось однимъ миролюбіемъ, и, кромѣ упраздненнаго въ 1815 году тайнаго трактата, преданнаго великодушному забвенію Императоромъ Александромъ, ни какой отдѣльный союзъ не нарушалъ гармоніи общаго соединенія. Лишь одно исключительное владычество Англичанъ надъ морями противорѣчило спасительному правилу водворившагося между Державами равенства и отнимало возможность мало по малу распространить примѣненіе началъ Христіанскаго братства. Трезубецъ Нептуна остался повелительнымъ скипетромъ и залогомъ неограниченной власти надъ всеобъемлющею стихіею. По сему морское право ни чѣмъ не улучшилось; Варварійскіе хищники остались не покоренными, къ стыду просвѣщенной Англіи и Европы; отпаденіе пространныхъ Испанскихъ колоній превратилось въ неисцѣлимую рану; столбавый бунтъ Южной Америки раздробился на части, равно терзаемыя междоусобіемъ, донынѣ нылающимъ, подобно безчисленнымъ жерламъ Кордиль-

ерскихъ огнедышащихъ горъ. Торговля соображенія ввергли въ пучину бѣдствій сія обширныя страны, не созрѣвшія для независимости. Наступила эпоха открытія Аахенскаго Конгресса, эпоха примиренія Франціи съ Европою, по видимому, возжелѣнная. Но державный совѣтъ Монарховъ тогда же неумышленно положилъ начало разрушенію политическаго зданія, которое надлежало довершить. Единомысліе Лорда Кастльри и Князя Меттерниха было причиною роковой перемѣны, вооружившей всѣхъ наѣтниковъ законной власти противъ мнимаго властолюбія первостепенныхъ Дворовъ. Не взирая на очевидность, приличія и общественную пользу, Великобританія и Австрія употребили всѣ усилія къ тому, чтобы простерть четверовластный Шатильонскій союзъ за предѣлы предоставленной оному законной цѣли. Отъ сего неумѣстнаго, вынужденнаго, соображенія поколебалось довѣріе слабыхъ Державъ къ водительство Государствъ первостепенныхъ; Европейскій союзъ, запечатлѣнный священнымъ договоромъ 14 (26) Сентября, 1815 года, рушился; основателямъ оного общее мнѣніе начало приписывать намѣренія властолюбивыя, и въ особенности Россія, приставъ къ системѣ трехъ своихъ союзниковъ, лишила себя права и возможности покровительствовать слабымъ и ограждать бытіе ихъ отъ преобладанія сильныхъ. Испанія, Португалія, Баварія, Сардинія, тщетно домогались ближайшаго союза съ Россіею. Просьбы ихъ отринуты, изъ уваженія къ четверовластному союзу. Но что могло побудить Александра I-го отказаться отъ выгодъ очевидныхъ, сопряженныхъ съ истинною славою, симъ естественнымъ удѣломъ благотворнаго могущества, симъ насущнымъ хлѣбомъ Россіи? Безъ сомнѣнія, не одно желаніе угодить Австріи, Пруссіи и Англіи, желаніе, не совмѣстное съ твердосію духа его. Мудрый и кроткій Государь, усматривая, съ одной стороны, недостаточность Священнаго Союза, къ коему приступили Державные сподвижники его, безъ внутренняго убѣжденія, съ другой, разгадавъ наветы и замыслы всемірной крамолы, еще сокрытые во мракѣ тайныхъ обществъ, рѣшился на время поддержать возобновленный въ Аахенѣ Шатильонскій договоръ, какъ единственный залогъ отраженія будущихъ опасностей. Онъ увѣрился, что средоточіе, движущая сила всѣхъ возмущеній, таится въ Парижѣ, * и непрерывный рядъ потрясеній

* Подъ названіемъ: Comité-Directeur. Послѣ губельнаго переворота, совер-

съ 1820 по 1831 годъ вполнѣ оправдалъ его предусмотрительность. Со всѣмъ тѣмъ, взаимныя отношенія Россіи и Европы измѣнились на Аахенскомъ Конгрессѣ: отечество наше утратило большую часть драгоцѣннаго вліянія своего на умы современниковъ и, въ замѣнъ, не стяжало чаемой искренней пріязни своекорыстныхъ союзниковъ. Всѣ спасительныя предначертанія Священнаго Союза прослабы мечтами, несбыточными сновидѣніями. Существенныя бѣдствія, бунтъ въ Испаніи и Португаліи, возстаніе шумныхъ Неаполитанцевъ, мятежъ въ Пиемонтѣ, Германскія неустройства, волненіе умовъ во Франціи и убійство Герцога Беррійскаго, отвлекли вниманіе Монарховъ отъ блага человѣчества, устремивъ оное на необходимость собственной ихъ обороны. Закрылся грозный, орлиный, взглядъ Наполеона, и зловѣщія предчувствія его начали сбываться. * Революція ожила; взросшее подъя хоругвию поколѣніе молодыхъ людей возмужало; сѣмена, брошенныя Якобинцами во всей Европѣ и подавленные Наполеономъ, взошли; недобросовѣстная политика нѣкоторыхъ Кабинетовъ ускорила начало роковой борьбы, продолжающейся и донынѣ съ невѣроятнымъ уиорствомъ. Къ усугубленію всеобщей напасти, въ томъ же 1821 году Востокъ, издревле неподвижный, усиленный, воспринялъ. Коварные, но педальновидные, друзья Порты, которые въ теченіи пяти лѣтъ совѣтовали Султану отклонять нелѣпыми отлагательствами мирныя предложенія Россіи, ужаснулись при видѣ послѣдствій ложной ихъ системы закоснѣнія и зложелательства, но уже было поздно! Порядокъ повѣствованія привелъ насъ къ сей печальной эпохѣ, столь гибельной для Христіанства. Ею начнется третья и послѣдняя книга сихъ сказаній. Мы увидимъ, до какой степени возстаніе Греціи содѣйствовало къ смѣненію понятій, годъ отъ году возрастающему въ просвѣщенной Европѣ; какими жертвами Россія покушалась отвратить разрывъ Державнаго союза; наконецъ, съ какимъ искуснымъ лицемѣріемъ

шившагося во Франціи въ 1830 году; бытіе тайнаго Комитета ужъ болѣе не подлежитъ сомнѣнію. Черпенствующіе члены оного сознаются теперь съ самохвальною пагостію въ тогдашнихъ своихъ ковахъ. Такъ заигнатели превозносятъ себя надъ дымящимся пепелнщемъ.

См. Записки на островѣ Св. Елены, изданныя Ласъ-Казомъ.

Европейскіе мятежники умѣли воспользоваться равнодушіемъ Кабинетовъ къ гибели Восточныхъ Христіанъ, чтобы повсемѣстно возбудить негодованіе народовъ, и тѣмъ подрывать основы законной власти. Святое имя Христа, ненавистное для питомцевъ революціи, громко отозвалось въ устахъ зачинщиковъ безначалія, на зло недоумѣвающимъ Правительствамъ.

Ходъ происшествій посрамилъ недалководидную политику Государственныхъ людей, почитавшихся искуснѣйшими; брань, по словамъ Св. Писанія, уже не относилась къ плоти и крови, т. е., къ вещественнымъ выгодамъ того, или другаго, Государства; она возгорѣлась, и донынѣ свирѣпствуетъ, между духомъ вѣры и вѣрности и между враждебною силою умственного безначалія. Вотъ отличительная черта послѣдняго десятилѣтія, столь обильнаго бурными превратностями. Оно унесло съ собою въ лоно мирной вѣчности Александра Благословеннаго, вѣрнаго ему совѣтника, Графа Каподистрію, обреченнаго на мученическую кончину.

КНИГА III.

Отъ возстанія Греціи до кончины Правителя Греціи, Графа И. А. Каподистрии, случившейся 27 Сентября, 1831 года.

Совѣщанія Вѣнценосцевъ еще продолжались въ Лайбахѣ, у подошвы Альпійскихъ горъ, коихъ вѣчная грань отдѣляетъ Германію отъ Италіи. По ту сторону снѣжнаго хребта, на цвѣтущихъ равнинахъ Піемонта и части Ломбардіи, кипѣло возмущеніе подъ общемою для всѣхъ крамоль хоругвию Испанской конституціи; Король, Викторъ-Эммануилъ, по примѣру предшественниковъ своихъ, произнесъ отреченіе отъ терноваго вѣнца, поруганнаго своевольствомъ; ближайшій къ трону, Принцъ Кариньянскій, служилъ возмутителямъ, въ надеждѣ воцаренія надъ ними; Австрійскій Генераль Бубна устремился на скопища вооруженныхъ преобразователей; и всѣ сіи происшествія, быстро слѣдующія одно за другимъ, привлекали къ сей странѣ вниманіе Союзниковъ, встрево-

женныхъ необязательно мятежей и заговоровъ по всей Южной Европѣ. Базалось, что мѣра злополучія преисполнилась и не откуда было ожидать новыхъ тревоженій вѣдъ круга настоящихъ бѣдствій. Такъ думали люди Государственные (ибо даръ пророчества исключительно принадлежитъ вѣдѣ, или безстрастию), какъ внезапно пронесся слухъ, и за онымъ прибылъ въ Лайбахъ гонецъ съ извѣстіемъ о вторженіи Генераль-Маіора Россійской службы, Князя Александра Ипсиланти, въ Молдавію, Февраля 22 дня, 1821 года. Изумленіе, страхъ, подозрѣніе и ярость овладѣли членами Конгресса при полученіи сей загадочной вѣсти. Догадки, опасенія таинниковъ политической науки, всѣ ихъ распросы мѣтили на Россію, межъ тѣмъ какъ Императоръ Александръ и окружающіе его Министры не менѣе прочихъ поражены были столь неожиданнымъ нарушеніемъ всемірнаго спокойствія и не знали, чему приписать неизъяснимую, безвременную, дерзость Ипсиланти и его сообщниковъ. Вскорѣ появились громкое, неслѣное, воззваніе его къ жителямъ Молдавіи и Валахіи и письмо къ Императору, отправленное имъ изъ Яссы, чрезъ посредство Россійскаго Консула.

Прокламація Ипсиланти, кромѣ изложенія причинъ, оправдывающихъ возстаніе Греческаго народа на притѣснителей его вѣры и гражданскаго бытія, не заключала ни какихъ указаній на мощное содѣйствіе какой либо Державы. Двусмысленное въ подлинномъ воззваніи выраженіе *Δυναμὶς* могло равно означать Державу, или нравственную силу. И по тому, кто только алкалъ перемѣны въ предѣлахъ Турціи, тотъ разумѣлъ подъ симъ выраженіемъ Россію, хотя Ипсиланти, подъявшій знамя народнаго возстанія, самъ въ послѣдствіи изъяснилъ свое обѣщаніе въ отвлеченномъ смыслѣ, сказавъ неудомявающимъ сподвижникамъ, что Сила или Держава, поборствующая его предпріятію, есть не что иное, какъ духъ времени.

Письмо Князя къ Императору дышало патріотическимъ восторгомъ и заключалось мольбою о заступленіи народа страждущаго подъ игомъ Турецкимъ, именемъ единовѣрія и человѣчества. Получивъ сіи разительныя предвѣстія близкихъ и неотвратимыхъ бѣдствій, Императоръ Александръ смутился духомъ, и въ сокрушенной душѣ Графа Каподистрії челолюбивый Монархъ

не могъ пойти желанной подиоры въ сію роковую годину испытанія. Борьба священнѣйшихъ чувствованій Христіанина съ обязанностями Вѣнценосца; состраданіе къ народу Православному, обманутому любимой мечтою заступленія Россіи и увлекаемому въ бездонную пропасть преступнымъ легкомысліемъ горсти мятежныхъ людей; страхъ расторгнуть союзъ, нужный для спокойствія цѣлой Европы безвременнымъ покровительствомъ единовѣрцевъ, и наконецъ, справедливое омерзѣніе ко всему, что могло казаться умысломъ коварнаго честолюбія, или слѣпымъ содѣйствіемъ замысламъ революціонной партіи въ Европѣ: всѣ сіи помыслы, опасенія и чувства, сильно обуревали умъ и сердце Александра и тяготѣли на совѣсти его, чуждой всякаго зазрѣнія, но тѣмъ болѣе склонной къ благочестивому недоумѣнію. Это былъ случай, къ счастью, рѣдкій въ лѣтописяхъ міра; стеченіе обстоятельствъ пагубныхъ и мрачныхъ, при появленіи коихъ потребна Царю мудрость не земная, но присѣдающая престолу Всевышняго и не всегда благодатію Его ниспосылаемая держащимъ судьбу человѣчества.

Прямые обязанности одержали верхъ надъ побужденіями души сострадательной. Императоръ торжественно отвергнулъ мольбы и домогательства Иисланти, осудилъ его предпріятіе, исключилъ его изъ военныхъ списковъ, и, какъ переметчика и нарушителя присяги, лишилъ чина и знаковъ отличія, нѣкогда заслуженныхъ имъ на полѣ чести. Въ слѣдъ за сими провозглашеніями вѣльно было Консуламъ нашимъ въ Молдавіи и Валахіи удалиться, а Россійскому Посланнику при Портѣ Оттоманской, Барону Строганову, поручено было объявить раздраженному Турецкому Правительству, что Россія чужда всякаго вѣроломнаго посягательства на безопасность его владѣній. И подлинно, что могло быть постыднѣе для великаго Государства, какъ сіе нападеніе въ распахъ на безпечнаго сосѣда, при безпрерывныхъ переговорахъ съ нимъ о возстановленіи прочнаго согласія? Довольно одного воззрѣнія на поприще Александра I-го, на твердыя его правила и славныя дѣла, ознаменованныя печатію неизмѣннаго велико-

* Князь А. Иисланти потерялъ правую руку въ сраженіи подъ Дрезденомъ 1813 года.

душія, чтобы разсѣять всякое подозрѣніе въ сообществѣ его политики съ нашествіемъ Князя Ипсиланти. Печальная необходимость, заставлявшая его оправдывать себя предъ зложелательнымъ судилищемъ встревоженной Европы, усугубила справедливое негодованіе Монарха къ зачинщикамъ отчаяннаго возстанія. Но какъ изобразить неизреченную его горестъ, когда на искренно миролюбивыя увѣренія Россіи изступленный Султанъ отвѣчалъ не словами мирными и не сѣлымъ объявленіемъ войны, но ужасами душегубства, пролітіемъ крови невинной, истязаніями безоружныхъ, поураніемъ святыни, тысячами смертей, казнями безъ суда, расхищеніемъ имущества избѣнныхъ жертвъ неутолимаго кроваваго безумія!

Въ сіе время Князь Ипсиланти, занявъ Яссы и Галацъ, также обезславилъ вступленіе свое въ Молдавію лютостями бесполезными. Его сообщники, ожидавшіе появленія вождя, изрубили въ сихъ двухъ городахъ небольшое число Турковъ, прибывшихъ туда по дѣламъ торговли. Кровопролітіе беззаконное и вредное по своимъ послѣдствіямъ; кровопролітіе ничтожное, ибо оно не могло ослабить свирѣпаго врага, ни выкупить потоковъ Христіанской крови, проліянной невѣрными въ продолженіе четырехъ мрачныхъ столѣтій. *

Нашествіе Князя Александра Ипсиланти, носимое имъ званіе Россійскаго Генерала, двусмысленныя выраженія его прокламаціи, произвели чрезмѣрное волненіе умовъ въ Молдавіи и Валахіи. Почетные Ясскіе Бояре тщетно старались разгадать тайну его появленія; но, судя по вѣроятностямъ разума и замѣтивъ бездѣйствіе тогдашняго Господаря, Михаила Суццо, природнаго Византійскаго Грека, они имѣли совѣщаніе въ Думѣ Боярской или Диванѣ, въ слѣдствіе коего единодушно рѣшили поднести незванному наѣзднику просьбу, на Высочайшее имя Августѣйшаго Покровителя ихъ отчизны, заключающую изъявленіе безусловной преданности волѣ его, какъ скоро она будетъ объявлена имъ, и моленіе о защитѣ страны, невольнаго подпавшей гнѣву и подозрѣніямъ Султана. Избранныя Диваномъ особы явились къ Князю

* Считаю отъ завоеванія Цареграда Магометомъ II въ 1453 году и не восходя далѣе сей плачевной эпохи.

Ипсиланти съ сею просьбою, но онъ не принялъ ее, и при томъ объявилъ изумленнымъ и робкимъ старѣйшинамъ оскорбленнаго имъ народа, что ходатайствовать о Молдавіи обязанъ Россійскій Консулъ, и что онъ — не Посланникъ Русскаго Царя, но просто Греческій противникъ Турціи, — ἀποστάτης Γρατικός: добросердечное признаніе истины, вырвавшееся въ ту минуту изъ устъ его, но не совсѣмъ благопріятное будущимъ его успѣхамъ! Завѣса спала съ глазъ ослѣпленныхъ жителей Молдавіи, и Ипсиланти остался одинъ на полѣ страшнаго единоборства съ цѣлою Имперіею, все еще сильною, хотя и обремененною вѣковыми проклятіями страждущаго Христіанства. Геній его не соотвѣтствовалъ отважности начинанія; юный патріотъ съ горстію ненадежныхъ клеветовъ сдѣлался жертвою лъстивыхъ обѣщаній тайнаго общества; онъ могъ только издать трубный гласъ, повторенный въ дальнемъ Греческомъ полуостровѣ; однакоже при звукахъ сихъ стѣны Византійскія не обрушились, какъ древле стѣны Іерихонскія, и вопли погибавшихъ въ Константинополѣ Христіанъ откликнулись дерзкому его воззванію. Чтобы уразумѣть дальнѣйшія ходъ и сцѣпленіе происшествій, я считаю нужнымъ на время перервать нить повѣствованія и обратиться къ сокровенному корню настоящихъ явленій. Читатели, конечно, вспомнятъ, что въ 1-ой и 2-ой книгѣ сихъ отрывковъ я не разъ указывалъ на отдаленныя причины, предуготовившія ужасный переворотъ 1821 года. Теперь надлежитъ дополнить печальную картину, обнаружить тѣсную связь прошедшаго съ настоящимъ и будущимъ, и выставить людей и частныя приключенія, ошибки политическія и различныя обаянія, отъ стеченія коихъ взрывъ 1821 года сдѣлался неизбежнымъ по закону правдивой необходимости. Первые признаки умственного пробужденія Греческаго народа, согбеннаго ярмомъ Турецкимъ, обнаружились въ царствованіе Петра Великаго. Въ одно время, т. е., въ началѣ X-го столѣтія, стало разсвѣтать въ Россіи и въ Греціи; хотя нельзя замѣтить ни малѣйшаго тождества между причинами, произведшими сію современную перемѣну. Съ 1453 до 1715 года Восточные Христіане пребывали неподвижными въ своемъ глубокомъ и безотрадномъ униженіи. Одна животворная сила святой вѣры питала и поддерживала народное ихъ бытіе, память прошедшаго, языкъ предковъ и какое-то общее безсмертное упованіе, переходящее изъ рода въ родъ. Тщетно кичливые завоева-

тели усиливались преобразить покоренныхъ ими Христіанъ въ поклонниковъ Лжепророка; тщетно Западныя Державы Европейскія, безумною и непріязненною политикою, притѣснили на Востокъ исповѣдниковъ Христа, по изувѣрному преданію времени Крестовыхъ походовъ; Греки, среди порабощенія, презорства и невѣжества, твердо стояли вѣрою за вѣру, укрываясь въ нетлѣнномъ ковчегѣ Святой Церкви отъ тайныхъ наводъ и явныхъ гоненій. И подлинно, число недруговъ сего злосчастнаго племени было велико! Мечъ Мусульманства, непріязнь Западной Церкви, отдѣлившейся отъ своего древняго корня, торговыя соображенія и происки Венеціанъ и Генуезцевъ, отпаденіе отъ истины вѣры большей части Азіятцевъ и многоихъ городовъ Европейской Турціи, наконецъ, въ XII столѣтіи сдруженіе Франціи съ Оттоманскою Портою, при Францискѣ I-омъ, вездѣ искавшимъ себѣ союзниковъ противъ Императора Карла V: все посягало на существованіе удрученнаго бѣдствіями народа, все грозило ему неминуемыхъ истребленіемъ. Православная Россія, терзаемая междоусобіемъ и внѣшнею войною, не могла простерть братолюбивыхъ попеченій своихъ за предѣлы омраченнаго непрестанными бурями Сѣвернаго небосклона. Въ вѣковой, попеременно, борьбѣ съ Татарами, Шведами и Поляками, Россія забывала о своихъ единовѣрцахъ, или изрѣдка вспоминала о горестной ихъ судьбѣ съ благочестіемъ, но безплоднымъ состраданіемъ.

Тѣмъ временемъ кровожадные, воинственные, Султаны, приводившіе въ трепетъ всю просвѣщенную Европу, поправъ обѣты, данныя Магометомъ II при сдачѣ Константинополя, похитили у Христіанъ лучшіе храмы, предоставленные ихъ богослуженію самымъ завоевателемъ, по ходатайству мудраго Патріарха Геннадія. Не довольствуясь оскверненіемъ святыни, расхищеніемъ имущества побѣжденныхъ, поруганіемъ женъ и дѣтей, варвары изобрѣли новое и вѣрное средство къ уничтоженію Христіанства. Они наложили на Грековъ ежегодно дань, состоящую изъ грудныхъ младенцевъ. Соны малолѣтнихъ, воспитанные въ Магометанскомъ законѣ, поступали въ составъ отборнаго войска, Яничаръ, слагавшаго изъ цѣлыхъ поколѣній безвишнихъ Христоотступниковъ. Сии неистовыя дружины, безродныя, дышали сугубою ревностію къ Корану и дѣятельно ограждали злѣтворное его ученіе, преподаю-

щее человечеству три главные догмата, заманчивые для грѣховной нашей природы; это: право сильнѣйшаго, фатализмъ, или слѣпая покорность неотвратимому Року, и сладострастіе. Такова была участь Греческаго народа и всѣхъ Восточныхъ Христіанъ подъ Турецкимъ игомъ, окруженныхъ, сверхъ того, недоброжелателями и лишенныхъ всякой помощи человѣческой; таково было горестное ихъ состояніе, не измѣнявшееся въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ. По вѣроятностямъ опыта и разума, Греческому имени надлежало бы исчезнуть съ лица земли, но оно уцѣлѣло, единственно силою имени Христова. Въ лоно Церкви сохранилась вѣра, увѣковѣченъ языкъ, который, безъ содѣйствія богослуженія, искажился бы совершенно отъ примѣси словъ Турецкихъ и Италіянскихъ, уцѣлѣли нравы, преданія и законы, наконецъ, сосредоточены слабые, но чистые, лучи древняго просвѣщенія въ самомъ святилищѣ благочестія. Подъ стѣною воинствующей Церкви, неутомимой посредницы между поработителями и поработченными, нѣкоторые и донинѣ пзвѣстные въ Греціи семейства посвятили себя, по преемству изъ рода въ родъ, преподаванію Еллипской Грамматики и древняго Витійства. Благоговѣнное, почти суевѣрное, усердіе сихъ наставниковъ къ языку и остаткамъ древней народнои славы отчасти замѣняло недостатокъ благоустроенныхъ училищъ и питало въ простолюдинахъ неугасимую любовь къ отечеству. Нѣтъ подобнаго примѣра въ Исторіи, нѣтъ предмета, достойнѣйшаго размышленію любомудраго наблюдателя. Въ 1572 году Лютеранскіе богословы Тюбингенскаго Университета, вопреки плѣну и крайнему униженію Восточной Церкви, обратились къ ученому Патріярху Іереміи съ подробнымъ, письменнымъ, изложеніемъ Протестанскаго ученія, испрашивая его мнѣнія объ ономъ. Переговоры сіи клонились къ утвержденію общенія Протестантовъ съ Православною Церковію и къ нанесенію тѣмъ поваго, чувствительнаго, удара Римскому престолу. Инокъ Гедеоиъ въ послѣдствіи издалъ драгоцѣную для Исторіи переписку Патріярха съ учеными Германцами. * Она показываетъ мудрость Святителя и почтеніе къ нему разномыслящихъ Христіанъ,

* *Κριτής τῆς ἀληθείας*, *Judex veritatis*, 2 тома на Греческомъ и Латынскомъ, напечатанные въ Лейпцигѣ 1758 года.

упорно отвергавшихъ всѣ древнія преданія Церкви. Въ сей перепискѣ безпристрастные умы почерпнутъ новыя доказательства истины, пререкаемой гордостію человѣческаю, что «вѣра во Христа освѣщаетъ всѣ полезныя знанія, но сама не отъ нихъ занимаетъ божественный свѣтъ, согрѣвающій сердца самыя ожесточенныя. Она есть свѣтильникъ, сіяющій во тмѣ, на вѣки зажженный небеснымъ лучемъ и не считаеми тухомъ земнаго вещества и человѣческаго мудрованія.»

Не суждено было Петру Великому дѣятельно способствовать возрожденію Грековъ. Геній его измѣрялъ будущее и предвидѣлъ для Россіи обильную жатву славы на Востокѣ, но исполненіе времени еще не настало. Христіане, опечаленные Прутскимъ миромъ, отложили утѣшительную надежду своего освобожденія; однако жъ, съ сею бѣдственной для нихъ эпохою началось новое лѣтосчисленіе преобразованной Россіи и пробужденной Греціи. Тогда люди знаменитые все приготовили для предпріятій Екатерины Второй, воздвигнувшей Петру Первому памятникъ не изъ одного Финскаго гранита. Событія славнаго ея царствованія относительно къ Востоку описаны мною во введеніи къ настоящимъ отрывкамъ. Теперь надлежитъ означить важнѣйшія послѣдствія завоеваній великой Монархини, и постоянное вліяніе оныхъ на судьбу Грековъ, вполнѣ созрѣвшую уже съ наступленіемъ грознаго 1821 года.

Отъ продолжительной борьбы Россіи съ Турціею произошли нравственное пробужденіе всѣхъ Восточныхъ Христіанъ, уместившее развитіе и образованіе Грековъ и непримиримая вражда къ нимъ Турецкаго Правительства. Со времени паденія Константинополя Турки презирали и ни во что вѣдали побѣжденныхъ, а съ заключеніемъ Кайнарджійскаго мира они начали ненавидѣть и страшиться ихъ, какъ союзниковъ Россіи. Тиранство разборчивѣе стало означать свои жертвы; люди, возвышающіеся надъ гнетомъ толпою, навлекали на себя опалу раздраженныхъ Султановъ. Вельможи, Господари, Духовные и предводители храбрыхъ горцевъ Эпира и Македоніи сдѣлались предметами то явного, то ухищреннаго, преслѣдованія. Многіе изъ нихъ искали убѣжища въ Россіи, водворялись подъ сѣнію ея, вознаграждаемы были за утрату всего роднаго и, наслаждаясь почетною безопасностію, выжидали благоприятнаго времени, для отмщенія буйнымъ своимъ

притѣснителямъ. Въ царствѣ Православию воспитываемы были дѣти изгнанниковъ, а оставшіеся подъ ярмомъ сродники ихъ и друзья утѣшались тайною надеждою побѣдоноснаго свиданія съ ними. При семъ волненіи умовъ настигла Европу и Грецію Французская революція, возникла Ионическая Республика, воскресло Греческое имя, мореплаваніе Идріотовъ и прочихъ островитянъ Эгейскаго моря обогатило приморскія города и сдружило жителей съ довольствомъ, науками, свободою и Европою. Въ пѣдрахъ страны, терзаемой тиранствомъ Порты и междоусобіями ея Пашей, образовались двѣ партіи: одна, Русская, подъ руководствомъ Византійскихъ Князей Димитрія Мурузи и Константина Ипсиланти, * другая, Французская, стоглавая, изъ среды коей появился Ригасъ съ сонмомъ удалцовъ, полуученыхъ, разоренныхъ торговцовъ, разстригъ и подобныхъ имъ искателей счастья.

Безпрерывныя превратности возбуждали страсти, надежды и замыслы обоюдныхъ противниковъ и устремляли умственные силы и вниманіе цѣлаго народа къ виѣшнимъ политическимъ событіямъ. Нравственный переворотъ совершался въ глазахъ Турецкаго Правительства, которое не постигало причины сего чудеснаго волненія Христіанъ и поражено было сугубою сѣнотою цвѣтжества и гордости. Нуждаясь, по Государственному управленію и по сношеніямъ съ Европою, въ просвѣщенномъ содѣйствіи почетныхъ Грековъ, Султаны Селимъ III, Мустафа и нынѣ владѣющій, Махмудъ, воспользовались рѣдкими дарованіями Князя Димитрія Мурузи, вѣрили ему должность Великаго Драгомана и возвели въ санъ Господарей старшаго брата его, Князя Александра, и Константина Ипсиланти. Въ душѣ Князя Димитрія пылала чистѣйшая любовь къ отечеству, озаряемая глубокомысліемъ. Онъ вознамѣрился дать благотворное направленіе политикѣ Султана; десницею его, дотолѣ карависею Христіанъ, улучшить горестную ихъ участь, и такимъ образомъ исторгнуть плевеы, посѣяныя на Востокъ мнѣжбою Французскою партіею. Онъ сдѣлался неутомимымъ ходатаемъ у Султанскаго стремени за попираемую Церковь, испросилъ позволеніе возсоздать падшіе храмы и построить новые, основалъ училища, учредилъ въ Константинополѣ обширную больницу для Христіанъ, умѣлъ оградить льготными фирманами со-

* Отецъ А. Ипсиланти, извѣстнаго своимъ отчаяннымъ предпріятіемъ.

зданныя имъ заведенія, поощрялъ ученыхъ людей, однимъ словомъ, мощно подѣйствовалъ на современниковъ своихъ и, въ виду озлобленныхъ на него клеветовъ Наполеона, безстрашно начерталъ имъ прямой путь къ возрожденію мимо отступничества отъ вѣры и Россіи Православной. Насталъ 1806 годъ, и разразилась гроза военная надъ уstraшенною Турціею. Россійскія войска, подъ предводительствомъ Михельсона, шагнули чрезъ Днѣстръ, овладѣли безъ выстрѣла Бендерами, Хотиномъ и заняли Молдавію. Сему печальному разрыву, отклоняемому смиреніемъ Порты, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ Валахскій Господарь, Князь Константинъ Ипсиланти. Узнавъ, что тѣсныя связи его съ Россійскимъ Дворомъ обнаружены, и что Порта внушеніемъ его приписывала тогдашнее возмущеніе Сербовъ и готовилась казнить его, какъ измѣнника, Господарь бѣжалъ въ предѣлы Россіи, на встрѣчу нашимъ войскамъ. Порта, сперва увлеченная происками Французскаго Посла, скоро раскаялась въ своихъ поступкахъ: возстановила отрѣшенныхъ ею Господарей, предлагала нашему Министерству всѣ возможные удовольствія за нарушение добраго сословія, но ужь было поздно; войска наши стояли за границею, и неблаговременный побѣгъ Князя Ипсиланти ускорилъ необходимость разрыва. Шесть лѣтъ длилась война, часто прерываемая мирными совѣщаніями обоюдныхъ Полномочныхъ, въ Яссахъ и въ Бухарестѣ. Покореніе Русскими всѣхъ Днѣстровскихъ и большей части Дунайскихъ твердынь, кровопролитные приступы къ Рушукъ, Силистріи и Журжѣ, неудачная осада Шумлы, сраженія при Мачинѣ, Батынѣ, и, наконецъ, побѣда, одержанная Кутузовымъ надъ Визиремъ при Слободзеѣ, морской походъ Сеилвина въ Архипелагъ, морскія битвы при Тенедосѣ и Лемносѣ — таковъ рядъ происшествій, заключенный Бухарестскимъ мирнымъ договоромъ. Въ продолженіе шестилѣтней борьбы, обильной превратностями, воинственные племена Эпира стали подъ Русскія знамена, Сербы ополчились съ неимоверною смѣлостію, и всѣ, безъ изыятія, Восточные Христіане, вспомнивъ времена Екатерины, выжидали единственно вожделѣннаго мгновенія, въ которое Русскіе должны были перейти чрезъ Балканы, чтобы всенароднымъ вооруженіемъ дружно ударить на Турковъ и низринуть рыхлое зданіе ненавистнаго имъ могущества. Но Балканскій оплотъ на сей разъ устоялъ противъ ратнаго искусства военачальниковъ нашихъ, и

пламя общаго возстанія, все еще живое, покрылось густымъ, непроницаемымъ пепломъ. Сугубо приуныли сиротѣющіе единовѣрцы, когда грозная вѣсть о нашествіи Наполеона на Россію огласила дальнія страны изумленного Востока. Имъ казалось, что съ паденіемъ Царства Православнаго, собственное ихъ бытіе погружается въ бездну ничтожества. Приверженцы Франціи торжествовали падѣніе Москвы, и первою жертвою буйнаго ихъ восторга палъ знаменитый родъ усердствовавшихъ Россіи Князей Мурузи!

Однако жъ, скоро разсѣялось звѣрское упоеніе враговъ дѣла праваго. Посремленный властолюбецъ обратился въ бѣгство, войска наши преслѣдовали его по пятамъ, вся Европа возстала при нашемъ появленіи и радостно привѣтствовала своихъ избавителей. Тогда слава Александра I-го, освободителя всѣхъ народовъ Европейскихъ, слава, благословляемая человѣчествомъ, взлелѣнная самимъ Небомъ, подобно райской пальмѣ, осѣняющей собою всѣ тѣнныя лавры побѣдъ, сія слава, безпримѣрная въ лѣтописяхъ міра, естественно простерла живительное вліяніе свое на всѣхъ Восточныхъ Христіанъ. Вѣщій голосъ, отзываясь въ сердцахъ каждаго, твердилъ племенамъ гонимымъ: «И ваша чередѣ наступитъ; будьте готовы, надѣятесь и вы!»

При таковыхъ предзнаменованіяхъ, Россійской Посланикъ, Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ, прибылъ въ Царьградъ. Въ поступкахъ и рѣчахъ его, въ отборномъ сомнѣ чиновниковъ, его сопровождавшихъ, ярко отражались величіе и слава Россіи. Представитель Александра I-го, по мнѣнію Христіанъ, могъ повелительно начертать Портѣ условія твердаго мира, или, въ случаѣ упорства ея, указать ей послѣднее убѣжище въ отдаленнѣйшихъ кочевьяхъ Сѣверной Азіи. Гордые народныя предчувствія не сбылись. Причины долготерпѣнія Александра изложены были въ предыдущей книгѣ сихъ сказаній. Но какое человѣческое вѣтѣйство могло бы разувѣрить Грековъ и вразумить ихъ объясненіемъ высокихъ и безкорыстныхъ намѣреній Избавителя Европы? Всѣ безъ исключенія Христіане Восточные, отъ Патріарха до послѣдняго Клефѣта гребца, изумленные крайнею медленностію переговоровъ могущественной Россіи съ безсильнымъ Султаномъ, приписывали оную глубокому умыслу политики дальновидной. Умники весьма правдоподобно твердили простому народу: «Не уны-

вайте! Не даромъ Православный Царь продлилъ ничтожные переговоры съ врагомъ презрѣннымъ; не видите-ли, что Русскій Посланникъ съ намѣреніемъ бережетъ спорные вопросы и взаимныя упреки для будущаго разрыва? Между тѣмъ войскамъ роздыхъ, и все нѣтъ согласія съ нашими притѣснителями.» Такова была сущность внушій, разсѣваемыхъ предводителями народными. Греки, убѣждаясь вѣроятностію оныхъ, волновались, кипѣли нетерпѣніемъ и надеждою, и ждали роковаго мановенія; какъ на открытомъ ристалищѣ.

Къ симъ случайностямъ, поущеннымъ волею Всевышняго, присовокупились и другія обстоятельства, не менѣе благопріятныя общему возмущенію. Султанъ Махмудъ, со дня восшествія на Османскій престолъ, обружилъ всѣ свойства духа властолюбиваго и непреклоннаго. Омраченный наслѣдственнымъ невѣжествомъ, онъ взалкалъ власти и богатства, но не умѣлъ избрать надежныхъ средствъ къ достиженію своей цѣли. Наушники, сребролюбцы, невѣжи, въ сонмѣ коихъ первенствовалъ любимецъ его, знаменитый Галеть-Эфенди, внушили Махмуду, что онъ предопредѣленъ возстановить единодержавіе въ Турецкой Имперіи, и для сего долженъ разрушить феодальную систему ея, какъ источникъ раздробленія и безначалія въ Государствѣ. Въ Диванѣ принято было за правило гнать и свергать строптивыхъ Пашей, Аяновъ и Бсевъ, издревле овладѣвшихъ удѣлами въ Европѣ и Азіи. И подлинно, это многоначаліе, это мелкопомѣстное тиранство, затрудняло всѣ дѣйствія верховной власти, тѣснило злосчастныхъ раевъ и лишало Султанскую казну несмѣтнаго дохода. Но не чѣмъ было замѣнить существующаго порядка въ составѣ Государственномъ. Власть, основанная на правѣ сильнѣйшаго, на палицѣ, мечѣ и веригахъ, власть Турковъ надъ Илотами-Христіанами, держалась силою вспомогательныхъ дружинъ, служившихъ опорами тиранству по тому только, что онѣ участвовали въ его преимуществахъ. Совѣтники Махмуда не постигли сей истины. На перерывъ угождавъ неукротимымъ, господствующимъ, страстямъ властелина, они съ 1807 года начали свергать удѣльнымъ тирановъ и замѣщать ихъ собственными клевретами, алчными, не извѣдавшими на опытѣ естественныхъ предѣловъ самовласти. При каждомъ ударѣ, низвергавшемъ того, или другаго, мятежнаго Бея, Сул-

тантъ и любящее его, Галеть, предавались буйной радости, не догадываясь, что каждый ударъ наносится опорамъ самаго Икрестола и ускоряетъ его паденіе. Такимъ образомъ низложены были, въ свою чреду, Пасванъ-Оглу, Видинскій, Теринникъ-Оглу, Измаилъ-Бей, Македонскій, Чапанъ-Оглу и благотворный, мощный владыка Средней Азии, сразившійся съ нами на Дунаѣ, Египетскіе Мамелюки, и множество иныхъ воинственныхъ подручниковъ Османской Имперіи. Похищенные ими у Христіанъ богатства лились въ казну Султанскую и въ хранилища непасытныхъ его любимцевъ. Но Государство изнемогло: многосложная, желѣзная, сътъ, опутавшая Христіанъ, расторглась. Удивительно ли, что воздыханія утѣшенныхъ постепенно превратились въ угрозы и слились наконецъ въ одинъ ужасающій вопль отмщенія и возстанія?

Вскорѣ ложная система властолюбія увлекла ослѣпленнаго успѣхами Султана еще ближе къ краю зіяющей бездны. До 1820 года онъ опасался затѣять явную войну противъ сильнѣйшаго подручника своего, кровожаднаго и хитраго Али-Паши Тепеленскаго; тридцать лѣтъ сряду владѣвшаго Албаніею, Фессаліею и приморскимъ Эпиромъ. Молва о бесчестныхъ его сокровищахъ сильно подстрекала сребролюбіе Порты, и личная вражда Галеть-Эфендія съ Али-Пашею сугубо воспламеняла неблагорасположеніе Махмуда къ сему послѣднему; но коварство стараго, умнаго, злодѣя и приверженность къ нему воинственныхъ племенъ Албаніи устрашали Диванъ и заставляли откладывать сомнительную схватку. И въ самомъ дѣлѣ, здравый политическій смыслъ и обыкновенное благоразуміе должны были склонить Султана къ долготерпѣнію и притворному миролюбію; ибо старому душегубцу было уже съ лишнимъ семьдесятъ лѣтъ, а сыновья его, Мухтаръ и Вели-Паша, развращенные родительскимъ примѣромъ, не наследовали быстрого ума его и постоянного мужества. Давъ время дряхлому кровопійцѣ умереть на губительномъ сѣдалищѣ, Султанъ могъ смѣло надѣяться, что успѣетъ смирить несогласныхъ между собою преемниковъ его и усвоить себѣ сокровища и удѣлы его однимъ размахомъ желѣзнаго скипетра. Но Галеть-Эфенди хотѣлъ отмстить Али-Пашѣ, * сокрушить его могущество

* Увѣряютъ, что Али-Паша наслаждался убійцѣмъ на Галета; коварство не удалось, и раз-

и заблаговременно овладѣть его богатствами. Онъ вдохнулъ ирость свою Султану, и наступательныя дѣйствія противъ Али-Паши начались. Година страшная, роковая для всѣхъ утѣснимыхъ Христіанъ! Что предвѣщала имъ отчаянная борьба Султана съ сильнѣйшимъ его подручникомъ, тридцать лѣтъ независимо владѣвшимъ большею частію Греціи? ибо сынъ его, Вели-Паша, долго былъ Пашею Морейскимъ. Надобно ли было имъ ждать событія въ пагубномъ оцѣпеніи, или принять дѣятельное участіе въ борьбѣ? Но въ томъ и другомъ случаѣ грозило имъ сугубое бѣдствіе. Старѣйшины и вожди Христіанъ знали, что если одолѣетъ Али, то горе его подланымъ, и гнусное его владычество утвердится до поздняго потомства. Если же Султанъ низвергнетъ искусаго крамольника, то участь Христіанъ будетъ еще плачевнѣе; ибо одноглавая гидра тиранства претворится въ стоглавое чудовище: алчный сонмъ Султанскихъ клевретовъ раздробитъ обширное достояніе падшаго злодѣя и безначаліемъ увеличитъ страданія порабощенныхъ. Итакъ утѣсненнымъ едва ли оставался выборъ между возстаніемъ и бездѣйствіемъ. Возбуждаемые посторонними причинами и разглашеніемъ Этеріи или Тайнаго Общества, Греки взволновались, и подняли оружіе, не дождавшись конца состязанія равно ненавистныхъ имъ властителей.

Безбожный Али-Паша, чтобы привлечь къ себѣ Христіанъ еще до вступленія въ бой, разсѣялъ въ народѣ слухъ о мнимомъ намѣреніи своемъ принять вѣру Христіанскую, и всѣхъ вообще удалъцевъ Эпира, Мусульманъ и Христіанъ, умѣлъ вооружить въ свою пользу обѣщаніемъ награды и страхомъ Султанскаго жезла, устремленнаго на необузданное ихъ своеволие. Тогда многіе изъ защитниковъ Греческаго возстанія крѣпко попадались на отвагу и счастье Али-Паши; разрывъ его съ Портою они почли знаменіемъ Нисбеснаго благоволенія къ собственному ихъ предпріятію, забывъ, что правосудіе Божіе тѣмъ неумолимѣе къ преступнику, чѣмъ возвышеннѣе санъ его и чѣмъ заразительнѣе примѣръ его злодѣяній; что ослабленіе ума есть неминуемое слѣдствіе ожесточенія сердечнаго, и что оно низвергаетъ съ вы-

драженный любимецъ Султана рѣшилъ судьбу Турціи, желая отмстить за личную обиду.

соты могучаго нечестивца въ бездну, изрытую его преступленіями. И хотя Провидѣніе устремляетъ самое зло, содѣланное человѣчествомъ, къ благотворной цѣли, но для дѣла святаго и спасительнаго десница Божія, въ помощи совершающая силу, не избираетъ печальнаго орудія.

Раздраженный Султанъ выслалъ противъ Янинскаго Паши знаменитаго Визиря, Хуршида, и произнесъ на мятежника опалу великую, отлученіе отъ соима Правовѣрныхъ, по приговору Шейхъ-Ислама и всѣхъ Мусульманскихъ законниковъ. Проклятія человѣчества подѣйствовали силыѣе Коранскихъ перуновъ. Лишь только начались непріязненные движенія, какъ тридцатитысячное войско Али-Паши, составленное изъ Христіанъ и Турковъ, оробѣло; переметчики, увлеченные обѣщаніями и угрозами Верховнаго Визиря, цѣлыми шайками переходили въ Турецкій станъ, не встрѣчавшій ни гдѣ чаемаго сопротивленія; города и области покорялись, и звѣрскій Али, низложенный безъ боя, съ горетію приверженцевъ и тѣлохранителей, затворился въ крѣпкомъ замкѣ, на островѣ среди Янинскаго озера, гдѣ издавна хранились его сокровища, оцѣнимыя молвою народною въ 250 милліоновъ піастровъ.

Въ это самое время Князь Ипсиланти уже занялъ Валахію, и общій бунтъ, вспыхнувшій въ Моревѣ 25 Марта, въ день Благовѣщенія, уже разливался пожирающимъ пламенемъ по всему полуострову. Вскорѣ Царьградъ сдѣлался нозорищемъ душегубства. Побужденіемъ къ симъ неонисаннымъ ужасамъ послужила Этерія, давно таившаяся во мракѣ. Указавъ на корень, развитіе и цѣль сего общества, мы довершимъ полное изложеніе причинъ, предуготовившихъ возстаніе Греціи и ускорившихъ начало онаго, вопреки соображеніямъ людей добросовѣстныхъ и благонамѣренныхъ внутри и внѣ Россіи. Бытописанія поработченной Греціи, современная политика, самая умѣренность Александра I-го въ сношеніяхъ съ Оттоманскою Портою, вліяніе Русской славы, безъ соучастія воли Самодержавной и миролюбивой, козни отчаянной Этеріи, и болѣе всего, немудрое, самоубійственное, властолюбіе Султана и временщика его, Галета: всѣ сіи достовѣрныя, исторически доказанныя, происшествія, составляютъ цѣпь причинъ гибельнаго потрясенія, коему и донинѣ не положено твердыхъ

предѣловъ. Провидѣніе, неизсѣдимое въ путяхъ своихъ, мѣрломъ правды и мудрости, излило на землю сію чашу послѣдняго искушенія, устранило препоны, посрамило страсти и расчеты человѣческіе, попустило погрѣшности и все представило для цѣли, безъ сомнѣнія, спасательной, но еще покрытой священнымъ, глубокимъ, не рѣдѣющимъ, мракомъ.

Утѣсняемому свойственно скрывать намѣренія и дѣйствія отъ взоровъ своего утѣснителя. По сему существованіе тайныхъ обществъ и повременныхъ заговоровъ въ странахъ, подвластныхъ жезлу Турецкому, не должно быть судимо по закону и обычаямъ Государствъ благоустроенныхъ. Въ Турціи, со дня завоеванія Царьграда до нашихъ временъ, не было усыновленія между преемниками Калифовъ и Христіанскими ихъ данниками; слѣдовательно, не могло быть и братства между поклонниками Христа и читателями Магомета. Коранъ постоянно предлагалъ, и предлагаетъ, покореннымъ, для выкупа ихъ жизни, избирать любое: или порабощеніе, не только Султану, но и каждому Мусульманину, или отступничество отъ вѣры. Послѣ сего удивительно ли, что въ пѣдрахъ Турецкой Имперіи увѣковѣчились вражда и самоуправство и по временамъ возникали тайныя общества, посягавшія на незаконную власть? Тамъ все превращалось въ тайну: домашній бытъ семействъ, богатство, красота женъ, дѣвъ и отроковъ Христіанскихъ, обновленіе полуразрушеннаго храма, устроеніе училищъ — все творилось, улаживалось, существовало втайнѣ. По причинѣ сей безпримѣрной тягости гражданскаго общежитія, со времени народнаго пробужденія Грековъ при Екатеринѣ II-ой, начали появляться между ними тайныя общества, имѣвшія цѣль политическую — освобожденіе отчизны отъ нестерпимаго ига. Изъ сихъ обществъ, произведенныхъ единомысліемъ угнетаемаго племени, два ознаменовали свое краткое бытіе различными подвигами и вліяніемъ на современниковъ. Первая Этерія или содружество основано было знаменитымъ Ригасомъ, не разъ уже упомянутымъ въ сихъ отрывкахъ. Онъ умѣлъ склонить къ участию въ семъ предпріятіи не только приверженцевъ Французской партіи, коей онъ былъ главою, но даже многихъ удалцовъ, первоначально преданныхъ Россіи и въ послѣдствіи разочарованныхъ частыми горестными неудачами. Мно-

гіе сподвижники смѣлаго моряка Ламбра Каччіони, предводители Горцевъ, Захарія Морейскій, Пангалось, Анагностарась и другіе, подобные имъ, страдальцы и труженики за правое дѣло, движимые отчаяніемъ, но безъ внутренняго убѣжденія, * приставали къ Этеріи Ригаса, испытывали всѣ средства и всюду помогались содѣйствіемъ въ замышляемомъ общемъ возстаніи на Мусульманъ. Сіе общество рушилось отъ частыхъ превратностей вѣшной Европейской политики, не позволявшихъ членамъ онаго дѣйствовать по единообразному направленію. Отъ сего времени до 1817 года Этерія жила въ сердцахъ Грековъ; правила, чувствованія и надежды, нѣкогда сосредоточенныя ею въ одинъ кругъ, передаваемы были изъ рода въ родъ посредствомъ воспитанія, проникли въ отдаленнѣйшія страны и срослись съ общественнымъ мнѣніемъ и образомъ мыслей. Казнь Ригаса, выданнаго Туркамъ Австрійскимъ Правительствомъ, сохранилась въ памяти народной, какъ грозное предостереженіе отъ ненависти Западныхъ Державъ, какъ кровавое завѣщаніе твердо блюсти народную тайну. Тогда, т. е., въ 1817 году, послѣ дивныхъ побѣдъ Александра I-го, при кликахъ шумной радости, раздававшихся по всей умиротворенной Европѣ, составилаcя Вторая Этерія, обширнѣе и предпримчивѣе первой. Люди безъизвѣстные, но отважные, напитавъ себя живыми образцами сего рода въ другихъ странахъ, примѣнили къ правому долгу униженнаго Православія беззаконныя средства, козни и соображенія прочихъ тайныхъ обществъ. Они, по сѣдамъ предшествовавшихъ имъ на семъ поприщѣ, заразились глѣтворною увѣренностію въ томъ, что благая цѣль освящаетъ преступныя средства; ибо на семъ камени отъ вѣка зиждутся всѣ заговоры и замыслы, порожденные буйствомъ страстей. Къ первымъ, почти безъименнымъ, зачинщикамъ роковаго подвига постепенно присоединялись купцы, увлеченные призракомъ собственной политической важности, плѣнявшей ихъ самолюбіе, бездомные ратоборцы, начальники старыхъ разсѣянныхъ дружинъ, лишенные роднаго пріюта, отталкиваемые Россією и Англією, ученики, живущіе въ воспоминаніяхъ древней Греческой славы, и наконецъ дѣловые люди въ кругу Византійскомъ и въ Княжествахъ,

* Къ нимъ можно примѣнить извѣстный стихъ: «Flectere si nequeo Superos, Acheronta movebo!»

которые видѣли во всѣхъ сихъ движеніяхъ персть могущественнаго Государства. Такъ возникла и укрѣпилась новая Этерія, водворенная въ Царьградѣ, Букарестѣ, Яссахъ, Триполицѣ, въ Корфу, Триестѣ, Ливорнѣ, Одессѣ и Кишиневѣ, откуда разсылала она своихъ проповѣдниковъ для сбора денежныхъ пожертвованій и умноженія своихъ сообщниковъ. Всѣмъ робкимъ шептали на ухо волшебныя имена Россіи и Александра, слабыхъ поили млекомъ и весьма малому числу избранныхъ раздавали крѣпкое брашно. Ложь неимовѣрно снособствовала распространенію Этеріи. Подъ многоразличными личинами смѣлый Протей скрывался отъ бдительности противниковъ. Здѣсь сообщники собирали подаваніе на церковь, тамъ сооружали училища, индѣ выкупали плѣнныхъ и занимались печатаніемъ книгъ общепользныхъ. На крыльяхъ торговли и мореплаванія тайна Этеріи и завѣтная цѣль злосчастнаго Христіанства безъ огласки переходили изъ края въ край Европы. Одного еще недоставало заговорщикамъ. Они не обрѣтали знаменитаго начальника, коему можно было бы вручить знамя востанія за Вѣру и Отечество. Взоры всѣхъ Грековъ обращены были на Графа Ивана Каподистрію, какъ на природнаго ходатая и заступника Христіанъ у Всероссийскаго престола. Слава вѣрнаго слуги и мудраго совѣтника Александра I-го казалась достояніемъ всей униженной Греціи, залогомъ и предвѣстіемъ близкаго ея возрожденія. Отъ него чаяли надежной опоры, помощи и рѣшительнаго знака ко взрыву накопившихся горючихъ веществъ.

Непросвѣщенные, но богатые здравымъ смысломъ, предводители храбрыхъ Горцевъ въ Эпирѣ и Пелопонисѣ изъявляли готовность возстать на общаго врага, но требовали отъ старѣйшинъ Этеріи доказательства въ томъ, что Каподистрія одобряетъ замышляемое предпріятіе. Они не внимали внушеніямъ зачинщиковъ мятежа и пребывали неподвижными, указывая на звѣзду Сѣвера. Тогда Этеристы, усмотрѣвъ непреклонность вооруженныхъ, сперва отправили въ С.-Петербургъ, въ началѣ 1817 года, нѣкоего Галати, уроженца острова Закинѳа, съ тайнымъ порученіемъ, извѣдать намѣренія Каподистріи и склонить его къ принятію дѣятельнаго участія въ великомъ подвигѣ. Неизвѣстно и донинѣ, что побудило коринѳеевъ Общества избрать посланника, совершенно

неспособнаго выполнить данный ему наказъ. Изувѣрство, слѣпая самонадѣянность, нескромное и распутное поведеніе: таковы были главныя черты его характера. Галати прибылъ въ С.-Петербургъ съ Великобританскимъ паспортомъ, носилъ безпрестанно красный мундиръ Ионической внутренней стражи, шумѣлъ, важничалъ, самохвалствовалъ съ изысканною, или безумною, неосторожностію. Являсь къ Графу, онъ высказалъ много несвязнаго о рѣшимости Грековъ свергнуть съ себя Султанское иго, молилъ о ходатайствѣ за нихъ у Монарха, и указалъ преимущественно на Западную Грецію или Эпиръ, какъ на средоточіе народнаго ополченія. Въ отвѣтъ на его рѣчи Графъ Каподистрія объявилъ ему, что Царь Православный въ переговорахъ съ Оттоманскою Портою не теряетъ изъ виду благоденствія Христіанъ, искренно желаетъ постепеннаго улучшенія ихъ участи, и по тому не престанетъ благопріятствовать всѣмъ усиліямъ Грековъ, имѣющимъ цѣлю нравственное и умственное образованіе народное, и что, напротивъ, всякое необдуманное предпріятіе, устремленное къ сверженію ярма насильственнымъ образомъ, неминуемо вовлечетъ Грецію въ пучину бѣдствій и не пріобрѣтетъ ободящимъ ложно обѣщающаго имъ покровительства. И въ послѣдствіи всѣ отзывы нашего Кабинета на разныя домогательства со стороны Грековъгласили одно и то же, дышали благосклонностію, но внушали терпѣніе и трудъ нашимъ единовѣрцамъ. Вѣроятно, голосъ опыта, правоты и заравой политики не полюбился Галати и не убѣдилъ разстроеннаго его разсудка. Онъ проговорился въ бесѣдахъ съ презрѣнными людьми, обратилъ на себя подозрѣнія чуткихъ Дипломатовъ и бдительность Полиціи, былъ схваченъ и посаженъ въ крѣпость. Обыскъ бумагъ его не обнаружилъ ничего любопытнаго, и по волѣ Государя отправили его въ Бухарестъ, какъ жалкаго безумца, съ предписаніемъ Россійскому Консулу способствовать возвращенію его въ родной край мимо опасностей, угрожавшихъ его жизни со стороны друзей и гялатаевъ Порты Оттоманской. Не смотря на сію постыдную неудачу, Этерія, тѣсная любопытствомъ дружинъ и предводителей Греціи, выслала въ Москву другихъ довѣренныхъ людей, старца Анагностараса и Хрисоспахія, съ подобными прежнимъ порученіями. Они, по волѣ Императора, получили однозначительныя указанія, совѣты и денежныя пособія на обратный путь отъ щедротъ Монаршихъ. Тѣмъ

временемъ, воинственные сонмы удалцовъ, встревоженныхъ внушеніями Этеріи, пылали петербургскимъ и яростію. Надлежало непременно подкрѣпить ихъ усердіе выборомъ начальника въ самой Россіи, и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе отъ непреклонности Каподистрии. Жребій палъ на Генераль-Маіора Князя Александра Ипсиланти. Дерзкій, безиравственный членъ Этеріи, Ксанθος, отринутый Графомъ Каподистріею за своекорыстные домогательства, приступилъ къ неопытному юношѣ, одушевленному ревностію къ отечеству, но не по разуму. Въ лицѣ его соединились всѣ качества вождя патріотизма, всѣ, кромѣ высокаго генія. Сынъ изгнанника, Господаря Константина, внукъ Князя Александра, умнаго старца, испустившаго духъ въ мученіяхъ жестокой пытки за побѣгъ своего сына и подозрѣніе въ сокрытомъ богатствѣ, прославленный ранюю, на полѣ чести и осыпанный милостями Освободителя Европы, юный Ипсиланти блисталъ удакою наружностію, веселостію нрава и дышалъ пламенною любовію къ странѣ своихъ предковъ. Все въ немъ способствовало очарованію умовъ, возбужденію страстей, мгновенному, быстрому, порыву его послѣдователей: знаменитый родъ, гоненіе Турецкое, свойства души, воинскій санъ, приближенность къ Самодержцу, * отвага и счастье, долготѣ осѣнявшее юную главу его.

Ксанθος, при содѣйствіи Г. Мано, родственника юнаго Князя, посвятилъ Ипсиланти въ таинства Этеріи и ввелъ будущаго вождя Грековъ во святилище, наполненное эниміомъ, очаровательнымъ для юношескаго самолюбія. Водители раскрыли предъ нимъ все прошедшее и преувеличивали способы, связи и соображенія Общества, будто бы обладавшаго необъятною казною и располагавшаго въ самомъ Царьградѣ многими тысячами приверженцевъ, готовыхъ, по первому мановенію, зажечь арсеналъ и флотъ и въ общемъ смятеніи умертвить Султана на распутіяхъ встревоженной столицы. Князь Ипсиланти внялъ лестнымъ ихъ обѣщаніямъ, плѣнился высокопарными замыслами и допустилъ увѣрить себя въ обманчивомъ предположеніи, что, для нанесенія роковаго удара Туркамъ, недоставало только главнаго начальника. Однако жь, не смотря на смѣлый порывъ окриленныхъ надеждъ,

* Онъ былъ Флигель-Адъютантомъ Е. В. до полученія чина Генераль Маіора.

Испиланти и совѣтникъ его сознавались въ существенной важности Россійскаго покровительства и, дѣйствуя по сему сознанію, вознамѣрились обратиться въ послѣдній разъ къ нашему Кабинету съ мольбою о помощи и, въ случаѣ отказа, прибѣгнуть къ дерзкому вымыслу, чтобы, ложью и призраками мнимой Державной защиты, поколебать ветхое зданіе Мусульманства, шагнуть чрезъ бездну, или увлечь за собою въ челюсти ея все народонаселеніе Христіанское. Дабы скорѣе извѣдать расположеніе Александра I-го, Князь Испиланти приступилъ къ Графу Каподистріи, какъ къ единоплеменцу. Онъ неоднократно заводилъ съ нимъ жаркія прѣнія о бѣдственномъ состояніи Греціи, о грозномъ волненіи умовъ, о неминуемыхъ частныхъ возстаніяхъ и о необходимости дать симъ движеніямъ единство и опредѣленную цѣль. Для сего Испиланти изложилъ предъ нимъ чертежъ всенародной, добровольной, денежной складки къ составленію казны и къ введенію по всѣмъ областямъ Греціи общаго военнаго устройства. Графъ Каподистрія, возражая по указаніямъ опытности и проникнувъ козни, коими уловленъ былъ юный патріотъ, съ жаромъ предостерегалъ его отъ льстивыхъ внушеній о банкротившихся купцовъ (это были собственныя его слова), которые ищутъ возстановить свое благосостояніе чужими трудами и кровію. Онъ живо изобразилъ ему гибельныя слѣдствія безвременнаго возстанія, настоятельно требовалъ, чтобы Греки позаботились о просвѣщеніи умовъ и образованіи духовномъ и нравственномъ, какъ объ условіяхъ, безъ коихъ не можетъ быть гражданской свободы, напоминалъ о всемъ, что имъ самимъ сдѣлано для приближенія къ сей цѣли, * повторялъ, что таково мнѣніе Императора, и мнѣніе непреклонное, однимъ словомъ, великій мужъ истощилъ всю силу убѣжденія, братолюбія и мудрости, чтобы отвлечь Князя Испиланти отъ участія въ какомъ бы то ни было заговорѣ. Но стрѣлы краснорѣчія, истекавшаго изъ глубины души умиленной, отражены были щитомъ

* Графъ Каподистрія жертвовалъ ежегодно многими тысячами рублей на содержаніе молодыхъ Грековъ, обучавшихся въ Германіи, Италіи и Швейцаріи. Щедрость его простиралась до расточительности и самоотреченія. Онъ по временамъ пеходатайствовалъ у Государя значительныя пособія для бѣдныхъ Греческихъ училищъ. Этотъ человекъ жилъ и умеръ не для себя, но для Бога и ближнихъ.

притворнаго согласія. Все смолкло, и Князь Ипсиланти получилъ отъпускъ за границу до излѣченія болѣзни. Не намекая болѣе ни словомъ о призывѣ Морейскихъ удалцовъ, обреченный злосчастію, молодой воинъ объявилъ единственно о намѣреніи своемъ побывать въ Валахіи по семейственнымъ дѣламъ (родъ его владѣлъ тамъ огромными вотчинами), и оттуда отправиться къ цѣлебнымъ водамъ Германіи, или Южной Европы. Въ Москвѣ Ипсиланти имѣлъ свиданія съ другими членами Этеріи, очаровалъ ихъ двусмысленными обѣщаніями; то же самое учинилъ въ Одессѣ, кипѣвшей сонмами Грековъ зажиточныхъ и торговыхъ; потомъ водворилъ главную свою квартиру въ Кишиневѣ. Еще не вѣдалъ онъ, куда направить первыя наступательныя дѣйствія. Въ Триестѣ ждало его купеческое судно, посланное изъ Константинополя для пренесенія его въ Морею. Но близость Молдавіи, Валахіи и Сербіи, удерживала его; переписка съ Эфорами Этеріи въ Царьградѣ, сулившими чудеса, усугублила его недоумѣніе: вѣрный признакъ отсутствія въ немъ истиннаго генія. Тѣмъ временемъ нечаянные случаи огласки, потрѣбности, копились и возрастали, обнажая замыслы недозрѣвшіе. Около сей самой эпохи, т. е., въ 1820 году, старѣйшины Христіанъ начали подозрѣвать зачинщиковъ Этеріи въ неискренности и подлогѣ. Ничто не ручалось за вожделѣнное содѣйствіе Царя Православнаго. Дабы прямѣе извѣдать затмѣваемую истину, они отправили отъ себя въ Петербургъ вѣкаго Камариноса, коему приказано было непосредственно спросить Графа Каподистрию: «въ чемъ именно состоитъ воля Императора?» Умный, расторопный, Камариносъ, выслушавъ Державныя указанія, спасительныя для цѣлаго народа, поспѣшилъ обратнo къ пославшимъ его, въ надеждѣ предупредить бѣдственное возстаніе; но тайна его посольства была разгадана: несчастный не доѣхалъ до родныхъ утесовъ — безъ вѣсти пропалъ, исчезъ съ лица земнаго! *

* То же самое утверждаютъ о кончинѣ безумнаго Галати, будто бы убѣднаго, но приговору Этеріи, на возвратномъ пути въ Грецію. Но сіе обстоятельство недостоверно. Какъ не сомнѣваться въ истинѣ разсказа; если принять въ соображеніе ничтожность Галати и распутную его жизнь, которая и безъ мрачныхъ наводъ должнаствовала падеть ему копей въ преждевременный?

Лайбахскій Конгрессъ длился сверхъ всякаго чаянiя; между тѣмъ Князь Ипсиланти тайно собиралъ клеветовъ своихъ за Прутомъ, учреждалъ Главный Штабъ, печаталъ на досугъ прокламацію въ своей комнатѣ и переписывался съ Постельниковъ Господаря Молдавскаго, Князя Михаила Суццо. Сей Господарскій Савоуникъ, по имени Яковъ Ризосъ-Нерулосъ, родомъ изъ Константинополя, извѣстенъ былъ всей Греціи по многимъ легкимъ стихотвореніямъ своимъ, заслужившимъ общую похвалу. Онъ славился остроуміемъ и любезностію, блисталъ краснорѣчіемъ, по выѣстѣ пылалъ честолюбіемъ. Ему вздумалось экспромтомъ произвести революцію, какъ лирическую загѣю, переимѣнить всѣ предначертанія Князя Ипсиланти, и заманить его въ Княжества. Долго тѣшилъ Ризосъ неопытнаго вожда мечтою небывалаго содѣйствія со стороны воинственныхъ Сербовъ, управляемыхъ Княземъ Милошемъ Обреновичемъ, котораго обмануть оказалось невозможнымъ. Переговоры, наборъ Этеристовъ, сборъ денежныхъ пособій, переписка съ Сербіею, всѣ сіи происки легкомыслія и притворства продолжались до наступленія 1821 года. Тогда внушенія Ризоса склонили Ипсиланти къ нашествію въ Запрутскія страны, и случай, доставившій рѣшительный перевѣсъ совѣтамъ Постельника, возникъ отъ печальной смерти Валахскаго Господаря, Князя Александра Суццо. Сіе происшествіе послужило переломомъ; водители предпріятія плѣнились надеждою на быстрые успѣхи, при помощи безначалія въ томъ краѣ; наконецъ извѣстіе о взятіи подъ стражу Пашею Видинскимъ посланнаго въ Сербію Грека смутило Ипсиланти и ускорило минуту нашествія, чтобы предупредить открытіе тайны, гибельное для всѣхъ его сообщниковъ. 1821 года, Февраля въ 24 день, Князь А. Ипсиланти, съ малымъ числомъ ближайшихъ единомысленниковъ, переправился чрезъ Прутъ, и передъ вечеромъ вѣхалъ въ Яссы. Тѣнь Кесаря шагнула чрезъ новый Рубиконъ; но ретивое сердце и не озаренный умъ юнаго поборника Христіанъ не могли воскресить величія мужей древности, воззвать чудесъ вѣковъ минувшихъ!

Тѣлохранители Господаря, соединясь съ отребіемъ черни при появленіи Ипсиланти, кинулись неистово на Турковъ, случайно находившихся въ Яссахъ, и всѣхъ изрубили. Тѣ же буйства происходили въ Галацахъ, гдѣ около ста Турковъ погибло, по мановѣ-

венію Василя Каравья, безъ согласія на то главнаго начальника. Впрочемъ, сколь ни достойны омерзѣнія таковыя поступки, историкъ обязанъ замѣтить, что въ семь порывѣ звѣрскаго мщенія не было ничего удивительнаго. Ибо въ цѣломъ народонаселеніи Христіанскомъ, отъ Евфрата и Нила до водъ Днѣстровскихъ, есть ли хотя одно семейство, которое не оплакивало бы въ каждомъ поколѣніи по одной жертвѣ свирѣпаго изуверства, или сладострастія, Магометанъ?

Искони человѣчество стремилось похищать перуны Небеснаго Правосудія, упреждать казнь виновныхъ самоуправствомъ, воздавать потомкамъ за обиды предковъ, и тѣмъ изъяслять собственное сознаніе въ несомнѣнности грѣховнаго преемства и отвѣтствія изъ рода въ родъ. Въ порывахъ страсти кому внятенъ гласъ истины, вѣщающей: «Мнѣ мщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь!»

Изъ Яссъ Князь Иисиланти отправилъ гонца въ Царьградъ, и велѣлъ вручить свое письмо Драгоману Порты, Князю Константину Мурузи. Собирая нынѣ всѣ обстоятельства сей години бѣдствій, должно предпологать, что Иисиланти вторгся въ Молдавію на удачу, по совѣтамъ коварныхъ и безсовѣстныхъ людей. Они, гордясь мнимымъ своимъ глубокомысліемъ, вперили въ слабый умъ его собственные злодѣйскіе замыслы, во первыхъ, чтобы поссорить Порту съ Россією, противъ воли сей послѣдней, и ворваться прямо изъ предѣловъ Русскихъ въ земли, подвластныя Султану, чтобы сдѣлать правдоподобною; во вторыхъ, чтобы возбудить ярый гнѣвъ Махмуда противъ Византійскихъ Христіанъ, дабы душегубствомъ растравить глубокую рану, прочихъ Христіанъ довести до отчаянія чрезмѣрностію зла, вынудить наконецъ заступленіе Россіи въ пользу жертвъ невинныхъ. Стремясь къ сей кровавой цѣли, Князь Иисиланти послѣшилъ письмомъ своимъ усугубить личную опасность Сановника Мурузи и подозрѣнія на него Турецкаго Правительства. Случайно, или съ умысломъ, Грекъ вручилъ Князю Мурузи роковое письмо въ присутствіи многихъ Царедворцевъ Султана. Это былъ для него приговоръ къ смерти. Тайнъ посланіе было уже невозможно. Великій Драгоманъ самъ перевелъ письмо на Турецкій языкъ и передалъ его судіямъ неумолимымъ. И сей поступокъ не обезоружилъ злобы ихъ; несчастный отецъ семейства,

отрасль знаменитаго рода, преданъ былъ, съ роднымъ братомъ своимъ, Николаемъ, казни позорной.

Тогда кроваваго изступленіе Гирканскихъ тигровъ разрушило всѣ оплоты. Душегубство началось: въ день Пасхи, 5-го Апрѣля, Святѣйшій Патріархъ Григорій, мужъ вѣчнопамятный благочестіемъ и ревностію по Богѣ, схваченъ былъ въ алтарѣ, вмѣстѣ съ тремя первещствующими членами Синода, и повѣшенъ на дровѣ. Святитель, до принятія мукъ, вкусилъ отъ таинственной Пасхи, и по слѣдамъ Пастыря и Агнца Христа, конечно, довершилъ въ выспреннымъ храмѣ духовномъ прерванную злодѣями на землѣ сладостную пѣснь воскресенія праведныхъ.

Кто въ Россіи не слыхалъ съ умиленіемъ, что тѣло мученика, снятое съ древа, поруганное Жидами, влчимо было по улицамъ и брошено на дно морское съ привязаннымъ къ оному камнемъ? На другой день тѣло Григорія всплыло на поверхность бурной стихіи, замѣчено и узнано было корабельщикомъ Складосомъ и въ сумерки, съ помощію покрывала, мимо взоровъ палачей, внесено было на судно, уже готовое отплыть къ берегамъ Россіи Православной.

Еще до мученической смерти Святителя Григорія, родина его, Целопонисъ, воздвигла знамя народнаго возстанія, 25-го Марта (въ день Благовѣщенія). Турецкое Правительство, получая отъ Сѣвера и Юга равно горестныя извѣстія, прешло отъ оцѣпенѣнія къ ярости. Оно повелѣло престарѣлому Патріарху, явившему нѣкогда несомнѣнныя оцѣнты искренняго усердія къ властямъ, * издать настырскую грамоту, коею отлучаемы были отъ общенія Церкви всѣ мятежники, упорствующіе въ намѣреніи нарушить общественное спокойствіе. Патріархъ, удрученный лѣтами и скорбію, рѣшился исполнить волю Султана, въ той надеждѣ, что повиновеніе его искупитъ жизнь многихъ тысячъ безоружныхъ жителей Византіи, безвинно угрожаемыхъ смертію. Недостало въ немъ твер-

* Въ 1807 году, когда Англійскій Адмиралъ Дуквортъ внезапно ворвался съ флотомъ, чрезъ Дарданелы, въ Босфоръ, Патріархъ ополчился всѣхъ Христіанъ, жителей Царьграда, въ защиту колеблемаго престола. Онъ лично присутствовалъ при сооруженіи бойницъ, и одушевлялъ цаству свою словомъ и при-
жѣтромъ.

дости Авраамлей, готовой принести въ жертву все любезное чадолюбивому сердцу. Приговоръ Церкви провозглашенъ былъ повсемѣстно, но не могъ спасти обреченныхъ мечу тиранскаго изувѣрства. Иступленные Турки, какъ бы ругаясь надъ смиреніемъ и увѣщаніями Патріярха, отвѣтствовали на оныя душегубствомъ: отрубили головы Князей Мурузи, стадами повлекли на закланіе вельможъ, старцевъ, купцовъ, малолѣтнихъ, расхитили имущество убіенныхъ; въ порывѣ бѣснующейся злобы, Султанъ повелѣлъ срыть до основанія и сравнять съ землею новый пышный дворецъ Князя Ивана Каллимахи. Вскорѣ самъ Патріярхъ испылъ чашу мученій, по слѣдамъ его почти всѣ знаменитѣйшіе члены Синода: Митрополитъ Ефесскій, Ираклійскій, Никомидійскій, Дерконскій, заключены были въ тюрьму и безъ допроса и суда казнены позорною смертію. Святители Кирилъ и Проій Адрияпольскій, извѣстные по плодамъ учености и дѣламъ вѣры, Архіерси Солунскій, Ларисскій и многіе иные Саповники Іерархіи причтены были къ лику мучениковъ. Въ оскверненныхъ храмахъ водворились мерзость запустѣнія и безмолвіе слова жизни. Оно изрекалось въ страданіяхъ служителей Креста; струящаяся долу кровь избіенныхъ вопіяла къ нему, не столько о воздаяніи, сколько о помилованіи. Высокій, умиленный, примѣръ сего Христіанскаго окриленія сердецъ показали, въ особенности, заключенные вмѣстѣ Митрополиты Ефесскій, Никомидійскій и Дерконскій. Они изготовились къ смерти взаимною исповѣдію, упросили тюремниковъ впустить въ узилище Пресвитера съ честными Дарами; — и мрачный подвалъ вдругъ претворился въ храмъ покаянія, общенія со Христомъ и теплой молитвы. Священникъ причастилъ грядущихъ на смерть, и слышалъ изъ устъ Святителей глаголы неизреченнаго сокрушенія и распинающейся любви. На лобномъ мѣстѣ Діонисій Ефесскій произнесъ краткую рѣчь на Турецкомъ языкѣ. Ею мученикъ увѣщевалъ Султана и молилъ его укротить ярый гнѣвъ и явить пощаду и милость къ народу Христіанскому, если хочетъ самъ обрѣсти помилованіе у Бога. Подъ ударомъ палача онѣмѣли уста благословляющаго пастыря! *

* Всѣ сія подробности не вымышлены, но почерпнуты изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Кончина Патріарха и сподвижниковъ его была подгнѣтою едва начавшагося пожара; возмущеніе произошло изъ крови праведной и стяжало необъятную и непреоборимую силу. Въ Смирнѣ убивали Христіанъ; въ Іоаннинѣ свирѣпствовали побѣдившія Али-Пашу Турецкія полчища; въ столицѣ Морей, Триполиѣ, вѣроломный Паша, заманивъ въ крѣпость многихъ почетныхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, подъ предлогомъ совѣщанія удержалъ ихъ въ оковахъ, какъ заложниковъ покорности народной, и вскорѣ, усмотрѣвъ безполезность сей мѣры, предалъ ихъ смерти. Патрасскій Митрополитъ Германъ, отправившійся, вмѣстѣ съ прочими Сановниками, въ Триполицу, по призыву Пашы, остановился на пути около Калавритъ, подъ предлогомъ болѣзни, обратился вспять къ своей пастырь, и подалъ знакъ къ возстанію, по внутреннему предчувствію. Бывъ нѣсколько лѣтъ сряду явнымъ ревнителемъ отечественной свободы, сей смѣтливый иннокъ скорѣе прочихъ проникъ замыслы Султанскаго Намѣстника и смѣло бросился отъ плахи въ пучину безбрежную. Предводитель Горцевъ, знаменитый Феодоръ Колокотрони, поднявъ оружіе въ Каритенскихъ ущеліяхъ и выступилъ въ поле по направленію къ столицѣ полуострова съ двумя тысячами отчаянныхъ. Другой отрядъ устремился къ Патрасу. Городъ взять былъ приступомъ и сожженъ. Зѣфирскіе Лаліоты, Турки, заключились въ крѣпости, отразили съ рѣдкимъ мужествомъ нападенія Грековъ и неоднократно вытѣсняли ихъ изъ города, превращеннаго въ груду камней и пепла. *

Тѣмъ временемъ Князь Александръ Ипсиланти тайно отправилъ меньшаго брата своего, Князя Димитрія, чрезъ Италію, въ Пелопонисъ, съ порученіемъ и властію Намѣстника своего, набиралъ войско въ Молдавіи и Валахіи. Отвсюду слетался шумный рой бездомныхъ искателей добычи и счастья и тѣснился около знаменъ его, носившихъ символическое изображеніе феикса, воскресающаго изъ собственнаго пепла. Но лучший отборный полкъ его составилъ изъ молодыхъ благовоспитанныхъ людей, увлеченныхъ въ сіе предпріятіе нелицемѣрнымъ патриотиче-

* Патрасъ процвѣталъ дотошъ торговлею. Чрезъ сію пристань вывозимо было ежегодно на нѣсколько милліоновъ рублей одного Коринѣскаго изюму въ Англію и Россію.

скимъ восторгомъ. По единодушію сіи юности, числомъ семьсотъ человѣкъ, были достойны лучшей участи и болѣе искуснаго начальника. Онъ назвалъ ихъ священной дружиною (*ιερὸς λόχος*) въ память юныхъ Фивянъ, древле воевавшихъ подъ предводительствомъ Пелопида. Прочія шайки, составлявшія сію малую рать, отличались только пестротою, буйствомъ, алчностью корысти и строптивымъ ослушаніемъ. Надъ ними поставлены были начальниками хищные Альбанцы, посѣдѣвшіе въ разбояхъ тѣлохранители Господарей, или выпедшіе изъ училищъ самонадѣянные проказники. Одного только маститаго вождя, истиннаго героя, умѣлъ приобрести Инсиланти, но не умѣлъ воспользоваться высокими его доблестями. Это былъ Капитанъ Георгій Олимпій, мужъ совѣта и наѣздникъ безстрашный, мощный духомъ, хотя вовсе не грозный осанкою и наружностію.*

Въ Валахіи, лишенной Господаря своего, нѣкоторые Бояре, начальники вольницы и члены Этеріи, нетерпѣливо ожидали прибытія Князя Инсиланти, по тому что въ сей странѣ уже господствовало неусройство и отчасти явное возмущеніе. Главою бунта, вспыхнушаго предъ самою смертію Господаря, былъ нѣкто Θεодоръ Владимиреско, Валахскій уроженецъ, находившійся прежде въ службѣ Россійской. Онъ чуждался замысловъ Этеріи, объявлялъ себя защитникомъ туземцевъ и мстителемъ за нарушение ихъ правъ мѣстною властію, громогласно вопіялъ противъ злоупотреблений ея и искалъ расправы силою оружія. Пользуясь инпунтымъ владычествомъ надъ простымъ народомъ, онъ умѣлъ взволновать его и набралъ въ Малой Валахіи до четырехъ тысячъ войска, составленнаго изъ Пандуровъ или мѣткихъ стрѣлковъ, конми обильна сія гористая страна, смежная съ верховьемъ Дуная и Венгріею. Не трудно было бунтовщику составить вольницу изъ

* Георгій Олимпій, природный Грекъ, изучилъ военное ремесло въ горахъ между Клефтами, былъ слодвижникомъ храбрыхъ Сербовъ, отличился на Рущуцкомъ штурмѣ, будучи охотникомъ, произведенъ былъ въ Прапорщики и получилъ саблю: «За храбрость». Послѣ Бухарестскаго мира онъ надѣлъ снова на себя Албанское платье, вступилъ въ службу вождя Сербскаго, Милоша, принявъ участіе въ Этеріи, и обѣтъ свой запечатлѣлъ своею кровію.

людей, пріобыкшихъ отражать набѣги сосѣднихъ Турковъ и промышлять разбоями. Но бояре Валашскіе недовѣряли намѣреніямъ Владимиреска и невольно устремляли взоры и надежды своя на Князя Иисиланти, какъ представителя Россіи. Не возможно было Бухарестскому Дивану проникнуть тайну, уже разгаданную Молдавскими Сановниками, вблизи усмотрѣвшими ненадежность предпріятія Иисиланти. По симъ причинамъ они еще уповали найти въ немъ оградителя общественной безопасности. Долго, однако жъ, медлилъ Князь между Яссами и Фокшанами.

Снѣдаемый заботами и уstraшенный неблагопріятнымъ отвѣтомъ Императора Александра на письмо его, юный вождь не вѣдалъ, что начать и чѣмъ отвратить грозившій ему ударъ. Въ минуты сего гибельнаго недоумѣнія, Иисиланти подобенъ былъ безпечному страннику, приставшему къ землѣ неизвѣстной и оттолкнувшему отъ берега спасительный чолнъ, на которомъ онъ преплылъ бурную стихію. Доказательствомъ внутренней тревоги помысловъ его служить второе письмо, написанное имъ къ Россійскому Посланнику, Барону Строганову, въ коемъ онъ изъяснилъ непостижимую готовность внять совѣтамъ, совершенно не совмѣстимымъ съ цѣлію необдуманнаго предпріятія. Какъ бы то ни было, приливъ вооруженныхъ шаекъ понесъ его къ Бухаресту, онъ приблизился къ сему многолюдному городу, въ сопровожденіи многочисленнаго войска, но едва успѣлъ созвать къ себѣ приверженцевъ своихъ, какъ вѣсть о нашествіи Турецкой раги смутила его: онъ доворотилъ въ лѣво, къ опустѣвшей древней столицѣ Валахія, Торговищу, и занялъ въ окрестностяхъ ея довольно крѣпкую позицію. Станъ его былъ наполненъ затѣйливыми совѣтниками. Одинъ указывалъ на лѣвый берегъ Дуная, совѣтуя быстрою переправою изумить Турковъ и ошолчить Христіанскихъ жителей Болгаріи, другой внушалъ ити прямо на встрѣчу Силистрійскому Пашѣ, третій укрѣпиться въ горахъ и дѣйствовать разсыпными отрядами; наконецъ большинство голосовъ признавало необходимымъ, до вступленія въ неравный бой, привлечь подъ общее знамя начальника Пандуровъ, Федора Владимиреска, и хитраго Албанца, Полковника (по Турецкому Бимбану) Господарской стражи, посѣдѣваго въ грабежахъ и наемничествѣ, извѣстнаго Савву. Къ несчастію, Иисиланти склонился съ сему по-

сладному мѣнѣю. Въмѣсто того, чтобы мужественно встрѣтить медленно шедшее Турецкое войско, воспользоваться недовѣрчивою къ силамъ своимъ робостію Пашы, и громкою побѣдою осуществить дерзкое возстаніе противъ цѣлой Имперіи, наполненной Христіанами, Князь предпочелъ оборонительную войну, открылъ съ Владимирескомъ и Саввою безплодные переговоры, обличавшіе его слабость, и малодушною нерѣшимостію охладилъ ревность всѣхъ, желавшихъ ему успѣха. Онъ мечталъ искупить время, и безвозвратно утратилъ благопріятный мигъ; выжидалъ происшествія, и совершенно забылъ, что будущее заключено въ настоящемъ. Владимиреско и Савва колебались въ своихъ намѣреніяхъ и расчетахъ: первый хотѣлъ остаться предводителемъ Валахскаго ополченія и воображалъ, что, дѣйствуя отдѣльно, онъ рано, или поздно, сдѣлается необходимымъ союзникомъ Турковъ, или Грековъ, и, наблюдая движенія обѣихъ воюющихъ сторонъ, изберетъ удобное время, чтобы пристать къ побѣдителю. Въ расчетахъ коварнаго Саввы господствовало одно корыстолюбіе: съ семьюстами удальцовъ онъ промышлялъ случаями къ измѣнѣ, и сторожилъ Бухарестъ, какъ вѣрную добычу. Всѣ обманулись! Ибо Турки, раздѣлясь на два сильные отряда, разомъ двинулись впередъ отъ Браилова и Журжи къ Яссамъ и Бухаресту. Свѣдавъ о семъ движеніи непріятеля, Князь Ипсиланти отрядилъ Князя Георгія Кантакузина съ 800 человекъ, приказавъ ему посильнѣе въ Яссы, присоединить къ себѣ пѣхоту и конницу Младена Сербскаго и стараться отразить нашествіе врага на южную часть Молдавіи. Самъ остался съ осмью тысячами въ Торговищѣ; но вскорѣ, избѣгая встрѣчи съ Пашею, отступилъ назадъ, преслѣдуемый Турками, все еще опасавшимися воинской хитрости, засады, или внезапнаго нападенія. Ипсиланти, увѣрившись въ непреклонности Владимиреска, рѣшился наказать его за подозрительное бездѣйствіе, и поручилъ отважному Георгію Олимпію раздѣлаться съ нимъ, употребивъ на то убѣжденіе, или силу. Лишь только отданъ былъ приказъ, Олимпій поскакалъ прямо въ станъ стараго сослуживца, вызвалъ его въ средину стекшейся отсюду вольницы, смѣло укорилъ его предъ всѣми въ пагубной для края измѣнѣ и, не слушая отрывистыхъ оправданій изумленнаго Владимиреска, велѣлъ его связать и отвести плѣнникомъ въ станъ Княжескій. Никто не вступился за начальника, никто не дерзнулъ возразить

ни одного слова, повелѣніе исполнено было съ покорнымъ трепетомъ, но Пандуры большею частію разбрелись и по уступамъ лѣсистыхъ горъ разсыпались, какъ пчелы изъ раздробленнаго улья. Предводитель ихъ въ оковахъ предсталъ раздраженному Князю; его, какъ увѣряютъ очевидцы, судили военнымъ судомъ, и въ ту же ночь до разсвѣта несчастный былъ изрубленъ. Съ нимъ исчезло туземное войско, отъ котораго надѣялись подкрѣпленія, а неотвратимая встрѣча съ Пашею частъ отъ часу болѣе приближалась. Тогда Князь Ипсиланти прозрѣлъ; часомыя происшествія не выручили его; со всѣхъ сторонъ обступили его непріатели; сподвижники унывали и гнушались недоступностію, прихотями и мнительностію своего начальника; угасла и въ немъ бодрость духа; онъ тайно выписалъ для себя и двухъ братьевъ своихъ, Николая и Георгія, находившихся при немъ, и имѣлъ Австрійскій паспортъ, коимъ дозволялось ему переѣхать границу и чрезъ Императорскія владѣнія слѣдовать въ Гамбургъ. Съ симъ талисманомъ, сокрытымъ въ доспѣхахъ вождя, наканунѣ роковой битвы, возможно ли было ожидать чего ни будь великаго? Если по прошествіи двѣнадцати лѣтъ возникнуть съ безстрастіемъ въ нравственныхъ причины, вовлекшія юношу, дотошъ храбраго, въ сію постыдную крайность, то, по вѣроятностямъ разума, не иначе можно объяснить поступокъ Ипсиланти, какъ предположивъ, что смятенный духъ его ужаснулся не славной смерти, но плѣна Турецкаго, казни мучительной и позорной, усматривая въ побѣгѣ за границу возможность достигнуть Средиземнаго моря и береговъ Пелопониса, чрезъ Гамбургъ и Англію. Двоедушіе, а не низкій страхъ, погубило Князя Ипсиланти; изъ всѣхъ примѣтъ его характера явствуется безпечность, выражается склонность дѣйствовать на удачу, ловить умомъ нечаянные случаи и, вопреки порядку дольнаго міра, слѣпо вѣрить торжеству добрыхъ намѣреній. Какъ бы то ни было, Турки настигли разстроенныхъ Грековъ: лишь только Василій Каравья завидѣлъ непріателя, тотчасъ обратился въ бѣгство съ отборною конницею, священная дружина осталась одинокою на полѣ сраженія, конные витязи алкали рукопашнаго боя съ палачами Христіанъ и искали взорами главнаго начальника, надѣясь на личное его присутствіе; но тщетно! Одинъ меньшій братъ его, Князь Николай, явился между ними на конѣ, готовый раздѣлить съ ними смерть завидную. Схватка на-

чалась: Георгій Олимпій, посланный Княземъ, бросился въ кровавую сѣчу; хладнокровный исполнитель послѣдняго приказанія его, насильно поворотилъ онъ коня Князя Николая и увлекъ за собою отчаяннаго юношу къ старшему брату. Тогда Мусульмане врубились въ неопытные ряды: лучшіе пали, сражаясь и низлагая свирѣпыхъ враговъ, прочіе взяты были въ плѣнъ, или скрылись въ чащу дубравъ и ущелій. Не стало осьмидесячнаго войска, коего начальникъ, сверхъ всякаго чаянія, уже находился въ плѣну Христіянъ за границею. Георгій Олимпій простился съ Ипсиланти на рубежѣ двухъ Государствъ, обратился безстрашною грудью къ побѣдителямъ, собралъ нѣсколько сотъ удалыхъ товарищей и пустился, по непроходимымъ горамъ, съ намѣреніемъ проложить себѣ путь въ Молдавію. Отъ сихъ разительныхъ противоположностей дѣяатель невольно погружается въ горестную, глубокую думу.

Мысль, окриленная удивленіемъ, стремится по геройскимъ слѣдамъ Олимпія, не побѣжденнаго злополучіемъ. Обстоятельства его славнаго похода въ горахъ подробно не извѣстны. Мы знаемъ только, что онъ, съ горстію вѣрныхъ и храбрыхъ, болѣе трехъ мѣсяцевъ скитался по крутизнамъ, громилъ отряды Турецкіе при каждой встрѣчѣ, смѣло переправлялся въ бродѣ, или впавахъ, чрезъ быстрины горныхъ потоковъ, во всякомъ мѣсту устроая засаду, во всякомъ монастырѣ находилъ твердыню и, вступивъ въ Молдавскую область, наконецъ укрѣпился въ древней обители Секу. По извѣсту коварныхъ, Турки открыли послѣднее убѣжище непобѣдимаго, обложили монастырь и грозили ему голодною смертію. Но у Георгія еще былъ порохъ: онъ взорвалъ себя на воздухъ. Надъ витяземъ Креста сбылась вдохновенная пѣснь Жуковского:

«Сыпъ брани мигомъ пошу въ прахъ
Съ могущихъ плечъ свергаетъ,
И бодръ, на молнійныхъ крылахъ,
Въ міръ лучшій улетаетъ».

И донинѣ сохранилась въ Молдавскомъ простомъ народѣ молва, что онъ еще живъ, не видимый блуждаетъ въ горахъ и снова въ добрый часъ на Турковъ нагрянетъ. Разительное сход-

ство съ Португальскимъ преданіемъ о Королѣ Донъ-Себастьянѣ, безъ вѣсти пронавшемъ въ Африканскихъ пескахъ, и вмѣстѣ лучшая надгробная похвала, вѣрнѣйшій отголосокъ безсмертія того и другаго.

Князь Георгій Кантакузинъ, отдѣляясь отъ главной Греческой рати, предъ пораженіемъ Князя Ипсилянты, направилъ шествіе свое въ Молдавію, и засталъ въ Яссахъ буйнаго Сотника Вандедеску, самовластно управлявшаго столичнымъ городомъ цѣлаго Княжества, при помощи одной роты хищныхъ Этеристовъ. Малодушный Господарь, Михаилъ Суццо, съ наперсникомъ своимъ, Ризо-Нерулосомъ, съ семьєю, челядью и пожитками, давно уже переправился за Прутъ въ Бессарабскую область, какъ жалкое игрище собственныхъ ухищреній и чуждаго насильства.

Но лишь только Кантакузинъ расположился въ Яссахъ намѣстникомъ верховнаго вождя, какъ вѣсть о приближеніи Браиловскаго Паши заставила его выступить изъ города. Отрядъ его двинулся къ Стынкѣ (загородному дому Боярина Розпована), а оттуда бросился въ слѣдъ, за оцѣнившимъ начальникомъ, по уступамъ холмовъ, къ низменной равнинѣ надъ рѣкою Прутомъ, противъ Бессарабскаго мѣстечка и карантина Скулянскаго, охраняемаго Русскими войсками. Не помышляя о выборѣ мѣста, удобнаго къ отраженію Турковъ, Кантакузинъ расположился станомъ у самой переправы. Въ сонмѣ ратникомъ его находилось много храбрыхъ. Но у нихъ недоставало полководца. Въ боязни умъ его исчезъ, и недоувѣрчивость къ его распоряженіямъ возбудила общій ропотъ, несогласіе и даже угрозы. Отчаянные воины громко вопіяли на вождя за то, что онъ ни чѣмъ не оградилъ стана, не умѣлъ отступить на встрѣчу ожидаемой конницы и, давъ время превосходной силѣ непріятельской наткнуться на изнуренныхъ, казалось, готовилъ ихъ въ жертву злой смерти. Сугубо встревоженный сими упреками, Кантакузинъ тотчасъ началъ помышлять о личной своей безопасности и, поскакавъ къ переправѣ, подъ предлогомъ совѣщанія съ Русскими Генералами, стоявшими на лѣвомъ берегу, нашелъ убѣжище въ предѣлахъ Царства Православнаго. Тогда отчаянное мужество осиротѣвшихъ ратоборцевъ возросло до остервенѣнія и ярости. Софіанось, Аванасій и имъ

подобные сподвижники обрекли себя и товарищей на славную смерть и, ободряя друг друга, начали кровавую сѣчу. Изъ окоповъ мѣтко стрѣляли они въ нападающихъ Мусульманъ, и саблями и копьями отражали приступъ враговъ, не разъ бѣжавшихъ въ разстройство отъ убійственнаго ихъ отпора. Наконецъ Паша, усмотрѣвъ, что безъ артиллеріи трудно было бы истребить горсть героевъ, навелъ съ фланга батарею и открылъ по нимъ жестокий огонь: ядра летали мимо земли Русской, за излучину Прута, и производили въ маломъ станѣ страшное опустошеніе. Нѣсколько тысячъ зрителей съ болѣзненнымъ участіемъ смотрѣли на неравное побоище, извлекавшее слезы умиленія у старыхъ, отличныхъ Генераловъ нашихъ, достойныхъ цѣнителей доблести воинской. День уже склонялся къ вечеру и ночь спасла бы остатки храбрыхъ, но Паша усилилъ пушечный огонь и натиски своей пѣхоты; надлежало бѣжать за рѣку, или лечь костями на мѣстѣ; лучшіе ратоборцы сомкнулись въ одинъ взводъ и яростно бросились въ ряды Агарянъ, рубя, низлагая ихъ холоднымъ оружіемъ, за недостаткомъ зарядовъ. Всѣ погибли въ дивномъ сраженіи, и только малое число израненныхъ перебралось въ бродъ и вплавъ на берегъ гостепріимный. Въ роковую ночь, возлегшую надъ полемъ славной битвы, усыяннымъ тысячею труповъ, прибыла конница подъ предводительствомъ Младена Сербскаго, но прибыла поздно, на поминки отстрадавшихъ, и съ ужасомъ разсѣялась.

Таковъ былъ бѣдственный конецъ нашествія Князя Ипсиланти на Молдавію и Валахію! Дерзкіе, высокопарные, замыслы Этеріи обратились въ ничто; ревностный, но легкомысленный, исполнитель сего необдуманнаго предпріятія, съ двумя братьями своими и приближенными къ нему, Орфаносомъ и Ласаніемъ, отведенъ былъ Австрійцами въ плѣнъ и заключенъ въ Венгерскую крѣпость Мункачъ; незабвенный Георгій Олимпій и храбрѣйшіе его сподвижники погибли не безъ славы, но безъ пользы для Еллады, за которую радостно напояли они свою кровію землю чуждую; до 8,000 воиновъ истреблено было въ различныхъ встрѣчахъ и битвахъ, нѣсколько милліоновъ рублей издержано, цвѣтущій и богатый край между Прутомъ и Дунаемъ безвинно подвергся внезапному опустошенію, превзошедшему ярость моровой

язвы, саранчи и пожаровъ; повсюду воцарилось безначаліе, за-
сверкала булатъ Турецкій, не стало суда и расправы, нарушены
права, льготы и преимущества страны, дотолѣ огражденной дого-
ворами и Россійскимъ покровительствомъ; всѣ именитые Болре
удалились, кто въ Бессарабію и Черновцы, кто, въ смежную съ
Валахіею, Трансильванію. Коварный грабитель, Савва, воспріялъ
не чаемую имъ мзду изъ рукъ побѣдителя, но позорную казнь без-
сильнаго злодѣя. При видѣ сихъ окровавленныхъ развалинъ Эте-
рія не могла сказать въ утѣшеніе себѣ, что, по крайней мѣрѣ,
удалось ей произвести желанный разрывъ Россіи съ Оттоманскою
Портою. Изъ сплетенія лжи возникъ одинъ хаосъ, и тяжкое
бремя неравной борьбы обрушилось на главы злосчастныхъ жи-
телей Пелопониса.

Однако, со дня мученической кончины Патріарха Григорія,
Императоръ Александръ I-й не преставаѣ, чрезъ посредство По-
сланника своего, внушать Туркамъ, что верховная власть, поражаѣ
противниковъ своихъ, должна отличать невиннаго отъ виновнаго,
и что, свирѣпствуя безъ разбора и мѣры, Порѣ готовитъ себѣ
сугубую напасть отъ суда Божія и отчаянія человѣческаго. Но
всѣ совѣты и даже угрозы негодованія справедливаго были без-
плодны. Григорію Александровичу Строганову оставалось только
неустрасливо, громко, обличать душегубцевъ и всѣми мѣрами ис-
торгать изъ челюстей смерти безчисленныя жертвы, обреченныя
сылкѣ, насилію и плахѣ. Онъ сохранялъ вполне обѣтъ вѣры и
любви къ ближнему, прославилъ имя Россіи неутомимымъ чело-
вѣколюбіемъ; не щадя самаго себя и смѣло раздражая изсту-
пленныхъ Мусульманъ. Достойный представитель Александра Бла-
гословеннаго не отказывалъ въ защитѣ ни одному опальному
Греку, скрывалъ ихъ отъ поисковъ рыщущихъ убійцъ, снабжалъ
нужнымъ, облачалъ въ Европейскія платья, сажалъ на купече-
скія суда и при попутномъ весеннемъ вѣтрѣ успѣлъ отправить въ
Одессу болѣе семи тысячъ душъ Христіянскихъ. И какъ вель-
можѣ Русскому, Христіанину, Послу благотворительнаго изъ Царей
земныхъ, не вступиться за погубившихъ, тѣмъ смѣлѣе и без-
условнѣе, что кроваваго неистовства Турковъ упразднило тогда
всѣ права и беззаконіемъ узаконило естественное, неотъемлемое,
право частной обороны противъ насильства? Наканунѣ овдовѣв-

нія матери семействъ по нѣскольку дней сряду прятали малолѣтнихъ сыновей въ изсякшія водохранилища; другія, пользуясь темнотою ночи, съ дѣтьми и домочадцами, тайно переходили изъ дома въ домъ и наконецъ достигали какого ни будь судна, на коемъ, съ разсвѣтомъ, Турки обыкновенно производили обыскъ: пняыа впадали въ руки палачей, или, на плотахъ, отсылаемы были къ отдаленнѣйшимъ берегамъ Азіи на безсрочное и безотрадное изгнаніе. Среди толикаго стеченія бѣдствій и смутъ, Строгановъ мужался, бодрствовалъ, спасалъ несчастныхъ, устрашалъ гонителей и часто присутствіемъ духа отвращалъ опасности, грозившія самому Посольству со стороны наглыхъ морскихъ солдатъ и буйной черни. Мѣра терпѣнія исполнилась. Императоръ повелѣлъ Графу Каподистрії начертать рѣшительную ноту, въ коей объявляемо было Портѣ, что если она не прекратитъ душегубства, пожинавшаго всѣхъ безъ разбора Грековъ, духовныхъ и мірянъ почетнаго званія, и если впредь не согласитъ правосудія съ милосердіемъ и не возстановитъ разрушенныхъ храмовъ, то Посланникъ Россійскій, по силѣ даннаго ему наказа, удалится изъ Царьграда, а оскорбленная, въ лицѣ безвинныхъ и безоружныхъ единовѣрцевъ своихъ, Россія предоставитъ себѣ полное право, съ помощію союзныхъ Державъ, вступить за цѣлый народъ, явно обреченный въ жертву слѣпому изуверству. Гонецъ отправился въ Царьградъ; Посланникъ тотчасъ подалъ Дивану офиціальную сію ноту, присовокупивъ къ содержанію ея изустное объявленіе, что если въ теченіе осьми дней онъ не получитъ удовлетворительнаго отвѣта, то, по волѣ Императора, выбудетъ изъ Константинополя. Султанъ колебался, совѣтъ его медлилъ, и твердый, непреклонный, Строгановъ въ уреченный день и часъ сдержалъ Царское слово. Отплытіе его въ Одессу изумило Оттоманскую Портѣ, воображавшую, что угрозы никогда буквально не исполняются. Вся Дипломатическая братія, обитавшая въ предмѣстьѣ Перѣ, воила противъ крутаго поступка. По мнѣнію ихъ, въ отвѣтъ на ноту 8-го Іюля, надлежало обвинить Русскаго Посланника въ предосудительной поспѣшности, выказать притворное безстрашіе, обидѣжить Россійскій Дворъ въ прекращеніи кровопролитія, но вмѣстѣ затмить неоспоримую истину жалобами, упреками и дерзкими вымыслами. Извѣстно, что весь этотъ очеркъ соблюденъ былъ въ отзывѣ Турецкаго Правительства, впрочемъ, слабомъ и не-

связномъ. Къ ухищренію присовокупилось и злобное невѣжество грамотѣевъ Дивана. Они, вѣроятно, затрудняясь въ оправданіи беззаконной казни Патріарха Григорія, вздумали въ официальной нотѣ, извинить поступокъ Султана мнимою казнію Патріарха Всероссійскаго, будто бы совершенною въ царствованіе Петра Великаго. По сему образцу можно судить о цѣломъ составѣ Оттоманской ноты, ознаменованной печатію слѣпой ненависти и забвеніемъ всѣхъ приличій. Нелѣпый и неумѣстный отзывъ сей не былъ удостоенъ подробнаго возраженія; Императоръ Александръ, дорожа спокойствіемъ еще волновавшейся Европы, внялъ просьбамъ Союзныхъ Державъ, и въ особенности Австрійскаго Кабинета, внушавшаго необходимость долготерпѣнія, какъ единственнаго средства, концъ Державный Союзъ Вѣнценосцевъ могъ посрамить надежды и разрушить навѣты тайныхъ обществъ, алкавшихъ роковаго разрыва. Ни во что вмѣняла убытки, понесенныя Россійскими подданными, растройство мореплаванія полъ нашимъ флагомъ, гибель нашихъ единовѣрцевъ и бѣдственное положеніе Княжествъ, самовластно и продолжительно управляемыхъ горстію Яничаръ, вопреки постановленіямъ трактатовъ, члены Союза, возобновленнаго въ Аахенѣ, т. е., Австрія, Англія и Франція, употребили всѣ усилія искусной, но педаальновидной, политики, чтобы смягчить праведный гнѣвъ Царя-миротворца и остановить руку, уже подъятую на пораженіе строптивой Турціи. Таковымъ стараніемъ война, казавшаяся неизбежною, отвращена была на время; но Порты не преставала слѣпоотствовать и губить Христіанъ безъ разбора; посредничество Союзниковъ нашихъ не произвело желаннаго примиренія; а между тѣмъ крамольники всѣхъ странъ Европы болѣе и болѣ овладѣвали умами беззащитныхъ Грековъ, совращали ихъ съ пути законности и вѣры и вооружали противъ единодушной системы главныхъ Дворовъ, естественное состраданіе благомыслящихъ людей къ погибающему Христіанскому народу.

Напротивъ того, если бы Кабинеты Вѣнскій и Седжемскій, не увлекались преувеличеннымъ страхомъ Россійскаго могущества и властолюбія, лучше выикнули тогда въ образъ мыслей и характеръ Александра I-го и отдали на произволъ Монарха великодушнаго судьбу обуреваемого Востока, то смѣло можно утвер-

ждать, что лютая борьба скоро прекратилась бы къ отрадѣ чело-вѣчества, къ стыду всемірной крамолы и безъ нанесенія Турецкой Имперіи большаго вреда, нежели каковому подверглась она отъ неограниченнаго вліянія происшествій. Къ несчастію, люди искони судятъ о другихъ по себѣ; своекорыстіе не постигаетъ доблести душевной; и расчеты односторонняго разума заставили суемудрыхъ политиковъ утратить единственное благопріятное время, въ которое еще возможно было безъ потрясенія упрочить участь Восточной и Западной Европы. Теперь, по прошествіи двѣнадцати бурныхъ лѣтъ, сія истина сдѣлалась очевиднѣе; ибо тронъ Султана подрывъ, Греція мятется, Турки бѣдствуютъ не менѣе Христіанъ; и пламень междоусобія пожираетъ ветхое Царство, которое достанется въ удѣлъ сильнѣйшему.

Прерванная скорбною думою нить повѣствованія снова ведетъ насъ на позорище отчаяннаго бореи. Султанъ Махмудъ, ободренный снисхожденіемъ Россіи, началъ собирать вооруженную силу, чтобы ея подавить возстаніе. Друзья Порты, съ одной стороны, побуждали оную къ стремительному нашествію на Греческій полуостровъ; съ другой, умоляли Александра I-го изъяснить свое согласіе на созваніе Конгресса. Сими соображеніемъ они надѣялись выиграть время, отвлечь вниманіе Россіи отъ собственныхъ ея прямыхъ выгодъ и нарушенныхъ правъ, и наконецъ подвергнуть разбору Конгресса вопросъ о мятежѣ Грековъ. Каподистрія, не взирая на возникшія противъ него предубѣжденія людей, укорявшихъ его въ пристрастія къ Грекамъ, не престававъ говорить истину и предостерегать отъ посредническихъ, по крайней мѣрѣ, бесполезныхъ услугъ, оказываемыхъ Россіи Министрами Союзныхъ Державъ въ Царьградѣ; и наконецъ, когда обнаружилось общее стремленіе всѣхъ Дворовъ къ открытію Конгресса въ Веронѣ, онъ съ горестію предсказалъ, что всѣ переговоры, внѣ Петербурга, естественнаго ихъ средоточія, болѣе и болѣе запутаютъ дѣла Востока и лишатъ Россію свободы дѣйствовать въ защиту собственныхъ правъ, тѣсно сопряженныхъ съ бытіемъ нашихъ единовѣрцевъ. Разсудокъ его свѣтлый, не омраченный соболѣзнованіемъ сердечнымъ, убѣждалъ его въ необходимости начать военныя дѣйствія, и потомъ вступить въ непосредственные переговоры съ Портою Оттоманскою; онъ предлагалъ, не отиѣняя осужденія,

произнесеннаго надъ митежемъ, 50,000-ю войскъ занять Молдавію и Валахію, коихъ безопасность, по силѣ торжественныхъ договоровъ, состояла подъ нашимъ покровительствомъ, возстановить въ сихъ, безвинно терзаемыхъ, странахъ тишину и законное устройство, и тогда, утвердись на берегахъ Дуная, вызвать Турецкихъ Полномочныхъ къ совѣщанію о прочномъ мирѣ. По всѣмъ вѣроятностямъ опыта, сіе законное вмѣшательство не осталось бы безплоднымъ; Порта, узрѣвъ существенную опасность, опомнилась бы и начала бы помышлять о будущемъ. Къ сожалѣнію, мѣніе Каподистрія не было одобрено; Императоръ Александръ, справедливо цѣня благіе совѣты, внушенные ревностію къ пользамъ и чести Россіи, и безъ труда разгадавъ тайные помыслы и опасенія нашихъ союзниковъ, рѣшился, однако же, отложить военныя дѣйствія и прибѣгнуть къ медленнымъ переговорамъ. Современные наблюдатели событій приписали рѣшимость сію политическому вліянію Вѣнскаго Кабинета. Но, строгій наставникъ, время, годъ отъ году болѣе разоблачаетъ предъ нами прошедшее. Чѣмъ глубже вникаемъ мы въ потаенныя причины настоящихъ превратностей, тѣмъ вѣрнѣе постигаемъ господствующую мысль Царя-миротворца. Не донесенія Лорда Стратфорда, бывшаго въ то время Великобританскимъ Посломъ въ Константинополь, и не краснорѣчивыя мольбы Князя Меттерниха, вовлекли Александра I-го въ систему самоотреченія и бездѣйствія. Нѣтъ! Далеко брошенный имъ проницательный взглядъ въ бездну революцій, глубоко и широко изрытую духомъ крамолы, но еще подернутую благовиднымъ туманомъ, вотъ что остановило карающую десницу великаго Монарха, и вмѣстѣ причинило Христіанской душѣ его скорбь неизъяснимую. Онъ почиталъ несбыточнымъ предпріятіемъ прикрыть единовѣрцевъ щитомъ Россіи и обуздать Турцію безъ всякаго, невольнаго споспѣшествованія злему духу безбожія и безначалія, породившему столь многочисленный сонмъ разповидныхъ, но единодушныхъ, обществъ въ цѣлой Европѣ. Итакъ, повинувся внутреннему гласу и призвавъ въ судіи и свидѣтели небеснаго Законодателя-сердцевѣдца, блаженныя памяти Императоръ отклонилъ отъ себя новый вѣнецъ славы, чтобы не нарушить высшаго долга, и ждалъ ясныхъ признаковъ ожесточенія Турковъ и Божія суда надъ ними, для нанесенія ихъ Царству конечнаго пораженія.

Союзные Вѣнценосцы избрали мѣстомъ общаго съѣзда и совѣщанія древній городъ Верону, въ прежнемъ Венеціанскомъ владѣніи. Между тѣмъ Султанъ, по настояніямъ пламенныхъ своихъ доброжелателей, повелѣлъ войску, собравшемуся на равнинахъ Фессаліи, подъ предводительствомъ свирѣпаго Драмъ-Али, устремиться быстрыми переходами къ перешейку Коринѣскому. Махмудъ горѣлъ нетерпѣніемъ загладить позоръ низложенія Капитана-Паши при Хіосѣ. Мирные, промышленные, жители сего острова, долго колебавшіеся между преданностію Султану и любовью къ Греческому имени, наконецъ отложились отъ Турковъ, призвали къ себѣ Псаріотовъ и подняли въ родной землѣ двучѣтное, бѣло-голубое, знамя съ Крестомъ. Лишь только сдѣлалось гласнымъ ихъ отпаденіе, какъ Султанъ послалъ флотъ и Азіятское войско не покорить, но истребить мятежниковъ. Кровожадные исполнители его воли высажены были съ разныхъ сторонъ на берегъ; Епископа Платона и почетныхъ гражданъ, взятыхъ въ заложники, Капитанъ-Паша приказалъ повѣсить, и потомъ бросить въ море. Въ слѣдъ за симъ началось всенародное закланіе. Не только способныхъ владѣть оружіемъ, но даже старцевъ, женъ и дѣтей рубили Азіятцы цѣлыми стадами. Городъ Хіосъ и всѣ селенія на островѣ опустошены, сожжены, срыты были до основанія. Не стало въ нихъ обитателей. Изъ 80 тысячъ, пятьдесятъ погибли отъ меча, или отведены въ неволю; нѣсколько тысячъ спаслось бѣгствомъ; исповѣдавшіе Латинскую вѣру уцѣлѣли въ домахъ иностранныхъ Консуловъ. Весь Хіосъ (по словамъ преданнаго Портѣ «Смирнскаго Зрителя») мгновенно превратился въ огромный холмъ могильный! * Кровь избіенныхъ Хіосцевъ громко вопіяла на небо, и скоро низвела на главу изверга Капитана-Паши молнію правосудія. Въ дальней синевѣ полуденнаго небосклона заиграли, бѣлѣе падъ зыбями, легкія вѣтрила Греческихъ военныхъ судовъ, названныхъ птицами морскими, по быстротѣ ихъ бѣга. Въ стаѣ малыхъ бриговъ, казавшихся челноками вблизи Турецкихъ липейныхъ кораблей, плыли небольшіе брандеры или зажигательныя суда, набитыя горючими веществами, но одинакой

* Издатель пресловутой сей газеты, 12 лѣтъ сряду поносившій Россію и Православную Церковь, описывая паденіе Хіоса, заключаетъ разсказъ слѣдующими словами: «Chios n'est plus qu'un monument funèbre!»

съ прочими наружности. На палубѣ одного брандера стоялъ знаменитый кротостію, умомъ и отвагою, грозный врагамъ, Псаріотъ Константинъ Канарисъ. Онъ долго озиралъ Адмиральскій корабль Оттомановъ. пылая любовію къ отечеству и благороднымъ мщеніемъ, Канарисъ твердо положилъ въ душѣ, съ помощію Всевышняго, воздать душегубцу на самомъ мѣстѣ его злодѣяній. Протяся съ жизнію въ цвѣтѣ юности, онъ началъ, извиваясь, приближаться къ пловучей твердынѣ, стоявшей на якорѣ; обманулъ безпечныхъ кровопійць, пресыщенныхъ добычею и сладострастіемъ; примкнулъ къ кормѣ; уцѣпился за обреченную громаду, бросилъ роковую искру и — въ двѣ минуты Адмиральскій 84 пушечный корабль обхватило неугасаемое пламя! Канарисъ не помышлялъ о своей безопасности, медлилъ, пока не увѣрился, что нѣтъ спасенія врагамъ; тогда кинулся онъ съ пятью удальцами въ легкій челнъ и помчался на веслахъ, при звучныхъ кликахъ побѣдныхъ, любуясь трескомъ и заревомъ пожара. Тщетны были всѣ усилія Турецкихъ мореходцевъ: громада облилась огнемъ, взвивавшимся змѣю по снастямъ и мачтамъ; тѣло корабля запылало; пушки гремѣли; люди, толпясь, изрыгали яростныя проклятія; самъ безжалостный истребитель Хіосцевъ, израненный, бросился въ ладью, причалилъ къ завѣтному берегу и на песокъ, утучненномъ кровію невинныхъ жертвъ, испустилъ духъ въ заслуженныхъ мученіяхъ. Казнь его увѣичалась взрывомъ корабля, на коемъ погибло не менѣе 1200 человекъ; грохотъ неимоверно сильнаго разраженія пронесся по Архипелагу, повторенный гуломъ отдаленныхъ скалъ Эгейскихъ, и густыя дымныя облака долго стлались по водамъ и вдоль безлюдныхъ береговъ Хіоса!

Сіи подробности не вымышлены дѣлписателемъ, но почерпнуты изъ разсказовъ очевидцевъ, и должны сохраниться, какъ страшилище злодѣевъ, въ памяти поздняго потомства. Пусть вѣритъ оно, что, по словамъ Писанія, гибель нечестивыхъ не дремлетъ, хотя и не всегда свершается съ быстротою, только неумолимою.

Участь Капитана-Паши не смягчила ожесточенія Оттоманской Порты. Полчища ея подвигались къ южнымъ странамъ Еллады. Въ то же время, т. е., въ Августъ 1822 года, Союзные Монархи и Министры различныхъ Кабинетовъ начали сѣзжаться въ Ве-

рону. Императоръ Александръ, готовясь къ отъѣзду, предложилъ Графу Каподистрии, по прежнему, сопутствовать ему и принять дѣятельное участіе въ прѣніяхъ Конгресса. Тогда сей мужъ правоты и совѣта позналъ нашедшую на него годину искушенія, ознаменованную бореніемъ самыхъ близкихъ къ сердцу его обязанностей. Долгъ благодарности къ Царю-благодѣтелю; долгъ братолюбія къ Еллинамъ, вызываемымъ предъ судилище обвинителей; глубокая увѣренность его въ томъ, что Веронское свиданіе не могло споспѣшествовать правамъ и выгодамъ Россіи; негодование къ преступнымъ зачинщикамъ отечественнаго возстанія и вмѣстѣ неизгладимое чувство любви ко всему родному, возраставшее въ немъ по мѣрѣ злополучія Грековъ, наконецъ благородная недоувѣрчивость къ самому себѣ, опасавшаяся обаяній и сѣтей на тернистой стезѣ подлежащаго подвига — все сіе обуревало духъ Каподистрии, поверженнаго въ неописанное огорченіе. Внутренній, врожденный, гласъ раздался въ его сердцѣ, вѣщая ему, что отреченіе отъ родины земной позволено лишь для горняго отечества; и всѣ недоумѣнія умолкли; онъ поспѣшилъ излить свои чувствованія предъ Августѣйшимъ цѣнителемъ доблести душевной; объявилъ, что готовъ служить Его Величеству до гроба, но участвовать въ дѣлахъ Веронскаго Конгресса не можетъ и не долженъ. Не простирая далѣе любопытнаго взора въ святилище сей незабвенной, истинно Царской, бесѣды, скажемъ читателямъ нашимъ, что Императоръ съ глубокимъ умиленіемъ изъяснилъ наконецъ соизволеніе на просьбу вѣрнаго слуги; осыпалъ его знаками милости, уволилъ въ безсрочный отпускъ, въ любимую имъ Швейцарію, повелѣлъ ему взять съ собою Офицера Фельдъегерскаго корпуса и экипажъ придворный, и, обнявъ его, со слезами расстался съ нимъ на вѣки!!! Суждено было душамъ избраннымъ, Помазаннику Божію и мужу, обреченному на мученичество за правду, срѣтись другъ друга уже не въ юдоли плача, но въ безоблачномъ сіяніи незаходимаго Солнца. Благую, неотъемлемую, часть уготовалъ имъ Господь, населяющій горнія обители свои тружениками Престола и хижины, по степенямъ внутренняго ихъ освященія,

Временное Греческое Правительство, состоящее изъ пяти членовъ, свѣдавъ объ открытіи Веронскаго Конгресса, отправило въ Италію Андрея Метаксу и Ивана Пиккула, съ порученіемъ поднести союзнымъ Монархамъ декларацію отъ имени Греческаго

парода, и особую просьбу Императору Александру I-ому. Сие посольство назначено было предъ самымъ вторженіемъ въ Пелопонисъ 35,000-го войска Драмъ-Али-Паши. Посланниковъ не допустили до Вероны; они заочно препроводили изъ Рима объ грамоты по принадлежности, и тщетно домогались ходатайства въ пользу Христіянъ со стороны Римскаго Первосвященника. Читатели наши найдутъ въ примѣчаніяхъ къ симъ сказаніямъ вышеозначенные два документа. * Они драгоцѣнны для современной Исторіи, по тому что въ нихъ обнаруживается чистое, народное и Христіанское чувство, развитое и окриленное грозными обстоятельствами, но въ послѣдствіи столь бѣдственно измѣнившееся во всей Греціи, по мѣрѣ вкореняемаго въ нѣдрахъ ея тлетворнаго вліянія чужеземнаго.

* Моленія Грековъ представились несомѣстными съ общимъ направленіемъ тогдашней политики Дворовъ первостепенныхъ. Но при единодушной рѣшимости отказать Грекамъ въ просимой защитѣ, не возможно было даже самымъ упорнымъ друзьямъ Порты отрицать безсилія ея, обличеннаго дивнымъ, неожиданнымъ, пораженіемъ Драмъ-Али-Паши. Громкія предсказанія ревнителя Мусульманства, Лорда Стратфорда, призваннаго изъ Царьграда въ Верону, не сбылись. Вопреки раздорамъ Еллиновъ и обѣщаніямъ Дипломатовъ, рать Махмуда, ворвавшись въ полуостровъ, овладѣвъ въ располхъ Коринѳомъ, и не встрѣтивъ нигдѣ многочисленныхъ непріятелей, скоро, однако жъ, испытала превратности войны. Коварные витии Греческаго Правительства оцѣпсѣли; за то старый, храбрый вождь, Осодоръ Колокотронисъ, и добросердечный, мужественный Князь Димитрій Ипсиланти, стали за отечество грудью. Первый засѣлъ въ ущельяхъ и мѣткими стрѣлками окружилъ Турковъ, занятыхъ греблемъ на равнинѣ; другой, съ горстію отважныхъ, бросился въ Аргосъ почти въ тылу непріятеля, а мятежный Одиссей въ Віотіи преградилъ обратный путь поклонникамъ Магомета, довольный тѣмъ, что впустилъ ихъ безъ сопротивленія въ Пелопонисъ, на зло членамъ ненавидимаго имъ Временнаго Правительства. Ежечасныя стычки, ночныя нападенія, голодъ и моръ скоро истинили грозное Турецкое ополченіе, мечтавшее однимъ размахомъ меча покорить жителей Пелопониса. Жалкіе остатки

* Ихъ однако, при подлинникѣ не оказалось. О. Б.

побѣжденныхъ затворились въ Коринѣской крѣпости; сильная рать съ шумомъ погибла, и Еллины съ прежнимъ жаромъ принялись за прерванные междоусобныя распри.

Сіе пагубное стремленіе пылкихъ умовъ къ несогласіямъ и безчицію произиякло изъ стеченія причинъ разнородныхъ. Первая заключалась въ мутномъ источникѣ преждевременнаго возстанія, ускореннаго наноснымъ духомъ безначалія. Второю причиною была чрезмѣрная быстрота перехода отъ одной крайности къ другой противоположной; ибо народъ, удрученный игомъ трехсотлѣтняго тиранства, какъ узникъ, внезапно выпущенный изъ подземелья на яркій ослѣпляющій свѣтъ необозримаго неба, по закону человѣческой природы, долженствовалъ употребить во зло опасный даръ свободы и предаться своевольству. Къ симъ причинамъ присовокупились и другія постороннія. напѣтія и соблазны: полупросвѣщеніе правителей, буйство военачальниковъ, пріобыкшихъ къ необузданной жизни и добычѣ, недостатокъ высокаго генія и мощной воли, дабы раздробленное привести въ единство, болѣе всего злоторные происки Европейскихъ агентовъ, посланныхъ въ Грецію съ порученіемъ, или содѣйствовать возстановленію Турецкаго владычества надъ сею страной, или, въ случаѣ неудачи, подчинить несчастныхъ ея обитателей чьему бы то ни было вліянію иноземному, лишь бы не Православному и не Русскому. Вотъ вѣрный очеркъ враждебныхъ силъ, остановившихъ порывъ Христіанскаго народа къ своему возрожденію! По сему, не взирая на изумляющее множество частныхъ подвиговъ геройства, борьба Еллиновъ съ Турками, начавшаяся на большомъ пространствѣ, отъ Прута до горъ Тайгетскихъ, не сохранила перваго своего объема и годъ отъ году отступала отъ окружности къ средоточію. Защитники полуострова Кассандры, близъ горы Аѳонской, предводимые смѣльчакомъ Мануиломъ Паппой, бѣдственно погибли и неудачнымъ поднятіемъ оружія возмущили тишину Святогорскихъ древнихъ обитателей; цвѣтущій Хіосъ опустѣлъ; западная Греція, отъ Арты до Мессолонги, утратила воинственныхъ сыновъ своихъ, истребленныхъ при Петѣ и въ славныхъ развалинахъ Мессолонгекскихъ; родной утесъ Канарія, островокъ Псара, остался безлюднымъ; царственный Бритъ обагрился кровію Христіанъ и Турковъ, сражавшихся нѣсколько лѣтъ съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ, и нако-

нецъ подпалъ подъ иго Египетскаго воеводы; Афины попораны Турками; однимъ словомъ, только малѣйшая частица Греціи устояла противъ ударовъ Исламскаго меча и навѣтовъ изгибистой политики. Истинные витязи: Маркъ Боцари, Георгій Караискаки, Олимпій и сонмы избранныхъ, имъ подобныхъ, кровію своею не выкупили любезнаго имъ отечества отъ плѣна и порабощенія невѣриымъ. Благополучно нынѣ царствующему Императору Николаю 1-ому предоставлено было подать знакъ къ спасенію остатковъ племени злополучнаго. Если съ безпристрастіемъ внимать наставленіямъ Исторіи, то она повѣдастъ намъ, что непоколебимая вѣрность Грековъ къ обѣтамъ святаго Православія составляла единственный залогъ народнаго ихъ бытія и единства сквозь рядъ мрачныхъ столѣтій. Сія нерастлѣнная вѣра и простота нравовъ явилась чудодѣйственною силою въ первые два года общаго возстанія. Но по мѣрѣ возраставшаго вліянія чужеземнаго, духъ Христіанства, цѣлебный, воскресающій, началъ примѣтно ослабѣвать; какая-то языческая гордость, надменная славою баснословной древности, заступила въ сердцахъ мѣсто самоотверженія и братолюбія о Богѣ. Европейцы, движимые различными памѣреніями, не заботясь о существенной помощи, стали наперерывъ расточать предъ Греками оміимъ грубой лести, изъясняя часто притворный и всегда нелѣпный восторгъ боготворенія древнихъ Еллиновъ, чтобы тѣмъ полнѣе обуять самолюбивыхъ потомковъ ихъ; всѣ причуды вольнодумства и противленія властямъ передаваемы были неопытному народу, какъ волшебные талисманы свободы и благополучія. Горцы, люди ратные, моряки еще не постигали гражданскаго благоустройства; а товарищи ихъ полуученые, ухватившіеся дерзкою рукою за кормило государственное, всѣ до послѣдняго возмечтали быть мудрецами-законодателями. Того и желали коварные друзья обольщенныхъ; тѣло политическое едва срослось изъ Турецкихъ обломковъ, какъ уже безбожная крамола преобразила оное въ чудовище тысячеглавое, но лишенное крѣпкихъ мышцъ своихъ и первобытной питательной силы. Тогда пресѣклись успѣхи, утрачены были завоеванія, изсякли источники доходовъ; дивный ореолъ побѣды, пріосѣнявшій дотолѣ Крестоносцевъ, отвратилъ быстрый взглядъ Вѣры отъ солнца Правды, устремилъ оный на смрадную добычу низкихъ страстей, и гордый полетъ его сократился, увлеченный тяготѣніемъ къ своекорыстію нашею вѣка.

Дальнѣйшій ходъ происшествій придаетъ сугубую очевидность симъ печальнымъ разсужденіямъ дѣписателя. Веронскій Конгрессъ, изложивъ предъ цѣлою Европою образъ мыслей Монарховъ Союзныхъ и неразрывное ихъ соединеніе противъ всемірной крамолы, закрылъ свои засѣданія. На немъ отличались предъ прочими Французскіе Полномочные, Баронъ Монморанси и знаменитый, лучшій писатель XIX-го столѣтія, Виконтъ Шатобріанъ. Первый былъ отрасль славнаго въ лѣтописяхъ Крестовыхъ походовъ и высокаго рода Монморанси. Правда и сердечное благочестіе отражались въ рѣчахъ и поступкахъ сего скромнаго Дипломата, являя рѣзкую противоположность съ легкомысліемъ другихъ, равныхъ ему, свѣтскихъ людей. Баронъ Монморанси, увлеченный, при первомъ взрывѣ революціи, необдуманнымъ желаніемъ добра, вдавался въ гибельную крайность мечтательнаго свободомыслія, но вскорѣ, взмученный горестивымъ опытомъ, отрекся отъ юношескихъ заблужденій своихъ и въ послѣдствіи не усумнился въ общемъ собраніи Палаты Депутатовъ произнести благородное сознаніе въ прежнихъ своихъ ошибкахъ. Онъ умеръ скоропостижно въ 1826 году, и умеръ, какъ жилъ. Ангелъ, разрѣшитель земныхъ узъ, засталъ его молящагося на колѣняхъ въ Парижскомъ храмѣ Богоматери, въ великій Четвертокъ Страстной недѣли. Христіанская смерть—блаженное пробужденіе!

Пылкій, пропитательный и творческій умъ Шатобріана, благородный, рыцарскій, образъ его мыслей, обратили на него вниманіе Императора Александра, находившаго въ бесѣдахъ съ нимъ и почтеннымъ его товарищемъ особенное удовольствіе. Въ сихъ разговорахъ просіявала высокая душа Монарха, который, ополчась противъ разрушительнаго духа времени и коренныхъ заблужденій суетаудріи, не преставаъ, однако же, чувствовать глубокое состраданіе къ заблудшимъ. Когда разговоры сія касались Греческаго народнаго возстанія, легко можно было замѣтить, что Царь Православный и Русскій смотрѣлъ на событія съ высшей точки зрѣнія, гнушался союзомъ съ подустителями мятежей, вкравшимися въ злосчастную Елладу, и ждалъ указанія свыше, чтобы избавить единовѣрцевъ своихъ, не только отъ вещественнаго ита, но вмѣстѣ и отъ заразы умственнаго растлѣнія. Во мнѣніяхъ Шатобріана отгѣнялось различіе понятій о семъ важномъ

предметъ; ибо никто изъ современниковъ не сравнилъ съ симъ государственнымъ мужемъ въ искусствѣ сочетавать завѣты и преданія старины съ настоящими требованіями вѣка. Бывъ долго таинникомъ музъ и вдохновеннымъ поборникомъ тѣснаго союза изящнаго съ Христіанскою истиною, и ожививъ сею мыслию все безсмертныя свои сочиненія, Шатобріанъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, устремилъ геній свой отъ идеала къ существенному быту народовъ, и снова попысился сочетать въ иной сферѣ законность властей съ вольностію въ учрежденіяхъ гражданскихъ. Въ ходѣ ума его обнаруживается постоянство. Для достиженія цѣли, можетъ быть мечтательною, онъ погружался въ сокровищницу исторіи, вопрошалъ мудрецовъ всѣхъ временъ, взымалъ богатую дань съ Германскихъ мыслителей и неоднократно увзекалъ за собою испуганныхъ Бурбоновъ по непроложеннымъ стезямъ политики, совершенно для нихъ новой. Его противники упорно старались очернить чистоту его намѣреній; но поступки Шатобріана въ день сверженія древней династіи оправдали его предъ цѣлою Европою; ибо онъ одинъ въ палатѣ Перовъ вступился за порфиророднаго сироту и непреодолимымъ витійствомъ истины защитилъ права священныя, предсказалъ Франціи заслуженныя ею бѣдствія и сложилъ съ себя высокій санъ. Наклонность къ наружному блеску, конечно, затмѣваетъ иногда въ Шатобріанѣ высшія достоинства; но во мнѣніи Французовъ это драгоценная черта характера, залогъ братства сего роскошнаго генія съ единоземцами и современниками.

Императоръ Александръ, возвратившись въ свою столицу, продолжалъ кроткими внушеніями дѣйствовать на Оттоманскую Порту, утомленную душегубствомъ и частыми превратностями войны. Отправленный изъ Вероны въ Царьградъ, изъ уваженія къ усиленнымъ просьбамъ Союзниковъ нашихъ, Д. С. Сов. Мингаки, возстановилъ порядокъ и безопасность торговыхъ сношеній Россіи съ Востокомъ и вмѣстѣ предлагалъ Султанской Думѣ средства къ прочному примиренію съ долготерпѣливымъ Монархомъ; но тщетно. Турки, ободренные незаконностію и непрестанно обольщаемые многосложнымъ посредничествомъ Европейскимъ, упорно отклоняли всякое должное удовлетвореніе и требовали безусловной покорности со стороны вооруженныхъ Христіанъ. Между

тѣмъ Греки погибали не безъ славы въ неравной борьбѣ, увлекая за собою въ бездну тысячи Мусульманъ; вся Европейская Турція пустѣла; Церковь бѣдствовала; плѣнныя жены и дѣти Христіанъ продаваемы были на всѣхъ торжищахъ изумленнаго Востока, подобно презрѣннымъ животнымъ, а Россія, дотошъ ослѣпившая своимъ флагомъ болѣе тысячи четырехъ сотъ судовъ на водахъ Средиземныхъ, лишилась права покровительствовать безсильнымъ и, по примѣру Царя своего, утѣшалась призрачнымъ выходцемъ Православныхъ. Сими несчастнымъ, безпріютнымъ, семействомъ ежегодно раздаваемо было отъ казны не менѣе 200,000 рублей. Сонмы малолѣтнихъ изгнанниковъ помѣщены были въ учебныя заведенія, и въ то же время добровольная подписка, открытая по всей Россіи, доставила одинъ миллионъ рублей безпокровнымъ единовѣрцамъ въ Одессѣ и Бессарабіи, кромѣ 750 тысячъ рублей, собранныхъ для выкупа Христіанъ, попавшихъ въ неволю. Трудно было бы съ точностію исчислить, сколько призрачно было злополучныхъ сими щедротами Монарха и скончившимися лентами меньшей братіи Иисусовой. Въ сложности было издержано на Богоугодное дѣло сіе три миллиона частнаго подаянія. Болѣе пятнадцати тысячъ бездомныхъ различнаго состоянія, возраста и пола, въ теченіе десяти лѣтъ призрачны, обезпечены, воспитаны, или обратно отправлены были на судахъ въ родину, устланную могилами убіенныхъ. Такимъ образомъ Христіанское милосердіе исцѣляло глубокія раны, нанесенныя челоувѣчеству сѣбною яростію Мусульманъ, обреченныхъ, въ свою очередь, будущимъ страданіямъ. Изступленіе страстей ведетъ къ самоубійству.

Графъ Иванъ Каподистрія уединился и жилъ затворникомъ въ Женевѣ, въ мирѣ съ совѣстію своею, но не наслаждался совершеннымъ спокойствіемъ; ибо сердце незабвеннаго снѣдаемо было горестію по отчизнѣ, и свѣтлый умъ его непрерывно занимался судьбою Греціи и Россіи и волненіемъ мнѣній и страстей въ мятежной Европѣ. Обзорѣвая миновавшую дѣятельную жизнь свою, чуждую наслажденій и посвященную трудамъ великимъ, Каподистрія съ болѣзненнымъ чувствомъ смирялся предъ тайною судебъ Всевышняго, по видимому, поразившаго бытіе его бесплодѣмъ. Припоминая пріязнь Державнаго друга челоувѣчества, много-

различные подвиги, совершенные подъ его водительствомъ, преодоленные трудности, благотворную славу минувшихъ дней, пытавшую въ душѣ его возвышенныя надежды возрожденія Церкви и отечества, твердый миръ въ борьбѣ съ самимъ собою, болѣе и болѣе постигалъ значеніе словъ мудреца неземнаго: «по всякъ день умираю». Ибо разлученіе со святынею и ключемъ собственной жизни есть не что иное, какъ продолжительная смерть для духа, окриленного любовью къ выспренней цѣли, поставленной вѣдѣ тѣсныхъ предѣловъ себялюбія и тѣнія.

Сіи помыслы и чувства, безъ сомнѣнія, не доступны міролюбцамъ. Мы не для нихъ начертали сіи строки, обличающія суету всего земнаго и благородныя страданія добродѣтели. Впрочемъ, быстрый ходъ происшествій часто прерывалъ размышленія Женевского затворника. При каждомъ новомъ ударѣ судьбы, грозившемъ Греціи гибелью, онъ готовъ былъ воспрянуть и устремиться на помощь къ братіямъ; но одинъ взглядъ на злобную политику останавливалъ порывъ его усердія; онъ зналъ, что каждый безвременный шагъ только усугубилъ бы непріязненные дѣйствія противъ Грековъ. Итакъ надлежало ему довольствоваться постороннимъ вліяніемъ, собирать пособія, говорить и писать въ пользу бѣдствующаго народа, опровергать разсѣваемые съ умысломъ ложныя слухи, отдавать страждущимъ весь избытокъ свой, однимъ словомъ, бодрствовать на стражѣ до смѣны и призыва на поле отчаяннаго состязанія.

Англійское Министерство явно враждовало противъ Грековъ, не изъ усердія къ правиламъ Монархическимъ, но единственно изъ опасенія, чтобы Россія не вмѣшалась въ смуты распадавшейся на части Турецкой Имперіи, и чтобы народный духъ, вооружившій жителей Еллады, не поколебалъ владычества Англіи надъ островами Ионическими. Стремясь къ отягченію сей сугубой опасности, оно окружило берега Греціи легкими военными судами, коимъ весьма было всемірно разстроивать предпріятія Грековъ, благопріятствовать Туркамъ, осажденнымъ въ различныхъ крѣпостяхъ, содѣйствовать снабженію ихъ съѣстными припасами и военными снарядами и во всѣхъ случаяхъ нарушать блокаду, будто бы незаконно производимую Греческимъ флотомъ. Сверхъ того Министерство сіе имѣло въ Греціи бдительныхъ досмотрщиковъ,

постоянно наблюдавших за направлениемъ умовъ, подъ личиною любознания, или живаго участія въ судьбѣ потомковъ Леониды и Перикла. Но по той мѣрѣ, какъ Россія устранилась отъ всякаго вліянія на борьбу единовѣрцевъ своихъ съ Мусульманами, Великобританія постепенно смягчала свое прежнее неблагоприятное отношеніе къ изнемогающему племени, и лишь только исчезло послѣднее сомнѣніе въ искренности нашей политики, владычица морей тотчасъ приступила къ образованію въ сихъ обуреваемыхъ странахъ сильной Англійской партіи. Главою Англійскихъ приверженцевъ назначенъ былъ умный, ловкій, неутомимый, Александръ Маврокордато, некогда посвященный въ мрачныя таинства злокозненной политики при дворѣ Валашскаго Господаря, Ивана Караджія. Опершись на Англію, онъ скоро одержалъ верхъ надъ добросердечнымъ, но менѣе искуснымъ въ проискахъ, Княземъ Димитріемъ Инсиланти, былъ возведенъ на степень Предсѣдателя Исполнительнаго Совѣта и воспользовался временною властію, своею, чтобы умножить число поборниковъ Англійской системы, особенно между воинственными жителями Идры и Специи. Начальники дружинъ твердой земли все еще преклонялись на сторону Россіи, или устремляли взоры свои на многорѣчивую Францію. Изъ нихъ Ѳ. Колокотрони и Георгій Каранскаки не преставали уповать на Александра I-го и на Графа Ивана Каподистрію. Въ семьъ разномысліи, при частыхъ превратностяхъ войны кровопролитной на морѣ и сушѣ, протекли 1823 и 1824 годы. На Западѣ гроза возмущеній, изгнаній и бореній страстей не утихала. Испанія, Португалія и необъятныя ихъ колоніи въ Новомъ Свѣтѣ раздираемы были междоусобіемъ, коего кровавыя случайности взвѣшивались не на вѣсахъ безпристрастнаго правосудія, но по расчетамъ и соображеніямъ всеобъемлющаго духа торговли. Знаменитый Джоржъ Каннингъ, прославленный витійствомъ своимъ въ Нижней Палатѣ, получилъ въ Англіи званіе Государственнаго Секретаря Иностранныхъ Дѣлъ. Съ появленіемъ сего отважнаго и даровитаго мужа на театрѣ событій, надежды и замыслы всѣхъ Европейскихъ пововодителей ожили, воспрянули, осуществились и обрѣли давно искомое средоточіе для потрясеній всеобщихъ. Каннингъ не впасть первымъ моленіямъ Англійскихъ приверженцевъ въ Греціи о дарованіи имъ защиты, но, дѣйствуя медленно, безъ огласки, онъ непримѣтнымъ образомъ способствовалъ за-

ключенію въ Лондонѣ втораго займа въ пользу истощенной Еллады. Міа въ безмолвіи золотую цѣпь сію, хитрый мужъ вѣрнѣе и неразрывнѣе подчинялъ Грековъ вліянію своего отечества, нежели воззваніями, обѣтами и явнымъ покровительствомъ. Со дня заключенія сихъ займовъ Греки, не вѣдая того, наложили клеймо чужеземное на достояніе, жизнь и славу народную; денежныя пособія, вырученныя на самыхъ невыходныхъ условіяхъ, не послужили общему дѣлу; завоеванія пресѣклись, порывъ любви къ отечеству превратился, отъ прикосновенія тлѣтворнаго металла, въ магнитическое усыпленіе; корыстолюбцы, изверги обогатились; Греція обнищала и духомъ и вещественными силами. Тогда созрѣли намѣренія и виды Маврокордато и его соумышленниковъ. Прервавъ законный порядокъ, права народа и священную обязанность, не иначе располагать судьбою Греціи, какъ по согласію и участію представителей ея, Маврокордато созвалъ всѣхъ клеветовъ и единомышленниковъ своихъ и, съ помощію приверженцевъ Великобританіи, предложилъ безыменному собранію проектъ Манифеста или закона, въ Іюль 1825 года, въ коемъ изложены были бѣдственное состояніе Еллады, наветы противъ ея независимости всѣхъ иностранныхъ Державъ, за исключеніемъ одной Англіи, и наконецъ, мнимое желаніе и мольба цѣлаго народа, будто бы единодушно отдающихъ себя подъ безусловное покровительство Великобританіи. Постыдная и нелѣпая сія хартія, испещренная на удачу поддѣльными подписями, немедленно отправлена была въ Лондонъ, вопреки жалобамъ и обличенію Князя Ипсиланти, Караисаки и другихъ сановниковъ, громко отрицавшихъ подлинность акта и законную его силу.

Въ то время Англійское Министерство озабочено было прѣніями въ Парламентѣ о несравненно важнѣйшемъ предметѣ Г. Каннингу хотѣлось сорвать завѣсу съ политики его предмѣстниковъ и вынудить торжественное признаніе независимости Испанскихъ колоній въ Америкѣ. По сему онъ принялъ законную членитную Маврокордато и его сообщниковъ съ отчетливымъ равнодушіемъ и не удостоилъ оную вождедѣннаго отвѣта. Новое сѣмя раздора было брошено въ лоно терзаемой Греціи, а грамота должна была со временемъ послужить къ развитію соображеній болѣе обширныхъ.

Между тѣмъ Ибрагимъ-Паша, сынъ хитраго преобразователя Египта, овладѣвъ Навариномъ и высадивъ въ Пелопонисъ огромныя, благоустроенныя, силы, пользовался безуміемъ крамоль для распространенія первыхъ своихъ завоеваній. Онъ занявъ Триполицу, приблизился къ Навплии, но былъ отраженъ Инсидантіемъ; онустошилъ изъ края въ край весь полуостровъ и условился наконецъ съ Визиремъ, Решидъ-Пашею, въ томъ, чтобы соединенными силами осадить послѣдній оплотъ Христіанства, Этолійскій городъ Мессолонги, прославленный множествомъ геройскихъ подвиговъ и безвременною смертію Лорда Байрона.

Приверженцы Англіи умѣли коварствовать, но не умѣли сражаться. Въсего того, чтобы устремить всѣ сухопутныя и морскія силы Еллады на помощь угрожаемымъ завѣтнымъ стѣнамъ Мессолонги, они тратили невозвратимое время на газетныя прѣнія, тѣшили народъ суетными надеждами, ссорились за первенство и громко провозглашали прибытіе въ Грецію знаменитаго корсара Кохрена и Полковника Чорча, какъ знаменіе несомнѣннаго избавленія. Къ посрамленію ихъ жданные герои послужили единственно ко вреду и большому разстройству общаго дѣла. Искатель счастья, бывший ординарецъ Наполеона, Полковникъ Фавье, сравнился съ ними въ неудачахъ. Всѣ почти безъ исключенія Европейцы, носившіе пышное названіе Филеминовъ, въ продолженіе роковой девятилѣтней борьбы, оказались союзниками злополучными, или злонамѣренными, къ стыду крамолы, возложившей на нихъ суетное упованіе. Справедливость требуетъ изъятія изъ сего общаго приговора въ пользу трехъ праводушныхъ и храбрыхъ иностранцевъ: мы разумѣемъ здѣсь Лорда Байрона, Гастингса и Сантарозу. Нѣкоторые, подобные имъ, витязи появились еще въ послѣдствіи, послѣ избранія Графа Ивана Каподистрии въ Правители Греціи. Но когда настала губительная осада Мессолонги, тогда все бездѣйствовало, кромѣ горсти храбрыхъ его защитниковъ, единодушно обречшихъ себя завидной смерти. Съ моря и суши загремѣли орудія Мусульманскія. Военныя суда стояли на стражѣ въ водахъ Лепантскаго залива. Осадныя работы подвигались; подкопы начали взрывать бойницы малаго городка; приступъ слѣдовалъ за приступомъ, вылазка за вылазкою; Христіане, предводимые грозными остатками славныхъ

Сульотовъ и ободряемые увѣщаніями Епископа Іосифа, ежечасно совершали чудеса храбрости, низлагали Арабовъ и Турковъ, вторгались въ ихъ окопы и неоднократно разрушали долговременныя ихъ труды. Ибрагимъ и Рейидъ-Паша упорствовали; никто не покушался выручить осажденныхъ, кромѣ одного Караисаки; но уже было поздно. На многочисленныхъ проломахъ обрушившихся стѣнъ Христіане грудью выстаивали жестокия нападенія несметныхъ полковъ непріятельскихъ. Надлежало имъ скорѣе погибнуть: никто не помышлялъ о сдачѣ, или мечемъ прорубить дорогу сквозь облегающій станъ Мусульманскій. Большинство голосовъ рѣшено было двумя отрядами выступить темною ночью, а третій, состоявшій изъ старцевъ и увѣчныхъ, оставить въ городѣ, съ порученіемъ взорвать на воздухъ остатки укрѣпленій. Смѣлый умыселъ, конечно, увѣнчался бы совершеннымъ успѣхомъ, если бы не воспрепятствовала измѣна переметчика, накануне извѣстившаго Турецкихъ военачальниковъ о намѣреніи жителей Мессологии. Полчища ихъ стояли подъ ружьемъ; во мракѣ зимней ночи началась сѣча съ двухъ противоположныхъ сторонъ: одному отряду Еллиновъ удалось пробиться по трупамъ Арабовъ и достигнуть близъ лежащихъ горъ, но второй остановленъ былъ у самыхъ окоповъ, и храбрые, воспящаемые толпою женъ и дѣтей, имъ вѣрныхъ, отступили назадъ, зажгли городъ и угостили въ немъ побѣдителей послѣднимъ кровавымъ пиромъ. Не стало ни города, ни защитниковъ его. Египтяне и Турки, на разсвѣтѣ, расположились станомъ среди дымящихся развалинъ и надгробнаго пепла.

Въ Западной Европѣ всѣ приверженцы революціи, возмутители народовъ, нововводители, алкавшіе переменъ, единогласно торжествовали возведеніе Джорджа Канинга на степень правителя Великобританскаго могущества. Смѣлый отзывъ его въ Парламентъ на возраженія опровергавшихъ политическую его систему возбудилъ милліоны отголосковъ мятежнаго восторга въ обихъ полушаріяхъ. Онъ, не колебаясь, объявилъ противникамъ своимъ, которые грозили ему соединеннымъ противодѣйствіемъ великихъ Державъ, что если онъ дерзнуть полагать преграды предначертаніямъ Англійскаго генія, то довольно будетъ одного воззванія Великобританіи къ зложелезелиямъ установленныхъ вла-

стей, чтобы устранивъ и обезоружить сильнѣйшее противоборство. Симъ неистовымъ признаніемъ Каннинга преждевременно обнажилъ мрачную тайну предуготовляемаго имъ потрясенія и переворота всемірнаго. Въ порывѣ ли высокомерія проговорился Министръ Георга IV, или притворился вынужденнымъ къ тому, въ слѣдствіе обдуманнаго соображенія, трудно рѣшить дѣписателю. Но угроза скоро пачала сбываться: южная Америка провозглашена была свободною и независимою, не смотря на дружественныя сношенія Англіи съ Испанією, и въ то же время сѣмя возмущенія брошено по всему Востоку, отъ Греческихъ береговъ до исходищъ баснословнаго Шила и Персіи. Слава Россіи, доблесть Александра I-го, еще препятствовали быстрому успѣху начинаній, пагубныхъ для всего человѣчества. Провидѣнію, неизслѣдимому въ путяхъ своихъ, угодно было, въ сію самую роковую годину, низпослать Россіи тяжкое, неожиданное, искушеніе. Въ Сентябрѣ 1825 года Императоръ отправился въ Таганрогъ, сопутствуя Августѣйшей своей супругѣ, страдавшей хроническою болѣзнію. Не останавливаясь на горестныхъ подробностяхъ сего послѣдняго путешествія Царя-избавителя, давно напечатѣнныхъ въ сыновней памяти Россіянъ, мы упомянемъ здѣсь объ одномъ, менѣе извѣстномъ, политическомъ событіи. Въ Октябрѣ Александръ I-ый повелѣлъ Россійскому Повѣренному въ дѣлахъ въ Царьградѣ объявить Портѣ Оттоманской, что Россійскій Дворъ, многими опытами увѣрившись въ непреклонномъ стремленіи Турецкаго Правительства къ отверженію всѣхъ миролюбивыхъ внушеній, къ попранію правъ Державы благонамѣренной и къ нарушенію собственныхъ выгодъ, наконецъ рѣшился предупредить торжественнымъ протестомъ будущія дѣйствія Порты, и, за несовмѣстность оныхъ съ договорами, предоставляетъ себѣ требовать своевременнаго удовлетворенія, на основаніи народнаго права. Симъ объявленіемъ всѣ посредническія, миротворныя; сношенія съ Портою прекратились, по волѣ прозорливаго Монарха, восхотѣвшаго доказать Европѣ и Турціи, что мѣра уступчивости миролюбивой исполнилась, и что пожертвованія, для сохраненія мира, не могутъ быть безпредѣльными. Ноября 19-го дня угасъ въ Таганрогѣ свѣтильникъ земной жизни Александра Благословеннаго. На рубежѣ Европы и Азіи, послѣ уединенной поѣздки вдоль береговъ живописной Тавриды, Императоръ занемогъ тле-

творною горячкою, обычною въ степяхъ полуденной Россіи. Восналеніе быстро овладѣло мозговыми органами. Къ усугубленію горести; раздиравшей сердца приближенныхъ къ нему лютаѣ, болѣзнь перемежалась, уступала на нѣсколько часовъ средствамъ врачевнымъ и снова возгоралась съ болѣею силою. Доколѣ длилась борьба цвѣтущаго, крѣпкаго, тѣла съ зіяющимъ разрушеніемъ, дотолѣ смиренная, Христолюбивая, душа высокаго страдальца мощно отражалась на лицѣ его, въ рѣчахъ и малѣйшихъ его движеніяхъ. Онъ отходилъ въ покаяніи, любви и мирѣ съ Искупителемъ своимъ, въ мирѣ съ очищенною и возрожденною совѣстію, въ мирѣ съ челоуѣчествомъ; медленно исчезавшимъ отъ взоровъ неутомимаго Благодѣтеля. Чѣмъ болѣе величіе престола, побѣдные вѣнцы, образъ любезной ему Россіи и нѣжной супруги погружались въ постепенно густѣющее мерцаніе тѣнноти, тѣмъ отраднѣе просіявалъ въ духѣ Царя-Христіанина, всегда побѣждавшаго благимъ злое, божественный ликъ Сердцевѣдца, пріемающаго своихъ избранныхъ. Александръ I-ый предалъ великую душу Богу—и всенародное, всемірное, сѣтованіе ознаменовало его кончину. Въ церкви Греческаго монастыря, созданнаго Іоанномъ Варвакиемъ, стоялъ гробъ, вмѣщавшій смертныя останки великодушнѣйшаго изъ Царей. Предъ нимъ день и ночь теплились лампады, курился еиміямъ молитвенный; духовенство Россійское и Греческое по очереди смѣнялось въ немолчномъ священнодѣйствіи за упокой Благословеннаго. Казалось, всецѣлая Православная Церковь, въ лицѣ служителей разноплеменныхъ, невидимо предстояла въ храмѣ семъ, оплакивая смерть Державнаго сына и напутствуя его душу въ высиреннія обители единою общаю молитвою. Вѣрные Донцы стояли на стражѣ; жители Таганрога каждый день приносили усопшему дань искреннихъ слезъ; въ пространной Россіи страшная вѣсть поражала сердца и передавалась изъ устъ въ уста безутѣшнымъ плачемъ и рыданіемъ. Общепародныя сіи чувства снова возбуждены были во всемъ Государствѣ, по пути медленнаго погребальнаго шествія, отъ Азовскаго моря до водъ Балтійскихъ, къ мѣсту покаянія Россійскихъ Вѣнценосцевъ. Каждый взглядъ на гробовую колесницу растравлялъ глубокую рану скорби въ душахъ вѣрныхъ поданныхъ всѣхъ состояній. Помня священную волю преставлявшагося Отца Отечества и вкушая первые плоды его чудолубивой мудрости отъ воз-

веденія на тронъ Царя, мужественно низложившаго безумную крамолу 14-го Декабря, 1825 года, всякій съ глубокимъ умиленіемъ благословлялъ память вручившаго судьбу навѣтуемой Россіи достойному по себѣ Повелителю-Брату. Вседержитель далъ Александру и здѣсь, на землѣ, по сердцу его, и весь совѣтъ его исполненъ десницею Николая I-го.

Мало въ лѣтописяхъ міра встрѣчаемъ мы Царей, которые такъ пламенно любили человѣчество, какъ Александръ I-ый, и которые стяжали бы общую къ себѣ любовь, подобно сему Державному благотворителю нашего вѣка. Онъ въ человѣкѣ постоянно чтилъ образъ Божій, хотя искаженный грѣхомъ и слабостями, и по тому во всѣхъ начертаніяхъ и дѣлахъ его царствованія и въ частной его жизни выказывалось сіе превосходное чувство. Стремясь неуклонно ко всему доброму и великому, Александръ I-ый свыше удостоился обрѣсти, среди излучистыхъ стезей міра, нуть истины, покрытый камнями претыканія, трудный, но прямо ведущій къ цѣли земнаго бытія. Сердечное смиреніе сего Царя по сердцу Божию низвело на главу его высокое избраніе: онъ сокрушилъ исчадіе Французской революціи и исполниское владычество Наполеона; силу освященной воли противопоставилъ силѣ окриленнаго генія и, умиривъ Европу безпримѣрнымъ великодушіемъ, до послѣдняго часа жизни помышлялъ о примиреніи ся съ Небеснымъ Законодателемъ. Время сужденій потомства еще не настало для Александра; но, вникая въ сущность совершенныхъ имъ подвиговъ, можно смѣло утверждать, что слава его, сліянная съ славою Россіи, не подвергнется закону уменьшенія, по коему вещественные предметы всегда умаляются, по мѣрѣ разстоянія отъ взоровъ наблюдателя. Слава сія, причастная свойствамъ всего истиннаго, духовнаго, будетъ возрастать отъ вѣка въ вѣкъ и никогда не изгладится изъ памяти грядущихъ поколѣній.

И если поздній бытописатель въ лучезарномъ вѣнцѣ земной его жизни откроетъ менѣе свѣтлыя мѣста, слѣды немощи человѣческой, то глубокое смиреніе Александра I-го, столь вѣрно умѣвшаго цѣнить удѣлъ смертныхъ и въ порфирѣ, безъ сомнѣнія, увлечетъ строгаго судію отъ мелочныхъ укоризнъ къ благоговѣйному, невольному, удивленію.

Съ вѣстествомъ на престолъ Императора Николая воскресли въ Кабинетахъ Евронейскихъ новыя опасенія относительно судьбы Востока. Лордъ Веллингтонъ посѣбно отправленъ былъ въ С.-Петербургъ, съ порученіемъ согласить образъ мыслей и обоюдныя намѣренія Державъ, долженствовавшихъ рѣшить будущую участь Турціи и Греціи. Представитель Англіи, по взаимному согласію, усилъ постановить коренныя начала, по коимъ Россія и Англія обязывались употребить мѣры кротости и, въ случаѣ неудачи, самое понужденіе, дабы прекратить безчеловѣчное кровопролитіе на Востокѣ, уже пять лѣтъ продолжавшееся ко вреду обѣихъ воюющихъ сторонъ и къ ущербу Европейской торговли на Средиземномъ морѣ. Обиды, нанесенныя Россіи, и возстановленіе прежнихъ ея договоровъ съ Турціею, не могли и не должныствовали сдѣлаться предметами посредничества, вовсе не совместнаго съ достоинствомъ самобытнаго Государства. По сему расиря сія предоставлена была непосредственной расправѣ, безъ примѣси чужаго вліянія; въ одномъ только спасеніи погибающаго Христіанскаго народа Государь не отринулъ участія Англіи и Франціи, дабы состязаніемъ не замедлить достиженія цѣли вождедѣнной. Въ слѣдствіе сихъ предначертаній протоколъ 2-го Апрѣля, 1826 года, подписанный въ С.-Петербургѣ, послужилъ поводомъ къ заключенію, въ Іюль того же года, Лондонскаго торжественнаго договора трехъ Державъ, провозгласившихъ единодушное намѣреніе пресѣчь на Востокѣ борьбу вооруженною рукою. Союзныя флоты уже готовились къ отплытію; между тѣмъ переговоры завязались въ Константинополѣ и, по причинѣ оскорбленной непреклонности Султана, скоро приняли видъ прѣвнѣ жаркаго и упорнаго. Со дня кончины Александра, Графъ Иванъ Каподистрія, погруженный въ глубокую печаль, съ какимъ-то безотраднымъ чувствомъ унынія взиралъ на необыкновенный ходъ происшествій. Лишась Царя и благодѣтеля своего, онъ всюю силою души осиротѣвшей прилѣпился къ погибающей отчизнѣ, съ трепетомъ измѣрялъ опасности, разгадывалъ происки и наветы иностранцевъ и, видя раздоръ, терзающій Грецію подъ мечемъ Ибрагима, праведный мужъ страшился пережить своихъ единоземцевъ и братьевъ. Волнуемый сими скорбными помышленіями, Каподистрія, предъ кончиною Александра 1-го, рѣшился было ѣхать въ С.-Петербургъ, но свѣдавъ о вѣстествѣ на Престолъ

Императора Николая, послать просьбу о дозволеніи ему предстать лицу Богоизбраннаго Вѣщениосца. Протекло нѣсколько мѣсяцевъ въ тягостномъ для сердца его безмолвіи. Наконецъ, по волю Его Императорскаго Величества, старый слуга и совѣтникъ Благословеннаго приглашенъ былъ въ столицу Сѣвера. Онъ предпринялъ сіе путешествіе, преслѣдуемый печальною мыслию, что Греція—на краю бездны; но не предвидѣлъ, что злосчастный народъ, утомленный междоусобіемъ, почти единогласно наречетъ его своимъ избавителемъ. И подлинно, бѣдствія Еллады въ теченіе 1826 и 1827 годовъ возрасли до высочайшей степени. Египтяне обладали большею частию Пелопониса; на твердой землѣ Аѣины и Мессолонгия, сіи зачѣтныя вмѣстилища древней и современной славы народа, находились въ рукахъ Мусульманъ; морскія ополченія Идры и Специи, дотолѣ состязавшіяся съ огромными Турецкими флотами, къ удивленію всей Европы, или бездѣйствовали въ пристаняхъ, или, подстрекаемыя скудостію, предавались морскимъ разбоямъ; Англійскіе приверженцы, ухватясь за Фавье и Чорча, раздѣляли съ сими военачальниками позоръ ежедневныхъ неудачъ на ратномъ полѣ, или не менѣе постыднаго бездѣйствія. Одинъ Георгій Караискаки еще не отчаявался въ спасеніи Отечества. Сей храбрый и умный вождь одаренъ былъ высокимъ геніемъ, возмужавшимъ въ бояхъ и превратностяхъ, вопреки дикому образу жизни Клефтовъ. Тогда какъ все вокругъ него поныкло подъ ударами меча и палицы Турецкой, онъ, не надѣясь болѣе на лжеименное Правительство, отживавшее вѣкъ свой за стѣнами Навплиа, набралъ удалую вольницу изъ горцевъ, пріобыкшихъ къ лишенію и трудамъ, и выступилъ изъ ущельевъ на встрѣчу все истреблявшимъ отрядамъ Турецкимъ. Горсть неустрашимыхъ вездѣ разила непріятелей, вела съ ними разсыпную войну и мало по малу возрасла въ грозное осьмидесячное отборное ополченіе. Естественно, всѣ бездомные жители Ливадіи, Акарнани и Аттики стекались подъ знамена искуснаго Караискаки, коего предпріятія становились смятѣе, по мѣрѣ умноженія его сподвижниковъ. При Араховѣ и Дистомѣ Караискаки одержалъ надъ Турками блистательныя побѣды. Ободренный успѣхомъ, онъ обратилъ всѣ усилія на избавленіе Акрополиса или крѣпости Аѣинской, осаждаемой ратію Решидъ-Паши. День и ночь высокій умъ вождя занятъ былъ двоякою не-

раздѣльною цѣлю—избавленіемъ Аѳинъ и избраніемъ въ Правители Греціи Ивана Каподистріи. Успѣхъ въ томъ и другомъ герой почиталъ залогомъ спасенія отечества и вѣнцемъ собственной дѣлательной жизни. Громя враговъ, онъ непрестанно перенисывался съ благомыслящими въ Навпліи, обличалъ ничтожность и безсиліе Англійской партіи, ознаменовавшей свое владычество надъ Греціею оцѣнками бѣдствіями, и твердо наставлялъ въ избраніи того, кто прославилъ и возвысилъ Греческое имя во всей Европѣ. Голосъ побѣдителя Турковъ и сліянные съ нимъ вопли народа, съ восторгомъ произносившаго имя Каподистріи, привели въ оцѣненіе обезславленную шайку противниковъ. 1827 года Марта дня народное собраніе въ Ерміонѣ провозгласило Графа Ивана Каподистрію Правителемъ Греціи, въ присутствіи Кохрена и Чорча. Такимъ образомъ совершилось главное желаніе Караискакки, подкрѣпленное обѣтами и благословеніями всѣхъ перастѣпныхъ сыновъ отечества. Предстояло второе, спасительное начинаніе—исторженіе Аѳинъ изъ челюстей Мусульманъ. Кохрентъ и Чорчъ отправились къ мѣсту борьбы, имѣли свиданія съ Караискакки и вызвались содѣйствовать нападенію на станъ Визиря съ морской стороны высадкою войскъ и пловучею силою. До приступа къ дѣлу многотрудному (ибо надлежало напасть на укрѣпленный станъ отважнаго Решида и разгромить его силы, чтобы пробраться до Акрополиса), Караискакки неутомимо обслѣдывалъ положеніе мѣстъ и соображалъ способы къ нападенію, испытывая мощь непріятели ежедневными перепалками. Однажды Турки, усиливъ напоръ, поняли Греческихъ стрѣлковъ. Георгій, свѣдавъ о томъ, выбѣжалъ изъ ставки, появленіемъ своимъ разсѣялъ враговъ, но возвращаясь къ своимъ, раненъ былъ въ животъ ружейнымъ выстрѣломъ изъ кустарника, въ коемъ засѣли бѣглые Турки. Съ воплемъ и рыданіемъ понесли его воины на одръ смертный. Герой прожилъ еще нѣсколько часовъ и, борясь съ безвременною кончиною, безпрестанно твердилъ окружающимъ его: «О свободите, освободите мнѣ Аѳины!» Завѣщавъ сподвижникамъ исполнить начатое имъ, Караискакки испустилъ духъ; Греція и Правитель ея утратили въ немъ надежный оплотъ, опору непоколебимую. Некѣмъ было замѣнить сей горестной потери. Кохрентъ и Чорчъ высадили около Фалериской пристани три тысячи войска и, не умѣя управить, остались на палубахъ судовъ

хладнокровными зрителями совершеннаго ихъ пораженія. Въ сей вѣлосчастный день множество Идріотовъ и остатки храбрыхъ Сульотвъ погибли! Таково было состояніе Греціи, когда Графъ Иванъ Каподистрія прибылъ въ нашу столицу.

1827 года, Мая перваго дня, послѣ пятилѣтняго отсутствія, Графъ Каподистрія вѣхалъ въ великолѣпный градъ Петра Великаго. Глубоко проникнутый чувствомъ суеты всего земнаго, но побуждаемый благодарностію, онъ приказалъ везти себя прямо въ Петропавловскую крѣпость, поклонился гробамъ Александра I-го и Елисаветы Алексѣевны, отслужилъ панихиду о преставльшихся, и оттуда отправился въ гостиницу. Государь Императоръ изволилъ находиться внѣ столицы. Отсутствіе Его Величества продлилось около двѣнадцати дней. Тѣмъ временемъ слухи объ избраніи Каподистрія въ Правители Еллады подтвердились, но офиціальное извѣстіе дошло до него позже. Николай I-ый принялъ доблестнаго мужа съ благосклонностію истинно Царскою, изъявилъ предъ нимъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Греческаго народа и сердечное уваженіе къ причинамъ, побуждавшимъ Каподистрію не отклонять отъ себя званія кормчаго въ годину грозы и опасности, или, лучше сказать, предъ самымъ кораблекрушеніемъ. Въ ознаменованіе Высочайшаго вниманія къ заслугамъ Каподистрія, Государь, уволивъ его отъ службы, изволилъ единовременно пожаловать ему, вмѣсто пенсіи, одинъ миліонъ рублей, который безъ остатка въ послѣдствіи издержанъ былъ добрымъ Правителемъ на поддержаніе истощенной казны народнои. Въ соображеніи средствъ къ подлѣтнію тяжкаго бремени судебъ протекло около трехъ мѣсяцевъ. Въ сіе время Царь Православный, Августѣйшая его супруга и мать его, вдовствующая Императрица, неутомимая въ благотвореніяхъ, Марія Ѳеодоровна, осыпали труженика, великаго гражданина, милостями, проистекавшими отъ души. Родительница Царей великихъ, вѣнценосная мать сиротъ, со слезами глубокаго умиленія благословила образомъ къ вѣнцу мучениковъ за правду отходившаго въ невѣдомый путь. Казалось, въ сію торжественную минуту безсмертный ликъ Александра изъ безоблачныхъ странъ блаженной вѣчности невидимо принималъ въ Царскіе чертоги и отражался въ глубинѣ сроднившихся сердець. Вѣрный слуга и со-

вѣтникъ Благословеннаго уѣхалъ во Францію и Англію съ намѣреніемъ склонить и упрочить доброе расположеніе Союзныхъ Монарховъ въ пользу Еллады, избавшей его своимъ ходатаемъ.

Въ Лондонѣ и Парижѣ, вопреки различіямъ мнѣній и прекословію страстей, Правитель Греціи принятъ и угощенъ былъ съ почтеніемъ, всегда вынуждаемымъ добродѣтелію. Онъ не засталъ въ живыхъ предпримчиваго Каннинга. Преемники дерзкаго возмутителя вселенной уводоблялись наслѣдникамъ богача, потерявшимъ волшебный ключъ къ хранилищу оставленныхъ имъ драгоценностей. Однако жъ, ходатай за Грецію откровенно объяснился съ Британскими Министрами, всемірно стараясь разсѣять ихъ подозрѣнія и недовѣрчивость къ нему, какъ приверженцу Россіи, а въ Парижѣ добросердечный Карлъ X облакалъ Каподистрію и обнадежилъ его дѣятельнымъ вспомошествованіемъ.

Устроивъ, сколь возможно благопріятіе, сношенія Греціи съ Державными ея покровителями, смягчивъ зависть и предубѣжденія и отдавъ себя въ заложники за погибающихъ братьевъ, Графъ Каподистрія продолжалъ путь свой въ Анкону, вездѣ собирая денежныя приношенія друзей челоуѣчества, радостно ввѣряемыя со всѣхъ сторонъ мудрому его домостроительству. Пожитки богачей и лепты вдовицъ сливались въ казну его, съ помощію коей великій мужъ надѣялся учредить главнѣйшія заведенія для призрѣнія дѣтей, коихъ отцы положили животъ свой въ лютыхъ битвахъ за спасеніе отечества. Христіанской душѣ его мысленно предстояли грядущія поколѣнія, которыхъ расслѣніе, или благополучіе, зависѣло отъ первыхъ зиждительныхъ началъ воспитанія народнаго. Болѣе сорока дней Каподистрія ожидалъ прибытія въ Анкону обѣщаннаго Англійскаго линейнаго корабля, чтобы ступить на предоставленное ему Провидѣніемъ тернистое и кровавое поприще самоотверженія. Но корабль не являлся. Между тѣмъ 1827 года, Октября дня, грянуло Наваринское сраженіе. Три эскадры трехъ Союзныхъ Державъ, представлявшихъ въ семь достохвальномъ подвигѣ три главные отрасли единого первобытнаго Христіанства стройно и величаво покрыли Греческое море разноцвѣтными флагами. Надъ ними жезлъ начальства держалъ храбрый, благомыслящій, Адмиралъ Англіи, Эдуардъ Кодрингтонъ.

Сподвижниками его были Контръ-Адмиралы: Россійскій, Графъ Гейденъ, и Французскій де Риньи. По точному разуму и силѣ союзнаго договора, Сиру Эдуарду Кодрингтону предписано было объявить Ибрагиму и Капитанъ-Пашѣ провозглашенное Державнымъ Союзомъ перемиріе между воюющими, виредъ до окончанія переговоровъ съ Портою Оттоманскою. Но кичливый, ободренный своими побѣдами, подручникъ Султана, мечтавшій о самовластїи въ пожалованныхъ ему Пашалыкахъ Морейскомъ и Критскомъ, уклонился отъ соблюденія возложенной на него обязанности. Онъ, не смотря на данное обѣщаніе, выслалъ изъ Наварина часть эскадры въ Лепантскій заливъ, для продолженія непріятельскихъ дѣйствій, и на сушѣ не преставалъ свирѣпствовать безъ пощады и отдыха. Тогда раздраженный неуступчивостію Адмиралъ Кодрингтонъ пустился въ погоню за отплывшею эскадрою, настигъ и принудилъ ее возвратиться въ Наваринскую пристань. Возникли жаркія прѣлія; раздались угрозы; съ обѣихъ сторонъ все предвѣщало разрывъ неминуемый, или униженіе достоинства Европейскихъ повелителей. Доблестный Кодрингтонъ не долго колебался. Но, затрудняясь многосложностію даннаго ему наказа, Адмиралъ придержался собственноручной приписки Генералъ-Адмирала, нынѣ Короля Вильгельма IV, и положилъ цѣлымъ флотомъ вѣхаться въ гавань, дабы страхомъ понудить Мусульманъ къ перемирію. Отданъ былъ сигналъ: Англійскіе суда плыли впереди, за ними шла Французская дивизія, Россійская замыкала браноносное шествіе. Турки открыли огонь; союзныя эскадры быстро втѣснились въ пространную гавань, громко отвѣтствуя на привѣтъ Турецкихъ судовъ, осѣняемыхъ флагомъ багровымъ. Россійскіе корабли должны были выдержать крестообразный огонь батарей, коими защищался входъ въ пристань, но не отстали отъ прочихъ. Тогда битва загрохотала по всему заливу, ядра градомъ посыпались и вскорѣ Турецкіе корабли запылали въ различныхъ направленіяхъ. Нѣсколько часовъ длилось разрушительное состязаніе, среди обломковъ спасетей и судовъ, подъ грознымъ заревомъ сильнаго пожара, мгновенно омрачаемаго дымными столбами отъ взрыва пловучихъ громадъ, страшною оглушающихъ пальбою. Наконецъ Ибрагимъ согласился на перемиріе, и въ ту же минуту Кодрингтонъ приказалъ щадить корабли непріятельскіе, уже обреченные пожирающему пламени.

Симъ кончилась вѣчнопамятная Наваринская битва; * но ея бѣдствія и страданія Грековъ еще не прекратились. Чудовищное безначаліе терзало истощенную Грецію; сонмы злосчастныхъ невольниковъ отсылаемы были въ Египетъ; поселяне скрывались въ ущеліяхъ горъ; на пепелищахъ городовъ и селъ гнѣздилося запустѣніе, на моряхъ своевольствовали корсары; хищный Клефъ Гривасъ засѣдалъ въ крѣпости Паламидѣ и съ вершины исполинскаго утеса повелѣвалъ Навпліею.

Въ сихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, Правитель Графъ Иванъ Каподистрія, на Англійскомъ линейномъ кораблѣ, одинъ безъ войска и оружія, явился у береговъ, пораженныхъ тяжкихъ проклятіемъ. Зложелатели внутренно радовались непреодолимому разстройству страны, одичавшей, въ которой Избранникъ, по мнѣнію ихъ, долженствовалъ лишиться своей славы. Но предчувствія людей, ослѣпленныхъ злобною непріязнію, посрамлены были событіемъ. Каподистрія повелѣлъ Гривасу сдать крѣпость Паламиду, и меченосецъ-Клефъ безпрекословно исполнилъ данное ему приказаніе. Народъ воспрянулъ отъ неописаннаго восторга, крамольники оробѣли и для безопасности своей изъявляли притворную радость и безусловное повиновеніе. Правитель Греціи на время утвердилъ свое пребываніе на островѣ Эгинѣ, жилъ въ хижинѣ, наскоро выстроилъ скромный домъ и, назначивъ себѣ сотрудниковъ, безъ всякаго разбора мнѣній и партій, ревностно принялся

* Достойно примѣчаніа, что Сарацины и послѣ нихъ Турки всегда подвергались сильнѣйшимъ пораженіемъ на морѣ, и что флоты ихъ истребляемы были пожарами. Въ продолженіе вѣковой борьбы Мусульманъ съ Византійскою Имперіею, такъ называемый Греческій огонь неоднократно пожиралъ суда невѣрныхъ. Даже, въ XVI столѣтіи Лепантская битва, въ XVIII Чесменскій бой, и наконецъ блистательные успѣхи Греческихъ брандеровъ въ послѣднюю войну, увѣчанную зарею Наваринскаго всеожженія, вся сія, почти непрерывная, цѣль дивныхъ событій свидѣлствуетъ о нѣкоемъ приговорѣ, свыше произнесенномъ надъ морскими ополченіями поклонниковъ Арабскаго лжепророка. Одни челноки Елленовъ въ три года истребили четыре линейныхъ Турецкихъ корабля, три фрегата и множество меньшихъ судовъ. Константины Канарисъ уже ворвался было съ громогласнымъ судномъ въ гавань Александрійскую, но одно дуновеніе вѣтра отвортило ударъ и спасло морскую силу Мегметъ-Али-Паши, охраняемую услужливостію бывшихъ тамъ Французовъ. Все таки честь и слава героя Канарису

за священное дѣло—воцареніе законовъ и исцѣленіе глубокихъ язвъ опустошенной отчизны.

Съ наступленіемъ 1828 года обнаружались признаки неизбежнаго разрыва между Россіею и Турціею. Султанъ Махмудъ, предполагая, что вѣроломное вторженіе Персіянъ въ наши предѣлы и воспослѣдовавшая за онымъ война надолго займутъ наши силы, оказывалъ возрастающее пренебреженіе къ правамъ и законнымъ требованіямъ нашего Кабинета. Не довольствуясь явными приготовленіями къ войнѣ, Порта обнародовала Гатти-Шерифъ или воззваніе къ Мусульманамъ, наполненное угрозами, оскорбительными для чести и достоинства Россіи. Повременно чинимы были обиды нашему флагу, и Паши Азіятскихъ областей, смежныхъ съ театромъ Персидской войны, явно подстрекали къ бунтамъ подвластныхъ намъ Мусульманъ и снабжали Горцовъ военными припасами. Столь враждебные поступки наконецъ вынудили у Россіи торжественное объявленіе войны, коей причины изложены, съ надлежащею полнотою и ясностію, въ деклараціи Апрѣля 1828 года и въ письмѣ Вице-Канцлера къ Верховному Визиру. Лишь только гонецъ съ роковою хартіею отправился въ Царьградъ, какъ Графъ Витгенштейнъ, командовавшій второю арміею, получилъ приказаніе вступить въ Молдавію, а Черноморскій флотъ вышелъ въ море, направивъ плаваніе къ Азіятской крѣпости Анапѣ. Султанская Дума оцѣпенѣла отъ ужаса, какъ будто не предусматривала, что Государь Императоръ рѣшительно вступится за Государственныя права, пользы и честь народную. Искать примиренія посредствомъ мѣръ, предначертанныхъ въ Россійскомъ Манифестѣ, показалось Туркамъ уступчивостію, несовмѣстною съ завѣтными преданіями гордости Мусульманской. Политика Султана терялась въ противорѣчіяхъ; ибо семь лѣтъ сряду требовала Россія огражденія святости нарушенныхъ Портою договоровъ; Порта же не могла сдѣлать Россіи ни какого упрека, кромѣ одного, что она приняла участіе въ Наваринскомъ сраженіи. Но, возставая противъ сей непріязненности, ей надлежало объявить войну прочимъ Союзнымъ Державамъ, ополчившимся въ пользу Грековъ. Сохраненное съ ними дружество обличало особенную вражду ея противъ Русскихъ, бессмысленно устремленную къ ускоренію бѣдственнаго разрыва. Гроза разразилась надъ главами изувѣровъ, вопреки запоздалымъ усиліямъ и миролюбивымъ внушеніямъ Союзныхъ

Дворовъ, покушавшихся отвратить войну страхомъ всеобщаго потрясенія въ Европѣ. Государь Императоръ отправился въ главную квартиру дѣйствующей арміи; воды Дунайскія зашумѣли подъ веслами быстрой ладьи, на которой изумленный Востокъ узрѣлъ Обладателя странъ полуночныхъ среди сонма храбрыхъ дружинъ его. Крѣпостцы Исакча и Тульча сдались; на противоположномъ берегу Чернаго моря Анапа покорена бы бы распорядительною храбростію Князя Меншикова. Въ то же время побѣдитель Персіи, Графъ Паскевичъ-Эриванскій, снова созвалъ едва отдохнувшіе отъ великихъ подвиговъ полки отдѣльной Кавказской рати, поднялъ обвитыя лаврами знамена и мужественно вступилъ въ ближайшія области Турецкой Имперіи. Осада Браилова стояла Россіи многихъ храбрыхъ, погибшихъ на приступѣ сквозь недовершенный проломъ въ стѣнахъ крѣпости. Но сдача скоро послѣдовала за кровавою сѣчею, и паденіе сей твердыни проложило безопасный путь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Пройдя мѣста, запустѣніемъ своимъ свидѣтельствовавшія о нагубномъ вліяніи Порты на подвластныя ей страны, главная рать наша приблизилась къ цѣпи Балканскихъ горъ и заняла средоточную позицію при Карасу. Всюду жители Болгаріи принимали Русскихъ воиновъ съ врожденнымъ чувствомъ пріязни, основанной на единовѣріи. Они, какъ и мужественные Сербы, съ усердіемъ исполнили бы первое мановеніе Царя Православнаго, но кроткія воззванія, издавныя по волѣ Государя при самомъ вступленіи нашей рати въ сія области, требовали одного дружелюбія, отклоняя вооруженное содѣйствіе туземцевъ, дабы не нанечь имъ гоненія отъ Турковъ, послѣ заключенія мира, отыскиваемого мечемъ Россійскимъ. Ибо плачевный опытъ минувшихъ лѣтъ доказалъ, что всепрощеніе, общаваемое Портою, не спасало Христіанъ отъ мстительности раздраженного властителя. По сему челоуѣколюбію и напередъ провозглашенная цѣль войны внушала необходимость устранить единовѣрцевъ нашихъ отъ участія въ борьбѣ собственно политической. Сими высокими побужденіями Христіанскаго праводущія руководствовался Государь Императоръ, распознагавшій судьбой милліона людей на поляхъ битвъ, но вмѣстѣ дорожившій каждою лишнею каплею крови, безъ нужды проливаемой въ дѣлѣ правомъ. Военныя дѣйствія 1828 года заключились осадой и взятіемъ приморской крѣпости Варны, въ первый разъ завидѣв-

пей нашихъ орловъ. Тогда Державы Европейскія, дотолѣ тревожимыя страхомъ перехода Русскихъ чрезъ Балканскій хребетъ, предались безпечности и ею заразили Порту Оттоманскую. Турки перестали думать о принятіи предложеннаго имъ Россіею мира, а соглядатаи Европейскіе, разноцвѣтные любители и знатоки ратнаго дѣла, въ одинъ голосъ повторяли, обманывая и себя и пославшихъ ихъ, что походъ не удался, не произвелъ ни какихъ важныхъ слѣдствій, и что настоящая война начнется развѣ съ будущимъ годомъ. Микроскопъ зложелательства, чрезъ мѣру увеличивалъ предметы, но видимоу, скрывалъ отъ тусклаго ихъ взора полный объемъ происшествій.

Какъ бы то ни было, Европа стала менѣ опасаться усиловъ нашего оружія, возложивъ надежду на Балканскій оплотъ, на глетворное вліяніе Задунайскаго климата и на регулярныя полки Султана Махмуда. Однако же зима съ 1828 на 1829 годъ тихомолкомъ готовила Россіи обильную жатву побѣдъ. Дунайскія крѣпости пали одна за другою, морская экспедиція, подъ предводительствомъ Контръ-Адмирала Кумани, высадила войска въ Созополь, по ту сторону Балкановъ, уже обойденныхъ почти безъ выстрѣла симъ благовременнымъ предпріятіемъ. Тщетно развѣвался Санджакъ-Шерифъ, т. е., священное Магометово знамя, въ Рамисъ-Чифликъ, загородномъ домѣ Султана, близъ Константинополя. Оно не подвигалось впередъ ни на шагъ и не производило въ Мусульманахъ стариннаго, изувѣрнаго, вдохновенія. Настала весна, и дружины Русскія воспріяли съ первымъ пробужденіемъ природы. Ревность каждаго ратоборца воспламенялась благороднымъ соревнованіемъ къ подвигамъ вождя Паскевича, приводившаго Азію въ повиновеніе, или трепеть. Графъ Дибичъ, скорѣ прозванный Забалканскимъ, повелъ войска впередъ: быстрымъ движеніемъ упредилъ Визиря, шедшаго къ Шумлѣ, и разбилъ его на голову при Кулевчѣ. Вершины Балканскія уже не могли остановить побѣдители; все лежало предъ нимъ—и Русскіе вступили во вторую столицу Оттоманской Имперіи, въ древній, знаменитый, Адрианополь!

Газетныя прорицалища затихли; наглый издатель «Смирнскаго Вѣстника», систематически клеветавшій на Россію въ продолженіе двухъ лѣтъ и вмѣстѣ поносившій мудрое и кроткое правленіе Гра-

фа Ив. Каподистрии въ Елладѣ, онѣмѣлъ отъ скорби и ярости. Передовыя наши войска разставили свои посты до самаго Люле-Бургаса, гдѣ начинаются дивные водопроводы, нѣкогда сооруженные Римскими Императорами и донинѣ напалющіе Византію. Близость гибели побудила Султана спѣшно выслать Полномочныхъ въ станъ побѣдителей. Послы Державъ иностранныхъ, пребывающіе въ Царьградѣ, письменно умоляли Главнокомандующаго не приближаться болѣе къ беззащитной столицѣ, дабы ихъ самихъ и прочихъ жителей Христіанъ не предать въ жертву нечаянному возстанію Мусульманской черни. Фельдмаршалъ Графъ Дибичъ, по точному содержанію даннаго ему наказа, дружелюбно принялъ Турецкихъ Полномочныхъ, и вскорѣ переговоры открыты были между ними и Россійскими Полномочными, Графомъ Орловымъ и Графомъ Паленомъ.

Оставленному на престолѣ Султану предписаны условія весьма умѣренныя, во многомъ сходствующія съ постановленіями Аккерманской Конференціи. Россія пріобрѣла въ Азіи небольшое пространство земель, но твердо упрочила безопасность и благоденствіе Молдавіи, Валахіи и Сербіи, взыскала должное за убытки, понесенныя Россійскими подданными, и наложила на побѣжденныхъ десять милліоновъ червонцевъ взноса за издержки, причиненныя войною. О прочихъ статьяхъ Адрианопольскаго договора, относящихся къ Греціи, мы упомянемъ въ послѣдствіи.

Событіе, вождѣльное для Мусульманъ, не могло быть благопріятнымъ возрожденію едва оживавшаго Греческаго народа. Посему Адрианопольскій миръ разрушилъ лучшія надежды Правительства Греціи, отнявъ у него возможность дѣйствовать наступательно на Христіанскую Фессалію и Эпиръ, и естественнымъ образомъ умножилъ число и силы явныхъ и тайныхъ его зложелателей. Однако, не взирая на сію превратность, Правитель Греціи, пріобыкшій во всю жизнь бороться съ враждебною судьбиной, не потерялъ свойственной ему твердости духа и пребылъ вѣрнымъ обѣту братолюбія и покорности волѣ Всевышняго. Со дня заключенія мира, Каподистрія, какъ истинный труженикъ, несъ тяжкое бремя правленія, единственно по долгу, съ отверженіемъ всѣхъ надеждъ земныхъ.

Выстроивъ въ Эгинѣ собственнымъ иждивеніемъ и съ помощію нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ иноземцевъ огромное зданіе

для помѣщенія въ немъ сиротъ мужескаго пола, Каподистрія при- зрѣлъ въ семь заведеніи болѣе шести сотъ дѣтей, скитавшихся безъ пріюта и обреченныхъ нищетѣ и разврату. Подъ надзоромъ добрыхъ наставниковъ, сіи малолѣтки, спасенные отъ гибели душевной и тѣлесной, получали первоначальное образованіе въ Вѣрѣ, чтеніи, письмѣ, ариѳметикѣ, правилахъ отечественнаго я- зыка, церковномъ пѣніи и рисованіи, чтобы изъ сего богат- наго разсадника перейти, смотря по своимъ склонностямъ, въ раз- личные званія, полезныя для общества. Иные обучались ремесламъ, другіе вступали въ типографіи наборщиками, или въ правитель- ственныя мѣста переписчиками. Оказавшихъ высшія способности опредѣляли въ главное военное училище «τὸν ἐνεργέσιον,» благо- надежныхъ. По примѣру и побужденію чадолюбиваго Правите- ля, въ малыхъ, полуразрушенныхъ, городахъ и селахъ, среди раз-валинъ, открыты были по всей Греціи школы взаимнаго обуче- нія; въ Эгинѣ, Навпліи, Аѳинахъ и Мессолонги основаны были среднія училища для преподаванія предуготовительнымъ наукъ, т. е., Грамматики, Исторіи, Географіи и началъ Математики. На- конецъ въ Паросѣ опустѣвшая древняя обитель инокѣвъ назна- чена была для Духовнаго училища или Семинаріи. При совер- шенномъ оскудѣніи пособій духовныхъ и учебныхъ, мудрый рев- нитель Святаго Православія поручилъ Архимандриту Венедикту и проповѣднику Прокопію надзоръ за весьма малымъ числомъ вос- питанниковъ, наставляемыхъ въ ученіи и благонравіи Христіан- скомъ.

Сими мѣрами заложивъ зданіе государственнаго бытія, Капо- дистрія обратилъ вниманіе свое на устройство властей и воцаре- ніе закона и порядка. Онъ учредилъ Герусію или Сенатъ, въ составъ коего вступили почетные граждане, старѣйшины всѣхъ областей и острововъ Еллады, по мѣстному вліянію и заслугамъ cadaго. Не полагаясь на мнѣнія своихъ Статсъ-Секретарей, Пра- витель отсылалъ всѣ предначертанія на разсмотрѣніе Герусіи, вни- малъ сужденіямъ ея и сообразовалъ дѣянія Правительства съ хо- домъ совѣщаній и предложеніями сей Государственной Думы. Судопроизводство, на основаніи общихъ началъ правовѣдѣ- нія, постепенно было введено повсюду, начиная отъ мирнаго судіи до высшихъ судилищъ. Судіямъ дано было въ руковод-

ство Уложение Римскихъ Императоровъ, извѣстное подъ названіемъ «Царскихъ книгъ» т. е., сборника Василия Македонскаго. По дѣламъ уголовнымъ, полицейскимъ и торговымъ, Правитель призналъ нужнымъ руководствоваться формами и законами Французскими. Морское вѣдомство, порядокъ мореплаванія, устройство гаваней, таможенъ и въ особенности карантинныя мѣры для предотвращения моровой язвы, сугубо грозной для Греціи, по причинѣ сосѣдства Турецкаго, всѣ сіи важныя отрасли правленія были предметомъ неусыпныхъ, всеобъемлющихъ, попеченій Каподистрії. Лишь только мужъ великій и кроткій успѣлъ принять кормило Государственное—морскіе разбои прекратились, какъ бы волшебною силою. Зложелатели, дотолѣ громко вопіявшіе противъ сего закоренѣлаго зла, изумились и съ трудомъ могли скрыть свою досаду. Ибо они не безъ умысла оглашали Европу непрестанными жалобами на Греческихъ корсаровъ, не изъ усердія къ безопасности торговли, но дабы преувеличенными рассказами о убыткахъ и обидахъ болѣе и болѣе раздражить Державы Европейскія противъ ненавидимаго ими народа, и наконецъ, подъ предлогомъ разбоевъ, узаконить общую ловлю и травлю отчаянныхъ Христіанъ. Одно появленіе Каподистрії посрамило козни ихъ. Онъ, почти безъ строгости, возстановилъ на моряхъ вождедѣнную безопасность и тотчасъ приступилъ къ водворенію тишины на твердой землѣ. Сколько разъ присутствіе безоружнаго Правителя среди мятежныхъ скопищъ буйныхъ Клефтовъ мгновенно укрощало строптивыхъ и внушало имъ повинновеніе! Обезпечивъ на время содержаніе войскъ, Каподистрія неумолимо взыскивалъ съ нихъ за малѣйшее своевольство, или притѣсненіе сельскихъ жителей. Подавленный дотолѣ неистовыми пайками, злосчастный народъ ожилъ, свободно вздохнулъ и единогласно благословлялъ своего покровителя. * Пользуясь во всякое время свободнымъ доступомъ

* Слѣдующій случай живо знаменуетъ народное довѣріе къ Правителю: какой-то пашикаръ или удалецъ изъ военныхъ спорилъ съ поселяниномъ о цѣнѣ продажнаго барана. Мужикъ просилъ пять левовъ, а мечепосецъ судилъ только три, и грозилъ отнять барана безъ платы, по праву сильнаго. Но продавецъ, не робѣя, хладнокровно сказалъ ему: «Погляди, баринъ, у моего барана на лбу написано: «Бѣрба Яли!» а на затылкѣ тоже написано: «Пять левовъ.» «Угодно, такъ возьми!»

къ нему, бѣднѣйшій простолюдинъ зналъ, гдѣ искать себѣ защиты, совѣта, утѣшенія и не рѣдко существенной помощи. Народъ сдружился съ добрымъ властелиномъ, и въ изліяніяхъ любви сыновней, пелищемѣрной, радушно прозвалъ Каподистрію: «Барба Яни,» т. е., дядю Иваномъ: простонародное выраженіе, изъясняющее любовь и довѣріе къ старшему и благодѣтелю. Въ годину мира, въ странѣ, еще не опустошенной безначаліемъ и не зараженной чужеземствомъ, довольно было бы сихъ подвиговъ для счастія народа и для безсмертной славы сего Избавителя. Но труженику надлежало преодолевать невидимыхъ враговъ и устранять неимоверныя преграды на пути къ возрожденію народному.

Первый исполнителскій трудъ состоялъ въ обрѣтеніи денежныхъ пособій. Казны не бывало въ Греціи; Англійскіе займы большею частію разошлись по рукамъ бесовѣстныхъ его предѣльниковъ. Частныя приношенія на алтарь отечества пресѣклись съ надеждою на будущія завоеванія. А народъ бѣдствовалъ въ горахъ, на пепелищахъ селъ, среди полей, заросшихъ терніемъ. Стада, виноградники, масличныя и шелковичныя деревья, всѣ пожитки селянина, пожрала, сожгла, изрубила, уничтожила война кровавая! Не возможно было ожидать податей отъ обнищавшаго, истощеннаго народа.

Созванное Правителемъ народное собраніе, вопреки надеждамъ и предсказаніямъ Англо-Французской партіи, явило къ нему полное довѣріе и облекло Каподистрію властію почти неограниченною. Но сіе собраніе не умѣло изыскать источниковъ дохода и въ недоумѣніи своемъ всю тягость обстоятельствъ возвергло на Правителя. Сложность государственныхъ доходовъ не превышала трехъ миліоновъ рублей, а расходы, при строгой, мелочной, бережливости, простырались до шести миліоновъ. Каподистрія жилъ и содержалъ свой домъ собственнымъ достояніемъ: на троекратное предложеніе представителей народныхъ опредѣлить приличную сумму на содержаніе его великій гражданинъ отвѣтствовалъ отказомъ. Между тѣмъ пачеты и недостатки увеличивались до такой степени, что Графъ Каподистрія принужденъ былъ просить помощи у Государя Императора и Короля Франціи, Карла X. Ходатайство его было уважено, и Греческая казна разновременно получала изъ Россіи и Франціи около осьми мил-

ліоповъ Фрапковъ. Сверхъ того, Каподистрія добывалъ вспомо-
гательныя сѹммы ревностнымъ содѣйствіемъ друга своего и дру-
га челоуѣчества, Женевскаго богача, Г. Эйнара, оказавшаго Гре-
ціи незабвенныя услуги. Трудясь надъ умноженіемъ способовъ
къ поддержанію народнаго бытія, Правитель Еллады не нахо-
дилъ средствъ сократить издержки, несоразмѣрныя доходамъ
Сопмы воиновъ и воинскихъ чиновъ, пріобрѣвшихъ жить добычею
и войною, въ мирное время требовали, по крайней мѣрѣ, поло-
виннаго жалованья и, по случаю малѣйшей отсрочки въ плате-
жахъ, передавались въ руки возмутителей иноземныхъ, съ жад-
ностію ловившихъ всѣ поводы къ возбужденію ропота и не-
устройства. Однако же, не смотря на всѣ преграды, Каподистрія
неуклонно шествовалъ къ своей цѣли путемъ искушеній, бди-
тельно наблюдалъ за ходомъ Лондонскихъ переговоровъ, дол-
женствовавшихъ рѣшить судьбу Греціи, дѣятельно участвовалъ въ
совѣщаніяхъ трехъ Посланниковъ въ Паросѣ, краснорѣчиво за-
щищалъ права своего народа и съ свойственнымъ ему искусствомъ
выставлялъ тѣ условія политическаго бытія въ отношеніи къ не-
зависимости и предѣламъ Греціи, безъ коихъ она существовать
не можетъ. Враги Правителя старались оклеветать его предъ на-
родомъ нелѣпымъ порицаніемъ, будто онъ всемѣрно отклонялъ
избраніе будущаго Монарха, съ намѣреніемъ удержатъ бразды
правленія. А праведный мужъ, въ сіе самое время, обширною
перепискою съ Дворами Европейскими не преставаъ внушать,
что временное правленіе пагубно для Греціи и непреодолимо пре-
пятствуетъ успѣхамъ внутренняго благоустройства. Принцъ Лео-
польдъ Саксенъ-Кобургскій (нынѣ Король Бельгійскій), зять Вели-
кобританскаго Короля, Георга IV, иѣкогда служившій въ Россіи,
былъ лично одолженъ Графомъ Каподистрією, и въ продолжаемой
издавна перепискѣ съ нимъ, всегда изъявлялъ ему пріязнь и бла-
годарность. * Сей Принцъ, движимый постояннымъ честолю-

* Георгъ IV искалъ достойнаго супруга для дочери своей, Принцессы Шарлот-
ты. Принцъ Оранскій исправлялъ ея руки, но не умѣлъ списать любви
Державной невѣсты. Тогда Принцъ Леопольдъ рѣшился испытать свое сча-
стіе. Не имѣя способовъ показаться въ Лондонѣ съ блескомъ, приличнымъ
его намѣреніямъ и сану, онъ обратился съ просьбою къ Графу Каподистрію,
который тотчасъ исходатайствовалъ ему денежное пособіе отъ щедротъ Им-

біемъ, домогался короны. Въ сонмѣ Германскихъ Князей, искателей верховнаго сана, овдовѣвшій супругъ наследницы Великобританской всегда занималъ почетное мѣсто. И по тому Державные Союзники, исключивъ изъ числа кандидатовъ на Греческій Тронъ всѣхъ членовъ Царственнаго ихъ рода, естественнымъ образомъ приняли во вниманіе искательство Принца Леопольда, имѣвшаго тогда главнымъ совмѣстникомъ Принца Фридриха Нидерландскаго. Нѣкоторое время выборъ трехъ Державъ колебался между сими двумя владѣтельными Князьями, и наконецъ жребій палъ на Принца Леопольда. Доколѣ длились переговоры о семъ важномъ предметѣ, предтеча будущаго вѣнценосца, въ потѣ лица уготовлявшій ему въ Греціи стезю правую, ограничивался настояніями о выборѣ Монарха, но не указывалъ ни на кого исключительно. Какъ скоро избраніе Леопольда сдѣлалось гласнымъ, Каподистрія поспѣшилъ привѣтствовать новаго властелина именемъ всѣхъ Еллиновъ, убѣдительно молилъ его Высочество не медлить прибытіемъ своимъ въ Грецію, правдолюбиво раскрылъ предъ нимъ положеніе страждущаго народа, и сообщенія сіи заключилъ изъявленіемъ единодушнаго желанія Грековъ нѣкогда увидѣть Царя своего, поклоняющагося Господу въ единомъ храмѣ съ своими подданными. Отъ избытка сердца провѣщали уста его, не заграждаемая робкими соображеніями и расчетами политики земной.

Встрѣтивъ затрудненія въ обезпеченіи займа, необходимаго для возсозданія Греціи, Принцъ Леопольдъ отказался отъ предлагаемаго ему вѣнца терноваго, и будущая участь Еллады снова предана была случайностямъ непредвидимымъ. Непадѣжность настоящаго порядка снова взволновала умы, поработанные мятежнымъ вліяніемъ Европейскихъ крамолъ. Маврокордато, Чортъ и пришельцы Византійскіе, извѣстные подъ названіемъ Фанаріотовъ, составили общій договоръ противъ Правителя, боготворимаго простымъ народомъ. Искусно пользуясь неудовольствіемъ моряковъ и богачей Идріотскихъ за то, что Каподистрія не хотѣлъ безъ разбора утвердить счетовъ и требованій денежныхъ, взводимыхъ

ператора Александра I-го. Слѣдствіе увѣнчалось успѣхомъ, и Принцъ Леопольдъ съ того времени помнилъ оказанную ему услугу.

ими на казну Государственную и простиравшихся до 20 милліоновъ франковъ, пользуясь, говоря, симъ сѣменемъ раздора, безбожная шайка успѣла привлечь къ себѣ множество островитянъ, упорныхъ и корыстолюбивыхъ. По примѣру ихъ, нѣсколько строптивыхъ Клефтовъ и Морейскіе старѣйшины, коимъ возбранялось гѣснить по прежнему простой народъ, пристали къ сторонѣ противниковъ, но еще не дерзали явно противодѣйствовать отцу отечества. Толпа книжниковъ, полуученыхъ наглецовъ, напитанныхъ суемудрыми ученіями Университетовъ Запада, вкрались въ довѣріе коренныхъ жителей и буйными внушеніями сугубо раздражали и ополчили ихъ противъ Правительства. Не доставало волшебнаго, металлическаго, талисмана, обыкновенно усыпляютшаго неистовыя страсти. Со всѣмъ тѣмъ глубокое почтеніе къ особѣ Правителя, его добродѣтели и живая преданность народная, все еще удерживали крамольниковъ въ предѣлахъ угрюмага, но безмолвнаго, повиновенія. Внезапно раздалась по всей Европѣ поражающая вѣсть, въ Іюль 1830 года: Бурбоны свержены съ престола Святаго Людовика; революція воскресла; Орлеанскій домъ воцаряется на тронѣ опустѣвшемъ, и порфирородный сирота, Генрихъ V, осужденъ на безсрочное изгнаніе. Не винка въ отдаленныя и ближайшія причины сего ужаснаго переворота, не описывая всемірныхъ слѣдствій онаго, дѣписатель долженъ, однако жъ, показать злоторное вліяніе Парижской великой седмицы * на судьбу изнемогавшей Еллады. И подлинно, всѣ бѣдствія и преступленія Грековъ произошли оттуда. Огнедышащее жерло, изверженіями своими поколебавшее вселенную, по закону необходимости, взволновало и Грецію, въ кой находились охранительныя Французскія войска. Духъ безначалія, воплотившійся во Франціи, Нидерландахъ и Польшѣ, явился на Эгейскихъ берегахъ грознымъ исполиномъ. Водители крамолы почувствовали въ себѣ отвагу и дерзость. Они начали нападеніе мечемъ обоюду острымъ — изданіемъ въ Идрѣ демагогическаго журнала, изрыгавшаго на Правителя, Церковь, Россію смрадный потокъ лжи, клеветъ и ругательствъ. Общія заповѣдныя слова мятежниковъ были: «Свобода тисненія, конституція!» Сии зловѣщіе

* La grande semaine, Такъ Парижане назвали всеобщее возстаніе противъ Короля въ Іюль 1830 года.

звуки тѣмъ сильнѣе очаровывали толпу, чѣмъ менѣе она ихъ понимала. Измѣна овладѣла невѣжествомъ; и всеобщая нищета вступила въ тѣсный союзъ съ возмутителями. Мнимо равнодушные зрители сей борьбы, иностранцы, тайно подстрекали неистовыя страсти туземцевъ. Долго и непреклонно противился Каподистрія: то мѣрами твердости, то кроткими внушеніями останавливалъ онъ порывы измѣнниковъ и посрамлялъ ихъ козни. Мудрая бдительность Правителя упредила подушенный ими бунтъ звѣрскихъ Маніотовъ: онъ разсѣялъ полчища Капитана Каратассо, подкупленнаго крамолою. На твердой землѣ содѣйствовали ему Колокотрони и Калергій, на морѣ герой, пребывшій вѣрнымъ отечеству, Константинъ Канарисъ. Кромѣ дѣятельнаго отраженія изступленной крамолы, Каподистрія постоянно заботился о распространеніи въ народѣ понятій здравыхъ. «Къ чему послужить, говорилъ онъ, необузданная свобода книгопечатанія у народа, лишеннаго первоначальныхъ, коренныхъ, познаній? А конституція на бумагѣ на вѣкъ останется орудіемъ хищниковъ и злодѣевъ отчизны, если не положить ей основанія въ быту народномъ. Кѣмъ будутъ избираемы представители и въ чью пользу станутъ они дѣйствовать, если въ Греціи нѣтъ еще сословій, нѣтъ общинъ и народъ не владѣетъ участками земли, въ залогъ благоразумія и усердія къ пользамъ отечества? Коренной законъ есть только обманчивый призракъ, когда онъ начертанъ на хартіи, но не существуетъ въ преданіяхъ, нравахъ и способностяхъ народныхъ. Третья часть Пелопоннеса принадлежала Туркамъ; теперь недвижимость сія, купленная цѣною Греческой крови, досталась въ удѣлъ Государству. Въ описаніи, оцѣнкѣ и справедливомъ распредѣленіи сихъ земель между поселянами, общинами градскими и защитниками отечества, заключается истинная конституція Еллады. Это — животворная стихія, безъ коей намъ не устранить хаоса, не создать въ родной странѣ новаго міра. Вотъ цѣль всѣхъ моихъ усилій, размышленій и трудовъ. Однимъ крамольникамъ свойственно прикрывать частныя виды громкими изреченіями; я живу для потомства, «злодѣи сѣютъ вѣтръ, и пожнутъ бурю!»

Таковъ былъ предметъ всѣхъ частныхъ бесѣдъ и всенародныхъ воззваній Правителя къ благомыслящимъ гражданамъ, ко-

торыхъ онъ старался предостеречь отъ господствующаго обаянія. Мудрымъ рѣчамъ его соотвѣтствовали дѣла; ибо онъ все готовилъ къ раздачѣ земель сельскимъ жителямъ, и въ ослѣлости народа находилъ единственное ручательство благонадежности выбора будущихъ представителей — членовъ Народнаго Собранія. Въ сихъ попеченіяхъ Каподистрія о прочномъ благополучіи Еллады, безпристрастное потомство, безъ сомнѣнія, увидитъ начертанный приговоръ его цорицателей, а нелицепріятная Исторія на скряжалыхъ своихъ сохранить память его заслугъ и вопіющей на небо неблагодарности его современниковъ. Иноземная партія, замѣтивъ успѣхи своего журнала, побудила Идріотовъ отразить вооруженною рукою присланныхъ отъ начальства для закрытія ядовитой типографіи, въ коей печатаема была газета «Аполлонъ.» Издателю оной, извергу Полизонди, воспитанному въ Европѣ иждивеніемъ Каподистрії, вѣльно было разглашать, что Правительство уклоняется отъ созванія Конгресса, и приписать сіе отлагательство ненасытному властолюбію Правителя. На дерзкую клевету Каподистрія отвѣчалъ окружнымъ письмомъ къ мѣстнымъ начальствамъ, что по первому, ежечасно ожидаемому, извѣстію объ избраніи Короля, Народное Собраніе будетъ созвано. Тогда крамольники, страшась близкой развязки и видя бесполезность всѣхъ мятежныхъ усилій на твердой землѣ, двинули морскую силу, внезапно овладѣли Паросомъ и находившеюся въ сей гавани эскадрою Правительства. По приглашенію Каподистрії, Россійскій Контръ-Адмиралъ Рикордъ, съ малымъ числомъ военныхъ судовъ, отправился въ Паросъ; тщетно покушался усовѣстить Маврокордато и Греческаго Наварха Міаули; наконецъ, гордясь въ преступномъ ожесточеніи измѣнниковъ, установилъ предъ гаванью строгую блокаду. Изступленные Идріоты осмѣлились стрѣлять по Россійскому бригу и, злобясь на твердость Контръ-Адмирала, вмѣсто требуемой отъ нихъ покорности и сдачи захваченной эскадры, въ виду нашихъ судовъ, зажгли 64 пушечный корабль Елладу, стоившій Греціи болѣе двухъ милліоновъ франковъ, два парохода и одну военную корвету. Злодѣяніе, достойное вѣчнаго посрамленія и примѣрной казни! Морская сила Англичанъ и Французовъ слабо содѣйствовала Россіянамъ, и еще болѣе раздражала вѣроломныхъ безвременнымъ и неумѣстнымъ посредничествомъ. Правитель вступился за поруганную народную честь: повелѣлъ про-

изводить выборы членовъ Конгресса, но, щадя противниковъ, онъ предложилъ имъ изгнать изъ Идры главныхъ зачинщиковъ мятежа, а виновныхъ въ бунтѣ и сожженіи флота предоставить суду Народнаго Собранія. Кроткія предложенія великой души были отринуты, и междоусобная война закипѣла. Всѣ пришельцы-демагоги радовались вождѣнному событію. Многіе малодушные чиновники подали въ отставку, или были удалены Правителемъ, явившимъ, при обстоятельствахъ толико смутныхъ, обыкновенную неустрашимость. Пораженный въ сердце, но непреклонный духомъ, Каподистрія, среди общаго смятенія, окруженный измѣною, сѣтями и кознями, умѣлъ охранить спокойствіе твердой земли, не призвавъ къ себѣ на помощь ни одного Французскаго солдата. Борясь съ внутреннею печалію и навітами злобы, онъ все еще мужался, ходатайствовалъ въ Лондонѣ о избраніи Короля и жертвовалъ послѣднимъ достояніемъ для восполненія изсякшихъ Государственныхъ доходовъ. Казна Греціи совершенно истощилась; на раменахъ великаго труженика лежало неудобноносимое бремя, а Союзныя Державы медлили денежными пособіями и спасительнымъ рѣшеніемъ участи цѣлаго народа.

Въ сію страшную годину искушенія пребыли вѣрными Правителю и Отечеству слѣдующіе сановники, коихъ имена принадлежатъ Исторіи и въ лѣтописяхъ Еллады займутъ почетное мѣсто: меньшій братъ незабвеннаго, Графъ Августинъ Каподистрія (старшій обратно уѣхалъ въ Корфу), І. Спиліади, Государственный Секретарь, Полковникъ Калергій, храбрый вождь Θ. Колокотрони; военачальники: Никита, Дзавелла и, гроза Турковъ на моряхъ, Константинъ Канарисъ; почетные Идріоты: Предсѣдатель Сената Чамадосъ и Гика, Георгій Гіони, отставной Русскій Офицеръ Греческой службы, Полковникъ Райко, Комендантъ Навплійской крѣпости Португалецъ Альмейда, и нѣкоторое число чиновниковъ менѣе извѣстныхъ. Въ Герусіи, въ сонмѣ Димогеронтовъ или старшинъ городовъ, по всему Государству, большинство склонялось на сторону Правителя, но не умѣло соединиться для отраженія дерзкой крамолы, гордившейся виѣшнимъ покровительствомъ. Что жъ касается до буйныхъ Геростратовъ, кои сожгли отечественный флотъ и на развалинахъ изощряли свои кинжалы, готовясь къ послѣднему злодѣянію, перо дѣпи-

сателя отказывается начертать имена ихъ, обреченныя позорному безсмертію. Они, негодуя и стыдясь собственнаго безсилія, что не успѣли еще испровергнуть власти законной, оглашали Грецію и Европу ложными извѣтами и поношеніями на праведника, твердя, что тиранъ (такъ называли они благодѣтеля Еллады) заключилъ въ тюрьмы безчисленное множество невинныхъ. Но когда не стало тирана, мѣстное изслѣдованіе обнаруживало, что подъ стражею находилось не болѣе семнадцати человекъ, частію обвиняемыхъ, частію уже обличенныхъ въ Государственныхъ преступленіяхъ.*

Наконецъ клевета и коварство истощили разжженные свои стрѣлы. Не смотря на всѣ происки, тайные подрывы, явные возстанія и святотатственные покушенія сильной крамолы, Правитель Еллады отразилъ удары ея, обличилъ зловредные умыслы, сохранилъ тишину на твердой землѣ, и уже готовился нанести злодѣямъ конечное пораженіе, торжественнымъ открытіемъ въ Аргосѣ Народнаго Собранія. Не успѣвъ остановить хода помѣстныхъ выборовъ, противники, въ изступленія злобы безсильной, единогласно рѣшили умертвить Графа Каподистрію. Надлежало избрать опытныхъ кровопійцъ: ихъ нашли въ сонмѣ праздношатающихся, звѣрскихъ Маніотовъ. Между ними первенствовалъ Петро-Бей Мавромихали, при владычествѣ Турковъ нареченный Беемъ или Княземъ Маніотскимъ. Сребролюбивый и кровожадный старецъ не преставаъ жалѣть объ утраченномъ владычествѣ надъ Маніею. Присутствуя въ Герусіи и кромѣ того пользовалъ денежнымъ пособіемъ отъ Правительства, онъ принималъ дѣятельное участіе въ измѣнѣ Идріото-Фанаріотовъ, по наущенію ихъ тайно бѣжалъ изъ Навпліи на свою родину и возбунтовалъ часть тамошнихъ жителей, но вскорѣ былъ пойманъ и нѣсколько мѣсяцевъ находился подъ стражею, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Георгіемъ, и племянникомъ, Константиномъ Мавромихали. Графъ Каподистрія, уважая его сѣдины и заслуги двухъ сыновей его, нѣкогда павшихъ на полѣ битвы, не рѣшался предать суду преступника,

* Смѣтри отчетъ Правительства Аргосскому Конгрессу, поданный въ началѣ 1832 года, и дипломатическую переписку Г. Стратфорда Каппинга съ Графомъ Августинномъ Каподистріею.

увлеченнаго въ бездну преступниками, болѣе его самого виновными. Петро-Бей неоднократно былъ допрашиваемъ въ тюрьмѣ, а сыну и племяннику его дозволено было жить въ частномъ домѣ подъ карауломъ и ходить по городу въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ служителей. Сихъ молодыхъ изверговъ избрала крамола и расположила къ богомерзкому, ужасному, злодѣянію. Она, подкупивъ урядника, Макріяни, къ нему приставленнаго, тайными связями успѣли сдѣлать его безсмѣннымъ при себѣ, купили пистолеты, изострили заветные свои кинжалы. Зная, что Правитель безъ страха и безъ стражи прогуливается одинъ, любить бесѣдовать съ простымъ народомъ и часто бываетъ въ храмѣ Божіемъ, убійцы, съ Августа 1831 года, рыскали по всѣмъ закоулкамъ, заходили во всѣ церкви и жадно ловили всѣ случаи къ осуществленію адскаго замысла. Долго не удавалось имъ подстеречь праведника, безъ заарѣнія совѣсти и боязни подвергавшаго ежечаснымъ опасностямъ главу свою, увѣнчанную преждевременными сѣдинами и чистою славою. Два воскресныхъ дня сряду изверги Георгій и Константинъ являлись въ древній, низменный, храмъ Св. Спиридона Чудотворца, часто посѣщаемый Правителемъ. Но непредвидѣнными занятія и расстройство здоровья два раза отвратили отъ него чашу послѣдняго страданія.

Настало 26 Сентября, день, въ который Святая Церковь празднуетъ преставленіе отъ міра суетнаго въ міръ горній наперстнаго ученика Господня. Тогда кровопійцы показали у входа въ уединенный храмъ, коего святыня не смягчала лютаго ихъ ожесточенія. Не дождавшись обреченной жертвы, они хладнокровно отложили убійство до слѣдующаго воскреснаго дня, 27 Сентября. Въ странахъ Восточныхъ литургія совершается при первыхъ лучахъ денницы. По благочестивому преданію Христіане, подъ теплымъ, благотворнымъ, небомъ, заранѣе стекаются въ храмы, не вкусивъ ни какой пищи, или питія, дабы принять крупицы отъ преломленія даровъ, и сердца, еще свободныя отъ заботъ лукаваго дня, освятить утреннимъ славословіемъ. Но въ сей роковой день утреневали не одни вѣрные, но и мужи кровей. Сыны погибели и проклятія бодрствовали. Георгій и Константинъ Мавромихали, окутавъ себя въ большія епанчи, стояли, зловѣщіе и неподвижные, у вратъ церковныхъ па паперти!

Пробило шесть часовъ утра; на близъ лежащей площади все готовилось къ назначенному пѣхотному и артиллерійскому смотру. Внутри храма Св. Спиридона довольно уже собралось молящихся. Вдали показался Графъ Іоаннъ въ обычной темно-синей одеждѣ; онъ шелъ пѣшкомъ къ церкви, за нимъ слѣдовали odporукій урядникъ, Георгій, уроженецъ острова Крита, изувѣченный въ Наваринской битвѣ и жившій ординарцемъ въ домѣ Правителя; въ нѣкоторомъ разстояніи, позади ординарца, рядовой Навплійской внутренней стражи. Завидѣвъ и узнавъ издали пѣнныхъ крамольниковъ, Каподистрія ни мало не усумнился, вопреки намекамъ и предостереженіямъ, наканунѣ къ нему дошедшимъ. Единому Сердцевѣдцу извѣстно, что происходило тогда въ душѣ мученика, испившаго чашу скорбей земныхъ и страданіями приготовленнаго къ вѣщцу небесному. Онъ, твердою поступью подошедъ къ безмолвнымъ чудовищамъ, на поклонъ обонхъ отвѣтствовалъ приподнятіемъ шляпы, и въ тотъ же мигъ Георгій и Константинъ выстрѣлили въ него изъ пистолетовъ, прицѣлившись къ безстрашному его челу. Потомъ Георгій выхватилъ изъ своего пояса кинжалъ и пронзилъ животъ изнемогающаго праведника, кровь хлынула изъ ранъ, онъ зашатался и унелъ въ объятіе ординарца, который подхватилъ его одною рукою и положилъ на спасенную имъ Греческую землю. Убійцы обратились въ бѣгство.

Толпа, въ безпамятствѣ, высыпала изъ храма; мерзость злодѣянія проникла во святилище. Вѣрный тѣлохранитель, быстро отворотясь отъ умерщвленнаго, выстрѣлилъ въ Константина; но пистолетъ осѣкся; удалецъ отбросилъ вѣроломное орудіе казни, выхватилъ другое, ринулся, какъ левъ, по пятамъ бѣгущаго безбожника и вторымъ выстрѣломъ сокрушилъ его поясницу. Убійца падалъ, приподнимался, силился бѣжать, кропилъ слѣды свои кровію; народъ сбѣжался на вопль храбраго мстителя, осыпалъ проклятіями злодѣя, который громко выпилъ своего товарища, и наконецъ, исторгнувъ его душу, повлекъ искаженное тѣло къ крутому берегу, откуда оно брошено было въ море. Тѣмъ временемъ сынъ Петро-Бей, Георгій, вмѣсто того, чтобы искать спасенія за близкою городскою оградой, направилъ бѣгъ свой чрезъ площадь и улицу къ дому Французскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, Барона Руана. Услышавъ крикъ встревоженныхъ жителей, зло-

дѣй оробѣлъ и, не надѣясь безопасно достигнуть предположеннаго убѣжища, вбѣжалъ въ ближайшій къ оному домъ Вальяна, чтобы скорѣе укрыться отъ вниманія толпы. Оттуда, чрезъ знакомую калитку, Мавромихали пробрался во дворъ представителя Франціи, постучался въ двери и, послѣ минутнаго разговора, былъ впущенъ подъ кровъ гостепріимный. Поцѣловавъ пистолетъ свой, онъ отдалъ смертоносное орудіе, пресѣкшее жизнь драгоценную и праведную, въ руки Француза, Подполковника Пельона, и просилъ защиты. Между тѣмъ страшная вѣсть о кончинѣ Правителя громомъ раздавалась по всему городу. Братъ убіеннаго, Графъ Августинъ, явился на мѣстѣ свершившагося святотатства, убитый горестію, но подкрѣпляемый Христіанскимъ желаніемъ отвратить безначаліе, не допустить народъ до самоуправства и предать мщеніе единому Богу. Достойный братъ усоншаго праведника тотчасъ проникъ тайныя намѣренія чужеземцевъ, алкавшихъ мятежа, какъ благовиднаго повода ко введенію въ Навплію чужой вооруженной силы. И подлинно, лишь только взводъ артиллеристовъ отнесъ тѣло Графа Іоанна въ домъ Правительства и отданъ былъ Коменданту Альмейдѣ приказъ удвоить караулы и разъѣзды и прекратить сообщенія съ гаванью, Генераль Жераръ, начальникъ регулярнаго войска, явился на площади съ своимъ штабомъ, произнесъ рѣчь къ солдатамъ и послалъ въ Герусію чиновника съ предложеніемъ возложить на него одного главное временное начальство въ Навпліи. Въ отвѣтъ на сей вызовъ ревности безкорыстной, Герусія дала знать ему, что Временная Правительственная Коммиссія уже учреждена и Предсѣдателемъ оной избранъ Графъ Августинъ Каподистріа. Народъ волновался, требовалъ крови измѣнниковъ, посягнувшихъ на жизнь отца отечества, и нѣкоторыхъ подозрительныхъ людей задержалъ на улицахъ съ ужаснымъ воплемъ: «Да погибнутъ злодѣи!» Въ числѣ угрожаемыхъ смертію находился тогда Князь Константинъ Караджа, извѣстный по тѣснымъ связямъ съ врагами Правителя. Чтобы спасти его изъ рукъ народа, возвѣщавшаго судъ Божій, мужественный Комендантъ велѣлъ отвести его въ караульную, а Графъ Августинъ, по настоянію Барона Руана, дозволилъ сдать Караджу Французамъ, дорожившимъ его безопасностію. Не смотря на успѣшныя поначетія властей о восстановленіи въ Навпліи тишины и порядка, Повѣренные въ дѣлахъ, Даукинсъ и Баронт

Руанъ, громко изъявляли Коменданту Альмейдѣ свое негодованіе за то, что сообщеніе съ судами, стоявшими на рейдѣ, подвергается было строгому обыску. На нелѣпыя сіи жалобы Комендантъ отвѣчалъ, что послѣ гнуснаго преступленія, отъ котораго вся Греція осиротѣла, первый долгъ его состоялъ въ упрежденіи тайнаго побѣга виновныхъ, для чего и взяты были имъ строгія мѣры. Не довольствуясь симъ оправданіемъ, Гг. Дипломаты забылись до того, что грозили Коменданту внезапнымъ выѣздомъ, если не отмѣнитъ онъ стѣснительныхъ распоряженій, будто бы нарушавшихъ права иностранныхъ Державъ въ лицѣ ихъ представителей. Прѣшніе происходило на площади: непоколебимый Альмейда, хладнокровно выслушавъ угрозу, вовсе не умѣстную, сплалъ предъ ними шляпу, поклонился и сказалъ твердымъ голосомъ: «Милостивые Государи! Желаю вамъ счастливаго пути!» (*bon voyage*), потомъ, отворотясь отъ изумленныхъ, удалился. Предъ наступленіемъ вечера сѣтующіе жители Навплии провѣдали, что убійца, Георгій Мавромихали, скрывается въ домѣ Французскаго посольства. Сей слухъ, подтвержденный очевидцами, возбудилъ въ сердцахъ грубыхъ, но правыхъ, неописанную ярость. Отвсюду шумныя скопища стекались къ запертымъ воротамъ ненавистнаго пристанища. Вопли, проклятія, угрозы оглашали воздухъ, возвѣщая трепещущему злодѣю неизбежную на землѣ казнь и кару небесную. Графъ Августинъ послалъ Коменданта къ Барону Руану, который сначала не сознавался въ укрывательствѣ убійцы, потомъ сказалъ, что подозрѣваемый впущенъ былъ въ домъ безъ его позволенія, и наконецъ, устрашенный настояніемъ Коменданта, указывавшаго ему на толпу раздраженныхъ гражданъ, рѣшился выдать Георгія, подъ прикрытіемъ военнаго караула, для преданія его суду. Изверга вывелъ за руку Подполковникъ Пельонъ, начальникъ штаба Генерала Жерара, и дружески провожалъ его до мѣста заключенія, безпрестанно увѣряя воиновъ въ невинности злосчастнаго плѣнника. По истинѣ страданіе зазорное и непостижимое! Началось судопроизводство: вся Греція стонала, облеченная въ печальное вретиче; всѣ Елліны отъ мала до велика, кромѣ нестовой, закоснѣлой, крамолы, во храмахъ и на торжищахъ, въ селахъ и пустыняхъ, оплакивали потерю общаго ихъ благотворителя, запечатлѣвавшего своею кровію нѣжную любовь къ отчеству. Не о проводникѣ, но о са-

михъ себѣ, о дѣтяхъ, потомкахъ, о будущей судьбѣ Греціи, на коей тяготѣлъ страшный грѣхъ, плакать имъ надлежало. И по-
длинно, съ 27-го Сентября, 1831 года, страна, напоенная кровію
самоотверженника, медленно испиваетъ чашу воздаянія, раство-
ренную междоусобіемъ, неустройствами, нищетою, стыдомъ и
жестокію коварства, злобно терзающаго нѣдра ея. Да смягчится и
надъ сими ослѣпленными приговоръ Правосудія Божія, о коемъ
во всѣ времена свидѣлствуютъ скрижали исторіи міра! Георгій
Мавромихали и сообщники его принадлежали составу содержи-
мыхъ Правительствомъ войскъ нерегулярныхъ. По сему престу-
пленіе ихъ подлежало вѣдѣнію верховнаго военнаго судилища.
Оно неоднократно допрашивало виновныхъ и вызывало свидѣ-
телей изъ разныхъ сословій. Показанія сихъ послѣднихъ обна-
ружили данною и тѣсную связь злодѣевъ съ шайкою крамольни-
ковъ, водворенныхъ въ Идрѣ и оттуда побудившихъ къ возстанію
жителей Маніи, полководца Каратассо и предавшихъ пламени
военный суда злосчастной Еллады. Кромѣ того, отрывки тайной
переписки указали на слѣды сокровенныхъ переговоровъ съ чу-
ужеземными пришельцами, имѣвшихъ постоянную, единственную,
цѣль ниспроверженіе законнаго и благотворнаго правительства
Графа Ивана Каподистрии. При обстоятельствахъ толико смут-
ныхъ, подъ грознымъ вліяніемъ извнѣ подущаемыхъ страстей,
преемнику незабвеннаго мученика не возможно было преслѣдо-
вать нить заговора обширнаго и мрачнаго, который таился въ
изгибахъ лабиринта, не приступнаго правосудію власти, скован-
ной и бисильной.

Надлежало ограничить сужденіе ближайшими виновниками
всенароднаго сиротства и невозвратной потери. Вопреки звѣрско-
му и упорному отрицанію изверга Георгія и полупризнаніямъ Ма-
кріани и товарища его изъ соима простыхъ воиновъ, верховное
судилище, утвердивъ заключенія свои на очевидности, тождествѣ
лицъ и безчисленныхъ свидѣльствахъ, приговорило Георгія Мав-
ромихали къ смерти, съ предварительнымъ отсѣченіемъ правой руки,
а сообщниковъ его осудило на пожизненное тюремное заключе-
ніе въ оковахъ. Графъ Августинъ отмѣнилъ отсѣченіе руки, по
Генералъ Жераръ, Баронъ Руанъ и Полковникъ Пельонъ, къ об-
щему негодованію душъ правыхъ, всемѣрно старались разглашать,
что убійцы не подлежали рѣшенію военнаго судилища. Однако

же, не взирая на увертки закоснѣлыхъ изверговъ и толки покровителей ихъ, Временное Правленіе приступило къ исполненію приговора, требуемаго и гласомъ Божиимъ и гласомъ челоуѣчества. Георгій Мавромихали вывели на лобное мѣсто. Ожесточенный преступникъ, предъ самою вѣчностію, еще дерзнулъ обратиться къ народу. Уста, дышавшія адскою нераскаянностію, отверзлись, дабы произнести нѣсколько несвязныхъ увѣщаній и побужденій къ миру и единодушію согражданъ. На отрывистыя слова его всѣ зрители въ одинъ грозный голосъ, или отголосокъ Небесъ, отвѣчали: «Анаѣма!» Раздались ружейныя выстрѣлы,—и губитель отчизны упалъ на землю, прозенный пулями.

Съ шумомъ погибла пѣмать нечестивыхъ, а драгоценныя остатки Правителя-мученика подверглись врачебному изслѣдованію и разъятію, по коему оказалось, что мозгъ прострѣленъ былъ двумя связанными пулями, а животъ получилъ рану, которая сама по себѣ признана была смертельною. За исключеніемъ сихъ поврежденій, вмѣстилище души великой найдено, во всѣхъ орудіяхъ жизни, совершенно здоровымъ и неистощеннымъ, обѣщавшимъ маститую и бодрую старость. Балъзамированное тѣло Графа Юанна, съ печальнымъ торжествомъ, вынесли изъ дома въ Соборную церковь Святаго Великомученика Георгія, и отиѣли при стеченіи всѣхъ жителей, чиновъ, Герусіи, войскъ, юныхъ питомцевъ усопшаго и въ присутствіи Адмираловъ и Посланныхъ иностранныхъ. Плачь народа оглашалъ воздухъ и вторилъ молитвамъ о упокоеніи праведника въ горшихъ обителяхъ, неприступныхъ для злобы челоуѣческой. Здѣсь дѣписатель покидастъ перо, утомленный повѣствованіемъ о современной славѣ и скорби житейской. Но духъ еще стремится умственно обозрѣть дивную цѣпь происшествій, очертанныхъ въ семь отрывкѣхъ изъ исторіи бурнаго нашего вѣка. Еще хотѣлось бы извлечь изъ общаго очерка великихъ событій какое нибудь живое наставленіе для потомства.

Съ половины XVIII-го столѣтія богопротивный духъ Французской революціи началъ выказываться въ Европѣ, мало по маду овладѣвалъ умами современниковъ и, подъ личиною всеобъемлющей филантропіи, произвелъ общее, глѣтворное, обаяніе. Оно совершенно ослабило просвѣщенную Европу, по тому что застало ее безнравственною и утомленною вѣковымъ бореніемъ свѣтской власти съ духовною. Вѣра, вѣдѣніе и власть, знаменующія въ

гражданскомъ быту коренныя силы естества человѣческаго, находились тогда въ непримиримомъ разрывѣ и взаимномъ противо-дѣйствіи. Власти мірскія, низложивъ истощенную злоупотребле-ніями церковную власть на Западѣ, уже съ безпокойствомъ взи-рали на быстрые успѣхи заносчиваго любознанія, дотолѣ втайнѣ подрывавшаго основу Престоловъ и Церкви. Но было поздно: лжеименный разумъ уже торжествовалъ побѣду надъ изувѣрст-вомъ и суевѣріемъ. Правительства сами благопріятствовали мни-мому ихъ искорененію; суемудріе, какъ союзникъ лукавый, вдругъ обратило изощренный мечъ свой противъ мірскихъ властей, меч-тавшихъ видѣти въ немъ противоборника одной власти духовной. Все, что до того времени казалось умствованіемъ, теперь сдѣла-лось существенностію; развившаяся теорія безбожія внезапно преобразилась въ практическое безначаліе. По закону строгой послѣдовательности, умствователи XVIII вѣка, отринувъ благое иго Царя Царей, смѣло посягнули на власть его намѣстниковъ. Серд-ца были приготовлены къ сему превратнымъ воспитаніемъ, и, по приговору Небеснаго Правосудія, Французская революція на-чалась съ 1789 годомъ. Съ сей вѣчнопомятой и плачевной эпо-хи, Россія, охраняемая Провидѣніемъ, выступила на поприще борь-бы долговременной, съ промежутками продолжающейся и до нынѣ. Клавреты Французской Республики простерли вліяніе ея на Востокъ; гроза обложила весь небосклонъ нашего отечества, от-ражавшаго навѣты врага громкими подвигами сыновъ своихъ въ Турціи, Италіи и на моряхъ средоземныхъ. Православные наши единовѣрцы, то помня Екатерину Великую и завѣты предковъ, то плѣняясь исполинскими успѣхами революціи, раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи. Графъ Иванъ Каподистрія свѣше избранъ былъ представителемъ истиннаго духа Христіанъ Восточныхъ и приведенъ въ Россію десницею Сердцевѣдца. Вихрь проишествій все ниспровергалъ въ буруеваемой Европѣ, Азій и Америкѣ. На-конецъ революція олицетворилась и сосредоточилась въ Наполео-нѣ, Вѣра и доблесть Христіанская въ Александрѣ I-омъ; тщетны были всѣ покушенія къ водворенію мира и союза между симъ двумя правственными противоположностями. Полнота времени на-стала, и вѣчность явила міру дивный событіями 1812 годъ. По-коренная воля одного могущественнаго генія, всеразрушающая сила революціи сокрушилась о твердый оплотъ Россіи. Исполин-

ское нападеніе произвело равнoсильное противодѣйствіе, и Европа, подавленная гигантскою пятою завоевателя, единодушно воспрянула, ополчилась на Францію и совершила надъ преступною, гордою, страною судъ Божій, смягченный духомъ кротости и Христіанскаго братолюбія. Но пораженіе вещественныхъ, враждебныхъ, силъ, воскресивъ въ Европѣ благородное стремленіе къ особой самобытности каждаго народа, не возмoгло, однако жъ, однимъ и тѣмъ же ударомъ искоренить всѣхъ давно посѣянныхъ всюду плевелъ безбожія и строитиваго противленія властямъ. Ибо худые законы легко замѣнить лучшими, но цѣлыя поколѣнія, однажды растлѣнныя превратнымъ воспитаніемъ, неудержимо свершаютъ свое земное поприще и мгновеннымъ чудодѣйствіемъ возрождены быть не могутъ. По сему революція, посрамленная во Франціи, пребыла живою и дѣйственною въ прочихъ странахъ Европы, вихремъ перенеслась въ Южную Америку, пылала на Востокѣ справедливое негодованіе Христіанъ, утомленныхъ игомъ Турецкимъ, и принудила Вѣнценосцевъ не отлагать меча, при всѣхъ признакахъ глубокаго мира. Таково было положеніе Европы съ 1815 до 1820 года. Въ сей промежутокъ времени Россія первенствовала на стражѣ общей безопасности; руководимая Александромъ, она чуждалась частныхъ своихъ выгодъ и не рѣдко жертвовала ими сохраненію дружества Державъ и благополучію ихъ подданныхъ. Братскій и Христіанскій союзъ 14-го Сентября, 1815 года, Аахенскій Конгрессъ и всѣ слѣдовавшія за сими эпохами безкорыстныя попеченія и усилія избавителя Европы, постоянно клонились къ тому, чтобы въ сферѣ политической и нравственной снова воцарить творческую силу истинной Вѣры, вліяніемъ ея произвести возрожденіе современниковъ, и тѣмъ неизбѣжно упрочить взаимность правъ и обязанностей человѣческихъ. Вопреки симъ стараніямъ, сѣмена революціи прозябли, возросли и припесли плоды горькіе. Испанія и Италія запылали; искры необъятнаго пожара, летая изъ края въ край Европы, грозили опустошеніемъ всемірнымъ; наконецъ съ 1821 годомъ, предуготовленное причинами мѣстными, возстаніе Грековъ поставило Россію въ необходимость учинить тягостной, роковой выборъ, между собственною пользою и спокойствіемъ цѣлаго міра. Императоръ Александръ отказался отъ новаго вѣнца славы, дабы отвратить вселенскую брань и не подать повода къ раздору между Державными Союз-

никами. Единовѣрцы наши лишились единственнаго по Богѣ заступника, и крамольники всѣхъ странъ Европы, какъ плотоядныя птицы, отвсюду слетѣлись въ Елладу на кровавый пиръ. Понятія о законности смѣшались; поборники верховной власти вступились за Султана, истребителя Христіанъ, а провозвѣстники необузданной вольности возликовали, папедъ въ тиранствѣ Мусульманъ вожделѣнный поводъ къ оужденію Монархическихъ правилъ. Тѣ и другіе погрѣшали въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ, основанныхъ на примѣненіи совершенно случайномъ и произвольномъ. Не смотря на сіе, волненіе умовъ возрастало, страсти раздражались, а человѣчество сонмами погибало на Востокѣ, опустошаемомъ войною и умственнымъ бореніемъ, кои породили лишь бѣдственный хаосъ и сугубое распространеніе ложныхъ понятій. Наконецъ Императоръ Александръ положилъ въ душѣ своей прекратить душегубство и разрушеніе въ областяхъ Турецкихъ. Англія, подъ водительствомъ предприимчиваго, но мятежнаго, генія, въ то же время вознамѣрилась овладѣть судьбою Греціи, дотошъ ея гонимой, и подчинить бытіе ея соображеніямъ политики смѣтливой и своекорыстной. Каннингъ произнесъ надъ Испанією приговоръ отпаденія Американскихъ ея колоній и заманилъ въ волшебный кругъ Британскаго вліянія всѣхъ искателей счастья въ Елладѣ. Тогда безвременная кончина Александра I-го заставила всю Европу страшиться новыхъ опасностей со стороны Россіи. Съ посѣбшиностію открыты были переговоры и возникъ союзъ трехъ Державъ для единой, благородной, цѣли. Кичливая Порта, изумленная столь нечаяннымъ сопряженіемъ разнородныхъ стихій, съ негодованіемъ отринула всѣ предложенія, клонившіяся къ примиренію ея съ подданными, и гроза разразилась надъ главами гонителей Христіанства. Напрасно Персія вѣроломствомъ мечтала поколебать твердость Сѣвернаго колосса; напрасно Турція вызывала Россію на неравное единоборство: напрасно духъ крамолы и пестросіи ополчился противъ Николая I-го ослѣвленныхъ жителей Польскаго Царства, процвѣтавшаго подъ сѣнію престола Петра Великаго; всѣ явившія покушенія и тайныя ковы обратились въ стыдъ и посрамленіе цавѣтниковъ отечества нашего, и Европа, забывшая всѣ благодѣянія старшаго внука Екатерины, вопреки гордости самодовольнаго просвѣщенія, принуждена была снова прибѣгнуть къ суду и заступленію Августѣйшаго Брата и Преемника Благосло-

веннаго. И во дни наши, среди громовыхъ тучъ, облегающихъ небосклонъ древняго и новаго свѣта, звѣзда Сѣвера ярко просіяваетъ сквозь мглу, омрачающую бытіе современныхъ народовъ, и теперь всѣ праводушные читатели законовъ Божіихъ и человѣческихъ вперяютъ взоръ упованія на непреклонную, слыше осѣняемую, Россію. Единовѣрная намъ Еллада, проливая слезы надъ могилою доблестнаго страдальца, посветившаго всю жизнь свою высокому идеалу, въ которомъ сливались Россія, Греція и, общая ихъ мать, Святая Церковь, страна сія, говорю, отъ безкорыстнаго дружелюбія Россіянъ ждетъ и чаетъ прочнаго себѣ благоденствія. Тайна временъ грядущихъ, не проникаемая для ума смертныхъ, но всѣмъ вѣроятностямъ, тѣсно сопряжена съ предопредѣленіемъ имени Русскаго. Наставленія Исторіи внятно гласятъ намъ, что здравая политика, озаренная Христіанскою мудростію, чуждая зависти и злобы, ознаменованная постояннымъ благоволеніемъ къ человѣчеству, благонадежныѣе и прямѣе ведетъ народы къ счастью, славѣ и высшему ихъ назначенію, нежели всѣ ухищренія коварства и всѣ вымыслы нынѣ господствующаго въ Европѣ суемудрія.

Конечно, Россія, въ теченіе полулѣтѣ не всегда умѣла избѣгать погрѣшностей въ выборѣ средствъ, времени и дѣйствующихъ орудій и соображеній; но Вѣщности наши постоянно отвращались всякой порочной цѣли въ направленія дѣятельности Государственной и народной. Въ лозданы чистоты ихъ намѣреній, вѣнецъ Мономаха сіяетъ въ немерцающемъ блескѣ; враги Россіи, пресмыкаясь у ногъ ея, тщетно стараются поколебать ея могущество: въ лоно отечества еще хранится чистое животворное пламя Вѣры и Благочестія; врожденные способности Россіянъ развиваются; зданіе, заложенное Владиміромъ, укрѣпленное Иваномъ III и Алексѣемъ Михайловичемъ, преобразованное Петромъ Великимъ, возвеличенное Александромъ I и Николаемъ, стоитъ твердо, какъ величественная пирамида, въ основахъ широкая и увѣчанная единовластіемъ. О Россіи то же можно сказать, что древле повторяли истинные философы всѣмъ любимцамъ счастья, достигшимъ высшей степени земнаго благополучія и славы: «Вамъ болѣе некого страшиться; страшитесь страстей, пороковъ и заблужденій собственныхъ; страшитесь самихъ себя!»